

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 (52) 2024

ISSN 2411-7951

Ученые записки

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 2411-7951

Главный редактор

Татьяна Леонидовна Каминская,
д. филол. наук, доцент

Научный редактор направления

Елена Владимировна Торопова,
к. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

Редакционная коллегия

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна,
д. филол. наук, с. н. с. (Москва)

Бессуднова Марина Борисовна,
д. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

Высокова Вероника Витальевна,
д. ист. наук, профессор (Екатеринбург)

Гайдуков Петр Григорьевич,
д. ист. наук, член-корр. РАН (Москва)

Гиппиус Алексей Алексеевич,
д. филол. наук, профессор, член-корр. РАН (Москва)

Заика Владимир Иванович,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

Запарий Владимир Васильевич,
д. ист. наук, профессор (Екатеринбург)

Маленко Сергей Анатольевич,
д. филос. наук, профессор (Великий Новгород)

Моторин Александр Васильевич,
д. филол. наук, профессор (Великий Новгород)

Питина Светлана Анатольевна,
д. филол. наук, профессор (Челябинск)

Прохорова Ольга Николаевна,
д. филол. наук, профессор (Белгород)

Седов Владимир Валентинович,
д. искусств., профессор, член-корр. РАН (Москва)

Селин Адриан Александрович,
д. ист. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Семенова Александра Леонидовна,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

Терешкина Дарья Борисовна,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

Шмелева Татьяна Викторовна,
д. филол. наук, профессор (Великий Новгород)

№ 1 (52) 2024

Учредитель и издатель – Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

Адрес редакции и издателя:

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1308
Тел. (8162) 338830 доб. 2292

Факс: (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Ученые записки

Новгородского государственного университета
№ 1 (52) 2024

Оригинал-макет подготовлен редакцией
сетевого издания «Ученые записки
Новгородского государственного университета»
Переводчик Власова А. В.

Свидетельство

Эл № ФС77-58076 от 20 мая 2014 г.
Роскомнадзора Российской Федерации
Выходит не менее 4 раз в год

Подписано в печать 28.02.2024 г.

Дата выхода 01.03.2024 г.

© НовГУ, 2024

© Авторы статей, 2024

(16+)

Memoirs of Novgorod State University

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 2411-7951

№ 1 (52) 2024

Editor-in-Chief

Tatiana L. Kaminskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor

History Science Editor

Toropova Elena V.,
Candidate of History, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Editorial Board

Arias-Vikhil Marina A.,
Doctor of Philology, Senior Scientific Researcher (Moscow)

Bessudnova Marina B.,
Doctor of History, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Gaidukov Petr P.,
Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Gippius Aleksey A.,
Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Malenko Sergey A.,
Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod)

Motorin Aleksandr V.,
Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod)

Prokhorova Olga N.,
Doctor of Philology, Professor (Belgorod)

Pitina Svetlana A.,
Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk)

Tereshkina Daria B.,
Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Sedov Vladimir V.,
Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Semenova Aleksandra L.,
Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Shmeleva Tatiana V.,
Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod)

Vysokova Veronika V.,
Doctor of History, Professor (Ekaterinburg)

Zaika Vladimir I.,
Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Zapariy Vladimir V.,
Doctor of History, Professor (Ekaterinburg)

Founder and Publisher —

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”
(NovSU)

Postal Address:

173003, Russian Federation, Veliky Novgorod,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., office 1308

Tel.: +7 (8162) 338830 add. 2292

Fax: +7 (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Memoirs of NovSU

№ 1 (52) 2024

Camera-ready copy is prepared
by the Memoirs of NovSU editorial staff
Translation Editor Vlasova A.V.

Registration Certificate:

El No. FS77-58076 of May 20, 2014, issued by the
Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
Published no less than 4 times a year

Signed for publication on February 28, 2024
Published on March 01, 2024

© NovSU, 2024

© Authors of articles, 2024

(16+)

СОДЕРЖАНИЕ

1	Каминская Т. Л.	В редакторской оптике: всем причастным к журналу адресуется	8
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА			
2	Евдокимов В. А.	Структура публичного пространства	11
3	Фатеева И. А.	О первой попытке коммеморации научно-исследовательских достижений Государственного института журналистики как центра газетоведения	20
4	Ляпина А. В.	Жанр фельетона в дореволюционных журналах природы и охоты	33
5	Мокшин С. И.	Дискурс сенсационности. Способы коммуникативного воздействия	44
6	Зубаркина Е. С.	Специфика современного детского радиодискурса: аудитория, типология, функции программ	51
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ			
7	Терешкина Д. Б., Семенова А. Л.	Архивные источники в литературоведческих исследованиях: от факта к интерпретации	61
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ			
8	Бакшаева Н. Ю.	Коммуникативные практики участников проекта «История фабрик и заводов»: М. Горький, РАПП и МАПП	70
9	Федосеева Т. В., Тимофеев Н. К.	Содержательность сюжетно-событийных структур нарративной лирики Я. П. Полонского позднего периода творчества	83
10	Дорофеева Л. Г., Макарова О. Ф.	Мотивы духовного подвижничества в Киево-Печерском патерике	92
11	Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф.	Переписывание Чехова в современной прозе: опыт Д. В. Драгунского	101
12	Семенова А. Л.	Рецензия на учебное пособие Т. Д. Беловой «Горький. «Рассказы 1922-1924 годов»: мотивы, образы смыслы. Проблемы современного прочтения»	111
ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА			
13	Александрова А. А.	Авторская модальность в низком поэтическом бурлеске Сэмюэла Батлера «Гудибрас»	118

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

14	Фабинский М. В.	В. А. Штукин (1894–1923): юрист, чекист, агитатор	125
15	Твердюкова Е. Д.	Работа высших учебных заведений Российской империи на нужды обороны в годы Первой мировой войны	133
16	Асташкин Д. Ю.	Преступления нацистов против детства на Новгородском судебном процессе (7 декабря – 18 декабря 1947 г.)	141
17	Борисевич Д. А.	Влияние дефицита в позднем СССР на формирование «культурного кода» новгородцев по их личным воспоминаниям	148

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

18	Кочелаева И. С.	Лексикон новых молодежных субкультур: интернет-сообщество неформальных художников	156
----	-----------------	---	-----

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

19	Кузина О. А., Ситько Ю. Л., Теплова Т. Е.	Культурно-коннотированная лексика периода перестройки в переводе рассказа В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» на английский язык	168
----	---	--	-----

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

20	Рыжкова Е.В., Кокконен Е.И.	Языковая репрезентация «eco-anxiety» в британском медиадискурсе (на примере The Guardian)	176
21	Медведева Е. П.	Многокомпонентные термины международного воздушного права в английском языке	185

CONTENTS

1	Kaminskaya T. L.	THROUGH THE EDITOR'S EYES: To all those involved in the publication	8
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM			
2	Evdokimov V. A.	The structure of public space	11
3	Fateeva I. A.	On the first attempt to commemorate the scientific and research achievements of the state Journalism Institute as a center of newspaper studies	20
4	Lyapina A. V.	The feuilleton genre in the pre-revolutionary nature and hunting magazines	33
5	Mokshin S. I.	The discourse of confrontation in polycode texts of modern media	44
6	Zubarkina E. S.	Specifics of modern children's radio discourse: audience, typology, program functions	51
THEORY OF LITERATURE			
7	Tereshkina D. B. Semenova A. L.	Archival sources in literary studies: from fact to interpretation	61
RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURES OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION			
8	Bakshaeva N. Yu.	Communicative practices of actors participating in the project "Stories of factories and plants": M. Gorky, RAPW and MAPW.	70
9	Fedoseeva T. V., Timofeev N. K.	The content of the plot and event structures Ja. Polonsky's narrative lyrics of the late period of creativity	83
10	Dorofeeva L.G., Makarova O.F.	Motives of spiritual asceticism in the Kievo-Pechersky paterikon	92
11	Bushkanets L. E. Ivanova N. F.	The rewriting of Chekhov in modern prose: the experience of D. V. Dragunsky	101
12	Semenova A. L.	Review of the teaching manual by T. D. Belovy "Gorky. "Stories of 1922-1924": motives, images of meaning	111
LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD			
13	Alexandrova A. A.	Authorial modality in low poetic burlesque by Samuel Butler "Hudibras"	118

RUSSIAN HISTORY			
14	Fabinsky M. V.	V. A. Shtukin (1894–1923): lawyer, security officer, agitator	125
15	Tverdyukova E. D.	Work of higher educational institutions of the Russian Empire for defense needs during the First World War	133
16	Astashkin D. Y.	Nazi crimes against childhood at the Novgorod trial (December 7 - December 18, 1947)	141
17	Borisevich D. A.	The impact of the shortage in the late USSR on the formation of the "cultural code" of Novgorod residents according to their personal memories	148
RUSSIAN LANGUAGE, LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA			
18	Kochelaeva I. S.	The lexicon of new youth subcultures: internet community of informal artists	156
LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES			
19	Kuzina O. A., Sitko Yu.L., Teplova T.Ye.	Perestroika times' vocabulary with culture specific connotation in the English translations of the novel "Vera Pavlovna's Ninth Dream" by Victor Pelevin	168
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS			
20	Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I.	Linguistic representation of "eco-anxiety" in British media discourse (a case-study of the Guardian)	176
21	Medvedeva E. P.	Features of multi-component terms of international air law in English	185

В РЕДАКТОРСКОЙ ОПТИКЕ: всем причастным к изданию адресуется

В первом номере года научного сетевого издания «Ученые записки Новгородского государственного университета» мы подведем краткие итоги работы нашей редакционной коллегии за 2023 год и сформулируем планы/задачи на 2024.

Прежде всего хотим поздравить всех, кто причастен к изданию (учредителей, редакционную коллегию, авторов, рецензентов, читателей), с отнесением нашего журнала во вторую категорию (K2) Перечня рецензируемых научных изданий согласно Рекомендации ВАК РФ №3-пл/1 от 21.12.2023 «О категорировании перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». Это стало результатом оценки научных журналов по методике из двух составляющих: оценивались наукометрические показатели (количественная оценка) и мнения экспертов (качественная оценка); качество научных статей, их уникальность, авторитетность, показатели авторов и рецензентов, а также организации, которые представляют все эти участники издательского процесса. Результатом экспертизы стало распределение журналов по трем категориям в соотношении K1 – 25%, K2 – 50%, K3 – 25%.

Таким образом в 2023 году мы выполнили приоритетные задачи – благодаря эффективной работе с нашими авторами, рецензентами, редакторами обеспечили журналу более высокий уровень K2 в общероссийском рейтинге научных изданий (по методике ВАК РФ) и расширили «географию» авторов журнала. Сегодня в журнале публикуются авторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Нижнего Новгорода, Саратова, Пскова, Череповца, Петрозаводска, Сыктывкара, Тамбова, Омска, Севастополя, исследователи из Китая.

Отмечаем, что наш журнал тематически разнообразен: в нем публикуются статьи по научным направлениям «Филологические науки» (среди которых «Медиакоммуникации и журналистика») и «Исторические науки». Археологические находки как свидетельства прежних эпох, медийные технологические тренды как прогнозирование коммуникации будущего, осмысление нашего недавнего советского прошлого и речевого настоящего находило отражение в номерах журнала и приглашает сегодня к научным дискуссиям.

Работая над повышением качества публикуемых материалов, мы благодарим авторов, которые стремятся улучшить свои тексты вместе с нами. В 2023 году вышло шесть выпусков журнала, два из которых были тематическими.

Сердечное спасибо всем рецензентам, которые, будучи экспертами самой высокой квалификации и невероятно занятыми людьми, откликнулись на просьбы редакции и помогали осуществлять оценку представленных материалов.

Особенно бы хотелось отметить усилия М. А. Ариас-Вихиль, ведущего научного сотрудника ИМЛИ РАН, Л. Г. Дорофеевой, профессора БФУ имени И. Канта, профессора кафедры русского языка как иностранного и методик его преподавания СПбГУ

Е. И. Зиновьевой, профессора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» Н. В. Юдиной, профессоров НовГУ О. С. Бердяевой, В. И. Заики, Б. Н. Ковалева, А. В. Моторина, А. Л. Семеновой, Д. Б. Терешкиной, Т. В. Шмелевой и организаторскую работу научного редактора исторического направления завкафедрой истории России и археологии Е. В. Тороповой.

Мы надеемся, что текущий год подарит редакции и читателям журнала новые встречи с уже известными авторами и новых авторов, общими усилиями с которыми мы еще повысим качество нашего журнала. Мы обновляем редакционную коллегию издания, в которую вошли и еще войдут ученые из разных уголков страны, познакомим вас с новыми интересными авторами. Мы представим на сайте журнала обновленную информацию для авторов; актуализируем работу с электронными библиотечными системами и научными агрегаторами для более широкого распространения информации о материалах, публикуемых на электронных страницах издания; будем фиксировать цифровой след издания в медийных ресурсах.

Желаем нашим авторам и читателям, рецензентам и редакторам неиссякаемого научного поиска и реализации намеченных планов, крепкого здоровья и творческого вдохновения! С потенциальными авторами и рецензентами нашего издания по-прежнему держим связь по адресу электронной почты eNotes@novsu.ru.

*Главный редактор – доктор филологических наук,
Татьяна Леонидовна Каминская*

THROUGH THE EDITOR'S EYES: to all those involved in the publication

In the first issue of the year of “Memoirs of NovSU” online scientific journal, we are going to summarize the results of our editorial board’s work for 2023 and formulate plans/tasks for 2024.

First of all, we would like to congratulate all those involved in the publication (founders, editorial board, authors, reviewers, readers) on assigning our journal to the second category (K2) of the List of Peer-reviewed Scientific publications in accordance with the Recommendation of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation No. 3-pl/1 dated 12/21/2023 “On categorizing the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published.” This was the result of evaluating scientific journals using a two-component methodology: scientometric indicators (quantitative assessment) and expert opinions (qualitative assessment) were evaluated; the quality of scientific articles, their uniqueness, credibility, indicators of authors and reviewers, as well as organizations that represent all these participants in the publishing process. The result of the examination was the distribution of journals into three categories in the ratio K1 – 25%, K2 – 50%, K3 – 25%.

Therefore, in 2023, we fulfilled the priority tasks – thanks to effective work with our authors, reviewers and editors, we provided the journal with a higher K2 level in the all-

Russian rating of scientific publications (according to the methodology of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation) and expanded the “geography” of the journal’s authors. Today, the journal publishes authors from Moscow, St. Petersburg, Kaliningrad, Nizhny Novgorod, Saratov, Pskov, Cherepovets, Petrozavodsk, Syktyvkar, Tambov, Omsk, Sevastopol as well as researchers from China.

We note that our journal is thematically diverse: it publishes articles in the scientific fields of “Philological Sciences” (including “Media Communications and Journalism”) and “Historical Sciences”. Archaeological findings as evidence of previous eras, media technological trends as forecasting the communication of the future, understanding our recent Soviet past and the speech present were reflected in the issues of the journal and invite for scientific discussions today.

Working to improve the quality of the materials being published, we thank the authors who strive to improve their texts with us. In 2023, six issues of the journal were published, two of which were thematic.

A heartfelt thank you to all the reviewers who, being experts of the highest qualification and incredibly busy people, responded to the requests of the editorial board and helped to assess the submitted materials.

I would especially like to note the efforts of M. A. Arias-Vihil, a leading researcher at A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, L. G. Dorofeeva, Professor at Immanuel Kant Baltic Federal University, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching at St. Petersburg State University E. I. Zinovieva, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation N. V. Yudina, professors of NovSU O. S. Berdyaeva, V. I. Zaika, B. N. Kovalev, A.V. Motorin, A.L. Semenova, D. B. Tereshkina, T. V. Shmeleva and the organizational work of the scientific editor of the historical direction, Head of the Department of Russian History and Archaeology E. V. Toropova.

We hope that this year will grant the editorial board and readers of the journal new opportunities to meet already well-known and new authors, with whom we will jointly improve the quality of our journal. We are updating the editorial board of the journal, which includes and will include scientists from different parts of the country, and we will introduce you to interesting new authors. We will present updated information for authors on the journal’s website; we will update work with electronic library systems and scientific aggregators for wider dissemination of information about materials published on the electronic pages of the journal; we will record the digital footprint of the journal in media resources.

We wish our authors and readers, reviewers and editors an inexhaustible scientific search and the implementation of their plans, good health and creative inspiration! We continue to keep in touch with potential authors and reviewers of our publication by e-mail eNotes@novsu.ru.

Editor-in-Chief
Doctor of Philology, Associate Professor,
Tatiana L. Kaminskaya

Евдокимов В. А.

СТРУКТУРА ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье рассмотрена структура публичного пространства. Актуальность исследования определяется тем, что автор анализирует возможности интерпретации публичного пространства в узком понимании как городской среды и предлагает трактовать публичное пространство в широком смысле как систему, включающую с точки зрения сфер проявления такие сегменты, как политическое, экономическое, культурное, этническое пространство. Публичное пространство охарактеризовано с точки зрения масштабности и с точки зрения сфер отражения коммуникативных связей. Взаимодействия с точки зрения масштабности происходят в публичном пространстве общемировом, континентальном, национальном, региональном, локальном, с точки зрения сфер отражения коммуникативных связей – в городском, внегородском, интернет-среде. Публичное пространство, которое является частью информационного пространства, охарактеризовано как обширная, не ограниченная городской средой система, включающая с точки зрения сфер проявления такие сегменты, как политическое, культурное, экономическое, этническое пространство. На высшем уровне этой системы находится политическое пространство. Субъектами политики осуществляется координация разнообразных взаимодействий, происходящих в экономическом, культурном, этническом пространстве. В то же время взаимодействия, фиксируемые в экономическом, культурном, этническом пространстве, могут влиять на события и процессы, происходящие в политической среде. Элементом культурного пространства является медиасреда. Массмедиа совершенствуют интерактивные связи с аудиторией, но не все сообщения, распространяемые журналистами, становятся частью публичного пространства, если в обсуждении актуальных тем не участвуют читатели, зрители, слушатели. Полученные результаты имеют значение для осмысления коммуникативных процессов, происходящих в публичном пространстве, в котором возможны как конструктивные дискуссии, отражающие различные точки зрения, так и имитированные, не представляющие многообразие мнений свободных граждан.

Ключевые слова: публичное пространство, взаимодействие, массмедиа, дискуссия, коммуникативные связи.

Для цитирования: Евдокимов В. А. «Структура публичного пространства» // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 11-719. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(52).11-19

Публичное пространство изучают философы и социологи, политологи и этнологи, историки и культурологи. Представления о публичном пространстве, которое является частью социального пространства как огромного комплекса ни на мгновение не останавливающихся процессов, осмысляемых как поток событий [Штомпка, 2007, с. 67-83], разнообразны. Эти представления отражают особенности публичного пространства, в котором устанавливаются неформальные, доверительные или конфликтные взаимоотношения людей, склонных к взаимодействию, конкуренции или созерцанию, наблюдению. Цель автора – рассмотреть структуру публичного пространства.

Распространено восприятие публичного пространства как урбанистического феномена. Американский социолог Л. Лофланд подчеркивала универсальность информационного эффекта публичности, люди в городе способны узнать многое об окружающих, «просто глядя друг на друга» [Lofland, 1998, р. 48]. В публичном пространстве, полагает британский исследователь Р. Сеннет, происходят множественные незапланированные взаимодействия, незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга [Сеннет, 2022, с. 60]. Немецкий философ В. Беньямин отмечал, что публичное пространство – выставочное, в нем люди и вещи подлежат взаимной демонстрации – товаров посетителям и посетителей друг

другу [Benjamin, 1991, p. 66-68].

Размышления о публичном пространстве как о городской среде связаны, видимо, с узким пониманием термина, тем более что существуют и иные оценки урбанистического пространства. Немецкий социолог Г. Зиммель указывал на замкнутость образа жизни крупных городов, объясняя ее не только безразличием, но и некоторым отвращением, взаимной отчужденностью и отдаленностью, которые при первом соприкосновении тотчас переходят в ненависть и борьбу [Зиммель, 2018, с. 10-19]. Белорусский исследователь Е.В. Лебедева отметила, что существует дисбаланс между «производством» и «потреблением» публичного пространства, когда горожанин теряет возможность участвовать в процессе производства городской среды, что способствует росту отчуждения и равнодушия к окружению, изоляции индивидов [Лебедева, 2017, с. 91].

Для ряда исследователей наиболее ценны коммуникативные связи, устанавливаемые в публичном пространстве. Философ Х. Арендт интерпретировала публичную сферу не как урбанистический феномен, виртуальное пространство информационного обмена, а как реальную сферу непосредственного взаимодействия людей, пространство встреч свободных граждан для обсуждения и согласования точки зрения на вопросы общественной жизни. Люди открыто высказывают мнение и хотят быть услышанными другими [Арендт, 2017, с. 66, 69]. На взгляд исследователя, публичное пространство отражает большое количество разнообразных, часто противоречивых точек зрения. Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, исследовавший процессы формирования демократического общественного мнения, специфику свободной коммуникации, полагал, что публичными называют события, если они доступны всем [Habermas, 1991, p. 54]. В публичном пространстве, которое является сегментом информационного пространства, формируется общественное мнение в процессе насыщенной дискуссиями деятельности теми, кто «читает, пишет и интерпретирует», публичная сфера понимается как неформальная сеть для обмена информацией в коммуникативном действии [Хабермас, 2008, с. 112-132]. Эти исследователи связывали публичную сферу с политикой и выработкой политических решений [Козьякова, 2017]. Внимание российского историка В. И. Дятлова привлекла такая особенность публичного пространства, как выход в публичную сферу этничности, актуализация ее как важного фактора при регулировании общественных отношений [Дятлов, 2015, с. 9].

Для выработки каких-либо решений в публичном пространстве происходят коммуникативные взаимодействия индивидов, рассмотрение ими актуальных тем при сопоставлении различных точек зрения, а не только имеет место созерцание, наблюдение людей друг за другом, что может быть свойственно городскому пространству, если считать его выставочным. Созерцание, наблюдение людей друг за другом могут быть как частью развлечений, праздного времяпрепровождения, так и процесса формирования представлений о нормах поведения, нравах, традициях, которые характерны для этнических общностей, демографических, профессиональных, территориальных, религиозных групп. У созерцающих, наблюдающих друг за другом людей может иметься или отсутствовать желание взаимодействовать.

Рассматривая городскую среду, возможности выработки политических решений, исследователи имеют в виду, скорее всего, не публичное пространство в целом, а его сегменты. По мнению автора, публичное пространство – это общедоступная среда, в которой происходят обмен информацией, дискуссии, предусмотренные или незапланированные взаимодействия граждан, выработка социально значимых решений, формируется общественное мнение. Публичное пространство обширно и не ограничивается городской средой. За пределами городской среды могут происходить публичные дискуссии, предусмотренные или незапланированные взаимодействия, а их участники способны наблюдать, наслаждаться обществом друг друга. С точки зрения масштабности может быть выявлено публичное пространство общемировое, континентальное, национальное, региональное, локальное, с точки зрения сфер отражения коммуникативных связей – городское, внегородское, интернет-среда. Публичное пространство континента является подсистемой общемирового публичного пространства. Элементом публичного пространства континента служит публичное пространство каждой из стран, расположенных на материке. Одновременно как самостоятельная система может быть рассмотрено публичное пространство государства, насыщенное взаимодействиями субъектов политики, экономики и культуры, объединений гражданского общества. Коммуникативные связи, существующие в публичном пространстве континента, страны, региона, локальной общности, отличаются степенью интенсивности, их результативность зависит чаще всего от влияния субъектов политики и экономики.

Современные технологии обеспечивают доступность дискуссий, люди могут участвовать в дебатах, встречаясь лицом к лицу или находясь в отдалении друг от друга. С возникновением интернета как средства записи, хранения, передачи и воспроизведения информации, и глобальная сеть стала частью публичного пространства. Созданы условия для взаимодействия индивидов, обмена сообщениями, имеются веб-инструменты для выработки социально весомых решений, организации общественных кампаний, обеспечена оперативность распространения неограниченного количества информации. Каждый пользователь может вовлечь читателей в обсуждение важных тем, анализируя значимые события и процессы, комментируя онлайн-дискуссии. Индивид может, не участвуя в форуме, конференции, конгрессе, выразить собственную точку зрения о темах обсуждения и, используя неформальные коммуникативные связи, взаимодействовать со значительным количеством людей.

Чтобы событие стало доступным, публичным, информацию о нем должны получить потенциальные участники коммуникативных взаимодействий. Если информация размещена в интернете, не вся она, если следовать позиции Х. Арендт и Ю. Хабермаса, становится элементом публичного пространства и побуждает пользователей участвовать в обсуждении сообщений. Множество сообщений, распространяемых в интернете организациями и предприятиями, а также индивидами, не вызывает отклики. Иные условия для коммуникативных взаимодействий пользователей имеются в группах, созданных в социальных сетях. Пользователей связывают, как правило, общие интересы, потребности.

Цели участников дебатов не всегда связаны с поиском общественно значимых

решений. Спонтанно возникший во дворе многоквартирного дома диалог о социальной проблеме открыт для желающих выразить мнение. Он окажется безрезультатным, если участники обсуждения, расставшись, забудут о состоявшемся обмене мнениями, так как их целью был не поиск решения проблемы, а общение. Возможен и иной вариант, когда молва разносит тему обсуждения по населенному пункту, в полемике участвуют все больше людей, она становится доступным событием локального публичного пространства. Составной частью локального публичного пространства может оказаться и дискуссия, о которой желающие участвовать в ней узнают из объявлений, развешанных около жилых домов неформальным объединением. Если тема дебатов злободневна для жилых массивов нескольких населенных пунктов, обсуждение может переместиться из локального в региональное публичное пространство. Сферу распространения коммуникативных связей способно изменить и происшествие, вызвавшее многочисленные правонарушения и всколыхнувшее жителей населенного пункта. Если они предпринимают попытку осмыслить причины негативного процесса в неформальных дебатах, результатом дискуссий может стать принятие решений органами власти в региональном публичном пространстве.

Компонентом публичного пространства, вероятно, становится и студия телекомпании, которая, не являясь общедоступным местом, транслирует ток-шоу на тему, значимую для жителей региона, страны, и предоставляет им возможность участвовать в дискуссии. Предпринимая попытки привлечь зрителей, телекомпании создают страницы в социальных сетях, пользователи могут комментировать программы, выражать мнения о рассматриваемых журналистами проблемах. Формами интерактивных связей с аудиторией являются и голосование посредством передачи коротких сообщений с помощью мобильного телефона, и участие зрителей в телеиграх. Если и оценивать такие действия, как показатель вовлечения в дискуссию, то они носят развлекательный характер, не связаны с обстоятельным, разносторонним анализом какого-либо явления, процесса и, как правило, не приводят к выработке значимых для общества решений.

Обсуждение актуальных тем может не только носить развлекательный характер, но и быть имитированным. Включаясь в «бизнес», дискуссия формализуется; представление позиций и контрпозиций ограничено заранее заданными правилами игры; согласие относительно формы общения делает в значительной мере излишним согласие относительно предмета обсуждения [Habermas, 1991, p. 253]. Свобода мнения становится фарсом, если не гарантирована фактическая информация, а сами факты являются предметом спора [Arendt, 1968, p. 238]. На представительных форумах ораторы могут выражать единодушие в оценке событий и социально-политических процессов и, по существу, излагать разными словами одну точку зрения с целью формирования взглядов, представлений, оказания влияния на поведение граждан, а доступ к дебатам людей, чьи взгляды не совпадают с позицией организаторов, ограничен. Если следовать точке зрения Х. Арендт и Ю. Хабермаса, такие форумы, вероятно, нельзя считать элементами публичного пространства.

Границы публичного пространства не тождественны в различных регионах, странах. Поле обмена информацией в коммуникативном действии, осуществляемого

как пользователями в интернете, так и журналистами и аудиторией массмедиа, может быть сужено. Вместо дискуссий, цивилизованного, конструктивного обсуждения проблем в интернете могут быть осуществлены кампании, направленные на дискредитацию какого-либо лица или организации, чья позиция неудобна устроителям акций. В государствах могут быть созданы благоприятные условия для неформальных дискуссий, свободных взаимодействий людей в интересах выработки общественно значимых решений и в то же время введен контроль обмена информацией в интернете, ограничен доступ к ряду ресурсов для обеспечения государственной безопасности, защиты публичных и частных интересов. В странах, где сильны авторитарные традиции, публичное пространство имеет ограниченные размеры, блокирование сайтов, содержащих критику правящих режимов, происходит как автоматически, так и с помощью «частных» цензоров, работающих на аутсорсе [Кондрашев, 2019, с. 114].

В широком понимании публичное пространство можно рассматривать как систему, включающую с точки зрения сфер проявления такие сегменты, как политическое, культурное, экономическое, этническое пространство. Границы, существующие между сегментами публичного пространства, условны. На высшем уровне этой системы находится политическое пространство. Субъекты политики, как правило, координируют взаимодействия людей, происходящие в экономическом, культурном, этническом пространстве. В политическом пространстве распространяется разнообразная информация, органы управления сообщают населению о разработке проектов программ, принятии и выполнении решений. Массмедиа информируют граждан об этих решениях, а также раскрывают содержание публичных выступлений политиков, демонстрирующих их интеллектуальный, образовательный потенциал, степень компетентности при рассмотрении проблем социально-экономического развития страны, регионов. В диалог, начатый в политическом пространстве, могут быть вовлечены граждане. Так, интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» предназначен для размещения предложений, связанных с социально-экономическим развитием страны, совершенствованием государственного и муниципального управления.

В свою очередь взаимодействия, совершаемые в экономическом, культурном, этническом пространстве, могут влиять на происходящее в политической среде. Успешное осуществление предприятиями и компаниями, установившими взаимовыгодные связи с партнерами из других регионов, стран, может привести к интенсификации сотрудничества субъектов властных отношений, разработке перспективных программ, возобновлению или углублению сторонами совместной деятельности в сфере культуры. От степени развития коммуникативных связей, установленных деятелями политики и экономики, может зависеть характер решений, принятых в политическом пространстве и способных создать благоприятные условия для деятельности субъектов хозяйствования или ввести ограничения, затрудняющие их функционирование.

Этническое пространство может оказаться на высшем уровне системы, если при выработке долговременных межгосударственных программ совместной деятельности или обострении межэтнических отношений возникает необходимость участия

субъектов политики, экономики, культуры в согласовании проектов договоров или урегулировании разногласий, разрешении конфликтов.

Существуют различные интерпретации термина «этническое пространство», которое рассматривается и как один из слоев геокультурного пространства [Манаков, 2009, с. 17], и как категория, фиксирующая форму и способ существования этноса, интегрирующее понятие, отражающее природу (сущность, структуру) этноса как единого целого [Жаде, 2006, с. 120]. Происходят взаимодействие и взаимопроникновение сегментов публичного пространства. В частности, имеется опыт создания этнокультурного образовательного пространства, в котором изучают родной язык, историю, культуру обычаи и традиции народа региона, страны [Александрова, 2022, с. 13]. Взаимодействия, происходящие в этническом пространстве, разнообразны. Они связаны с согласованием интересов, потребностей этнических общностей для сохранения культуры, традиций, дружественных отношений, стимулирования творческих инициатив.

В этническом пространстве происходят обогащение традиций, реализация интеллектуального, творческого потенциала, духовное совершенствование этнических общностей на основе национальной самобытности, формирование и разрушение стереотипов, а при неблагоприятных условиях – кризис, угасание культуры. Неформальный обмен информацией может быть дружелюбным или напряженным, если интересы и потребности вступают в противоречие и в коммуникации возникает недопонимание сторонами друг друга. Этническое пространство, вероятно, можно считать сформированным, если в нем не только устанавливаются устойчивые коммуникативные связи между общностями и публично демонстрируются знаки уважения и символы дружбы, но и осуществляются обоюдовыгодные взаимодействия в экономике, культуре, науке, образовании.

Подсистемой публичного пространства является культурное пространство, в котором реализуется творческая деятельность по воссозданию, обновлению культурных ценностей, норм, текстов [Орлова, 2010]. Размышляя о культурном пространстве, Ф. Бродель включал города и предместья в число сфер осуществления культуры [Бродель, 1994, с. 105-133].

В культурном пространстве существенно значение массмедиа при организации межэтнической коммуникации, обсуждении общественно-политических проблем, проектов решений, в принятии которых заинтересованы этнические общности. Массмедиа добились несравненно большего радиуса действия и эффективности – вместе с ними расширилась сама публичная сфера [Habermas, 1991, р. 283], трансформируют культурные ценности, нормы, стереотипы, тем самым являясь двигателем социокультурной динамики [Базилян, 2021, с. 482]. Медиасфера является элементом культурного пространства. Но не все сообщения, распространяемые массмедиа, становятся, видимо, частью публичного пространства, если в обсуждении привлечших внимание журналистов проблем не участвуют читатели, зрители, слушатели, и не выражены различные точки зрения. Значительная часть материалов массмедиа не вызывает интерес аудитории, не побуждает людей участвовать в дискуссиях. Нередко производимый массмедиа «мир является лишь иллюзией публичной сферы» [Habermas, 1991, р. 265].

Публичное пространство обширно, но не безгранично. Взаимодействие политических организаций, субъектов экономической деятельности, сферы культуры, этнических общностей происходит и в не подлежащих огласке переговорах, например, о распределении министерских постов в формируемом правительстве, поиске разрешения острого конфликта. В политической, экономической, культурной подсистеме социального пространства обсуждаются острые темы взаимоотношений общественных групп, нерешенные проблемы, конфликтные ситуации, требующие деликатного предварительного рассмотрения перед распространением информации о результатах диалога в публичном пространстве.

Таким образом, публичное пространство – это общедоступная среда, в которой происходят обмен информацией, дискуссии, предусмотренные или незапланированные взаимодействия граждан, выработка социально значимых решений, формируется общественное мнение. Обширное, но небезграничное публичное пространство можно рассматривать как систему и выделить такие сегменты, как политическое, экономическое, культурное, этническое пространство. Публичное пространство, насыщенное коммуникативными взаимодействиями, может быть охарактеризовано по нескольким основаниям. С точки зрения масштабности взаимодействия происходят в публичном пространстве общемировом, континентальном, национальном, региональном, локальном, с точки зрения сфер отражения коммуникативных связей – в городском, внегородском, интернет-среде. Благодаря современным технологиям обеспечена доступность дискуссий в интернете, созданы веб-инструменты для выработки социально значимых решений, организации общественных кампаний. В публичном пространстве возможны как конструктивные дискуссии, отражающие различные точки зрения, так и имитированные, не представляющие многообразие мнений свободных граждан.

Литература

- Александрова Н. С. (2022). Управление этнокультурным образовательным пространством: подходы, условия, принципы. *Проблемы современного педагогического образования*, 1, 13-15.
- Арендт Х. (2017). *Vita active, или О деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем, 416.
- Базикян С. А. (2021). Медиа о культуре в современном информационном пространстве: темы, жанры, принципы отбора фактов (на примере портала «Культура РФ»). *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 5(38), 482-485.
- Бродель Ф. (1994). *Что такое Франция. Пространство и история*. Часть 1. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 405.
- Дятлов В. И. (2015). Этнизация общественного пространства: принципы и механизмы. *Вестник государственного Томского университета*, 5, 9-15.
- Жаде З. А. (2006). Этническое пространство как фактор геополитики. *Вестник Адыгейского государственного университета*, 3, 114-121.
- Зиммель Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. Москва: Новое изд-во, 109.
- Козьякова М. И. (2017). Публичное пространство: культура репрезентации. *Культура культуры*, 3-4.
- Кондрашев А. А. (2019). Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика. *Вестник Сибирского юридического института МВД РФ*, 2, 112-119.
- Лебедева Е.В. (2017). Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20, 1,

74-92.

- Манаков А. Г. (2009). Трансформация этнического пространства России в XVIII-XIX вв.: историко-географический анализ. *Известия русского географического общества*, 151, 1, 17-28.
- Орлова Е. В. (2010). Культурное пространство: определение, специфика, структура. *Аналитика культурологии*, 3(18), 42-53.
- Сеннет Р. (2022). *Падение публичного человека*. Москва: Логос, 423.
- Хабермас Ю. (2008). *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. Санкт-Петербург: Наука, 415.
- Штомпка П. (2007). *Социология социальных изменений*. Москва: Директ-Медиа, 828.
- Arendt H. (1968). *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*. New York: Viking Press, 306.
- Benjamin W. (1991). *Passagen-Werk*. In: *Gesammelte Schriften in 7 Bände*. Frankfurt am Main, 1354.
- Habermas J. (1991). *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Suhrkamp Verlag, 391.
- Lofland L. (1998). *The Public Realm*. New York: Aldine De Gruyter, 305.

References

- Aleksandrova N. S. (2022). Upravleniem etnokul'turnym obrazovatel'nym prostranstvom: podhody, usloviya, principy [Management of ethnocultural educational space: approaches, conditions, principles]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern teacher education]*, 1, 13-15.
- Arendt H. (2017). *Vita active, ili O deyatel'noj zhizni* [Vita active, or About an active life]. Moscow: Ad Marginem, 416.
- Bazikyan S. A. (2021). Media o kul'ture v sovremennom informacionnom prostranstve: temy, zhanry, principy otbora faktov (na primere portala «Kul'tura RF») [Media about culture in the modern information space: topics, genres, principles for selecting facts (using the example of the portal "Culture of the Russian Federation")]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Memoirs of NovSU]*, 5(38), 482-485.
- Brodel' F. (1994). *CHto takoe Franciya. Prostranstvo i istoriya* [What is France? Space and history]. CHast' 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 405.
- Dyatlov V. I. (2015). Etnizatsiya obshchestvennogo prostranstva: principy i mekhanizmy [Ethnicization of public space: principles and mechanisms]. *Vestnik gosudarstvennogo Tomskogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 5, 9-15.
- ZHade Z. A. (2006). Etnicheskoe prostranstvo kak faktor geopolitiki. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the State Adyghe University]*, 3, 114-121.
- Zimmel' G. (2018). *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. Moscow: Novoe izd-vo, 109.
- Koz'yakova M. I. (2017). Publichnoe prostranstvo: kul'tura reprezentatsii [Public space: culture of representation]. *Kul'tura kul'tury [Culture Culture]*, 3-4.
- Kondrashev A. A. (2019). Osnovnye tendentsii ogranicheniya konstitucionnyh prav grazhdan na informatsiyu v seti internet: rossijskoe zakonodatel'stvo i praktika [Main trends in restricting the constitutional rights of citizens to information on the Internet: Russian legislation and practice]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD RF [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia]*, 2, 112-119.
- Lebedeva E.V. (2017). Publichnoe prostranstvo postsovetskogo goroda: vozmozhnosti dlya razvitiya social'nosti i «krisis publichnosti» [Public space of a post-Soviet city: opportunities for the development of sociality and the "crisis of publicity."]. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 20, 1, 74-92.
- Manakov A. G. (2009). Transformatsiya etnicheskogo prostranstva Rossii v XVIII-XIX vv.: istoriko-geograficheskij analiz [Transformation of the ethnic space of Russia in the 18th-19th centuries: historical and geographical analysis]. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva [News of the Russian Geographical Society]*, 151, 1, 17-28.
- Orlova E. V. (2010). Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, specifika, struktura [Cultural space: definition,

- specificity, structure]. *Analitika kul'turologii*, 3(18), 42-53.
- Sennet R. (2022). *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of a Public Man]. Moscow: Logos, 423.
- Habermas YU. (2008). *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involving the other. Essays on Political Theory]. Sankt-Peterburg: Nauka, 415.
- Shtompka P. (2007). *Sociologiya social'nyh izmenenij* [Sociology of social change]. Moscow: Direkt-Media, 828.
- Arendt H. (1968). *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*. New York: Viking Press, 306.
- Benjamin W. (1991). *Passagen-Werk. In: Gesammelte Schriften in 7 Bände*. Frankfurt am Main, 1354.
- Habermas J. (1991). *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Suhrkamp Verlag, 391.
- Lofland L. (1998). *The Public Realm*. New York: Aldine De Gruyter, 305.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.11.2023.
Принята к публикации 15.01.2024.

Об авторе

Владимир Анатольевич Евдокимов — доктор политических наук, доцент, Омская гуманитарная академия; ORCID: 0000-0001-8128-5690; Evdokimovva@list.ru

Evdokimov V. A.

THE STRUCTURE OF PUBLIC SPACE

Abstract. The article examines the structure of public space. Public space is characterized from the point of view of scale and from the point of view of the spheres of communicative ties. Interactions in terms of scale take place in the public space of the world, continental, national, regional, local, in terms of the spheres of reflection of communicative relations - in the urban, extraurban, Internet environment. Public space is considered to be a vast system, not limited to the urban environment, which includes in terms of spheres of expression such segments as political, cultural, economic, ethnic space. Political space is at the top of this system. The political actors coordinate people's interactions in the economic, cultural and ethnic space. At the same time, interactions in the economic, cultural, ethnic space can influence events and processes in the political environment. An element of cultural space is the media. Mass media improves interactive communication with the audience, but not all messages disseminated by journalists become part of the public space, unless readers, viewers, listeners participate in the discussion of topical topics. Both constructive discussions reflecting different viewpoints and simulated discussions that do not represent the plurality of opinions of free citizens are common in public spaces.

Keywords: public space, interaction, mass media, discussion, communicative ties.

For citation: Evdokimov V. A. The structure of public space. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 11-19. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).11-19

Фатеева И. А.

О ПЕРВОЙ ПОПЫТКЕ КОММЕМОРАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ЦЕНТРА ГАЗЕТОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье описываются, анализируются и интерпретируются документы, имеющие отношение к самой ранней попытке профессиональной и академической коммеморации научно-исследовательских практик газетоведов Государственного института журналистики (ГИЖ). Это в первую очередь хранящаяся в РГАЛИ переписка (1964–1967) двух активных участников жизни первого отечественного учебного заведения для журналистов 1920-х годов: томского журналиста В. А. Кузьмичева (1903–1994), выпускника аспирантуры ГИЖа, и его бывшего научного руководителя М. С. Гуса (1900–1984). На основе комментирования вводимых в научный оборот личных писем корреспондентов автором показывается, насколько опасной была тема становления и существования первой научной школы в области журналистики даже спустя три с половиной десятилетия с момента ее гибели.

Ключевые слова: Государственный институт журналистики, ГИЖ, газетоведение, наука о журналистике, профессиональное медиаобразование, коммеморация, В. А. Кузьмичев, М. С. Гус.

Для цитирования: Фатеева И. А. О первой попытке коммеморации научно-исследовательских достижений государственного института журналистики как центра газетоведения // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 20-32. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).20-32

Журналистское образование – один из ключевых видов профессионального медиаобразования, а также важнейший социально-педагогический институт, остро реагирующий на все изменения общественной жизни в национальном масштабе. В России в курсовой форме первые попытки его организации относятся к самому началу XX века (еще к периоду Российской империи), а в системе формального образования оно институализировалось уже в советское время. Первым учреждением такого рода стал Институт журналистики в Москве, начавший свою работу 15 октября 1921 г. Подвергаясь многочисленным реорганизациям и меняя названия (в историографии его чаще всего именуют ГИЖем – Государственным институтом журналистики), просуществовал он 17 лет (до 1938 г.). Но наиболее продуктивными, особенно в научном плане, были первые десять, тогда как в 1931 г. в обстановке резкого ухудшения общественно-политической атмосферы в стране и масштабной «чистки вузов» все заметные представители ГИЖевской науки (так называемого газетоведения) были из института уволены, а сама школа разгромлена как не соответствовавшая догматам марксизма-ленинизма (в сталинской трактовке).

В послевоенное время местом дислокации советского образования для работников СМИ стали классические университеты (МГУ им. М. В. Ломоносова, Ленинградский госуниверситет, Уральский госуниверситет и др.). Вместо того чтобы выборочно аккумулировать и творчески развить накопленный на предшествующем этапе опыт, они предпочли его почти полностью отринуть и приступили к внедрению в образовательную систему журналистской составляющей фактически с нуля (на филологических факультетах). И только в конце XX века, уже в постсоветский период,

обозначился интерес к научно-педагогическим практикам газетоведческого периода, а в XXI столетии началась их неспешная коммеморация (если понимать под этим термином комплекс действий по включению сведений о них в коллективную память социальной группы, в данном случае профессиональной [Ландина, 2023]).

К счастью, связанные с коммеморацией архивные поиски привели нас к обнаружению документов, свидетельствующих о том, что еще в 1960-е годы, на волне частичной десталинизации общественной жизни и либерализации медийных институтов, была предпринята попытка придать гласности ранее замалчивавшиеся факты, имевшие отношение к существованию в ГИЖе в 1920-е годы передовой для своего времени медийной науки и базировавшейся на ней медиаобразовательной практики. Описанию, анализу и комплексной интерпретации этих ценных артефактов и посвящена данная работа.

Основным материалом исследования послужила хранящаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства и относящаяся к 1964–1967 годам переписка двух активных участников ГИЖевской жизни наиболее продуктивных лет истории вуза (РГАЛИ). Авторами писем являлись проживавший в Томске персональный пенсионер союзного значения Владимир Александрович Кузьмичев (7 писем) и один из видных функционеров Союза писателей СССР Михаил Семенович Гус (5 писем). Для воссоздания историко-культурного и бытового контекста нами привлекались другие архивные документы РГАЛИ, Государственного архива РФ (ГАРФ), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), а также публикации открытой печати. Цели, задачи и эмпирический материал работы предопределили ее исследовательские методы: эмпирические (архивный метод, медиамониторинг) и теоретические (историко-генетический, биографический, сравнительный, герменевтический методы и пр.).

Ради осмысления перипетий описываемой ситуации было бы логично дать представление о сущности и конкретных положениях газетоведческой концепции, однако формат и объемы журнальной статьи не позволяют это сделать. Скажем только, что это была хронологически первая отечественная попытка научного обращения к журналистике как специфичному объекту исследований, осуществляемая с опорой на зарубежную науку и признанная ею [Фатеева, 2019]. Следует также отметить, что отечественная медиатеория XXI века проявляет устойчивый интерес к научным и педагогическим практикам газетоведов, особенно тем, кто трудился в ГИЖе [Кондратенко, 2010; Научно-педагогические школы..., 2021; Корконосенко, Хубецова, 2023; Фатеева, 2020; Корконосенко, Бережная, Хубецова, 2021; Евдокимова, 2020; Исхаков, 2021; Корконосенко, 2021].

Нельзя сказать, что функционирование ГИЖа совсем не упоминалось в источниках, относившихся к XX веку. Конечно, авторы работ по истории журналистского образования [Каравашкова, 1967; Привалов, 1982; Таловов, 1990] так или иначе в обзоре его касались, поскольку он был самым первым в своем роде. Однако типичная для исторических нарративов линейность оценок и присущий именно данной отрасли знания дух корпоративизма, при котором каждая конкретная вузовская школа в лице своих представителей склонна исследовать прежде всего свою историю вместо общенациональной (а у ГИЖа не осталось правопреемников!), не

позволяли пишущим оценить по достоинству деятельность сотрудников ГИЖа, особенно научную.

В советское время, кроме того, продолжали давать о себе знать последствия политических кампаний 1931 года (тогда под увольнение попало 80% профессорско-преподавательского состава института) и эпохи Большого террора (многие газетоведы ГИЖа пали его жертвами). Прямое следствие репрессивной политики в отношении газетоведов, включая тех, что работали в ГИЖе, – это почти полное отсутствие документов погибших членов школы и заговор молчания о них именно как о газетоведах в мемуарных свидетельствах, если таковые имеются. Реабилитированные как личности в годы хрущевской оттепели (преимущественно по инициативе родственников), как ученые и педагоги они оказались вычеркнуты из истории науки о журналистике (точнее – не вписаны в нее вообще). Тем ценнее оказываются редкие архивные находки, позволяющие восстановить те или иные детали прошлого века в интересующем нас аспекте, в том числе касающиеся причин и обстоятельств забвения теоретической и педагогической деятельности ГИЖевцев.

Обратимся теперь непосредственно к содержанию обнаруженной переписки и к деталям знакомства В. А. Кузьмичева (1903–1994) и М. С. Гуса (1900–1984). На основе документов архива ГИЖ удалось установить, что М. С. Гус был в институте научным руководителем аспиранта Кузьмичева (*Прим. 1*).

Выходец из рабочей семьи Владимир Кузьмичев проявлял исключительную тягу к знаниям еще в бытность студентом ГИЖа. Преподаватели отмечали его серьезность и активность в учебном процессе, особенно высокую оценку давал преподаватель курса экономической политики, предложив оставить молодого человека в институте в качестве научного сотрудника (*Прим. 2*). А в 1927 году ГИЖу было дано право открыть аспирантуру по профильной дисциплине (журналистике), и вуз получил из Наркомпроса четыре места в ней. На одно из этих мест и был принят Кузьмичев. Определяясь с темой будущей диссертации, он «категорически заявил» правлению ГИЖа, что желает «работать не по линии публицистики, а в области организации», аргументируя это тем, что именно в ней у него «есть кое-какие результаты, собственные взгляды и конкретные предложения» (*Прим. 3*). Опираясь в своих исследованиях он собирался прежде всего на труды зарубежных специалистов в области менеджмента. Молодому человеку пошли навстречу, обозначив в качестве основного объекта исследования и проектирования управление массово-информационными процессами, включая агитационно-пропагандистские кампании; руководителем же ему назначили М. С. Гуса, который, помимо работы преподавателем, занимался как раз организационно-управленческой деятельностью, поскольку был членом президиума Центрального бюро Секции работников печати (ЦБ СРП) в ВЦСПС и заведующим Научным кабинетом при ЦБ СРП.

Михаил Семенович был всего на три года старше своего аспиранта, но, родившись в семье врача, окончил до революции гимназию в Николаеве и успел поучиться на юрфаке Киевского университета. Высшего образования так и не получил, т. к., по собственному выражению, «предпочел революционную практику – академической учебе» (*Прим. 4*). Выдвинулся как политработник Красной Армии, редактор газет разного типа, руководитель губотдела Украинского филиала РОСТА,

агитпроповский и профсоюзный работник. В Москву был окончательно переведен как раз в 1927 году (*Прим. 5*). В ГИЖе вел разные дисциплины: историю периодической печати, информацию, публицистику и др. В конце 1920-х годов возглавил в институте кафедру печати (профильную по специальности, ее часто называли кафедрой газетоведения; остальные кафедры обеспечивали преподавание общеобразовательных дисциплин).

Неизвестно, насколько велик вклад Гуса в научно-учебные успехи его аспиранта, но по факту достигнутые Кузьмичевым к окончанию обучения (1930) результаты были действительно впечатляющие: он выпустил в свет две книги («Организация общественного мнения. Печатная агитация» в 1929 г. и «Печатная агитация и пропаганда» в 1930 г.); на основе сверхпланового посещения группы психотехники в институте философии Коммунистической Академии освоил технологии социопсихологических исследований и использовал их, принимая участие как в сторонних проектах (например, организованных аспирантами института психологии Московского университета), так и в собственных, к которым приобщал студентов ГИЖа (например, в рамках изучения феномена слухов) [Архивный путеводитель..., б. д.]. Руководство института, видя перспективность молодого ученого, направило в Сектор науки Наркомпроса ходатайство о предоставлении ему заграничной научной стажировки. Реакция была положительная (об этом свидетельствует письмо (*Прим. 6*) от 15 июня 1931 г. из Комиссии по научным заграничным командировкам при наркомате просвещения РСФСР), но запоздалая: за период между ходатайством и ответом на него случился тот самый разгон ставших неугодными газетоведов, после которого ни М.С. Гус, ни его бывший аспирант оставаться в штате института уже не могли.

Далее жизненные пути В. А. Кузьмичева и М. С. Гуса разошлись. Первого отправили в провинцию работать журналистом, чем он и занимался долгие годы, посылаемый «партией и правительством» по разным городам и занимая разные должности. Пережил арест и годичное заключение, обвиненный в середине тридцатых в «шпионаже в пользу Финляндии». Во второй половине 1940-х годов получил, наконец, назначение в Томск, где и работал до пенсии (вышел на нее в 1963 г. с поста редактора Томской областной газеты «Красное знамя»).

Биография М. С. Гуса внешне сложилась более блестяще, хотя 1931 год ударил и по нему (в силу должности он воспринимался организаторами разгромной кампании в качестве одного из лидеров газетоведения). Но выручили литература и театр: «работал в московских театрах заведующим литературной частью, активно занимался театральной критикой и публицистикой» (*Прим. 7*), написал несколько пьес, некоторые из них (в основном патриотического содержания) с охотой ставились по всей стране. «С первого месяца войны был направлен во Всесоюзный Радиокомитет, где принял участие в организации контрпропаганды по радио..., обращенной к населению Германии... В ноябре 1945 года был командирован в Нюрнберг... Там организовал бюро Советского Радио и в течение 8 месяцев освещал ход процесса для внутрисоветского и нашего зарубежного вещания» (*Прим. 8*). Данная страница биографии, а также дальнейшая литературно-публицистическая деятельность по разоблачению «происков мирового империализма» обеспечили ему высокий

социальный статус, тиражи, заграникомандировки, награды, значимые позиции и должности в Союзе писателей и в руководстве Московской писательской организации (секретарь парткома). К Александру Фадееву он обращался на «ты» (Прим. 9); знакомства имел самые завидные; личные письма получал от литературных «звезд» мировой величины, включая Дж. Стейнбека (Прим. 10).

Летом 1964 года в его корреспонденции оказалось письмо из далекого Томска, начинавшееся словами «Михаил Семенович! Вы меня, наверное, забыли уже. Когда-то сотрудничали в ГИЖе» (Прим. 11). Это было письмо от пенсионера В.А. Кузьмичева.

С чем же обратился тот к своему бывшему научному руководителю, а ныне такой важной персоне в писательских кругах? Наверное, просит покровительства в издательствах? Похоже на то: «Написал большую (по размеру) книгу... о виденном, пережитом, сделанном и недоделанном».

Но совсем не помощи в ее публикации просил автор письма: «Есть глава о ГИЖе. Главная ее мысль – нельзя забывать о нем, его основателях, энтузиастах, его опыте... это было первое, и оно должно войти в историю советской печати... Вы, наверное, сейчас единственный, кто знает то время и может определить правильность оценок его».

Если будет время и охота, черкните мне – как Вы на это смотрите, нужно ли» (Прим. 12).

Далее следовало несколько частных вопросов по уточнению фактологических деталей из прошлого.

На письмо М.С. Гус через несколько недель ответил; по поводу конкретных деталей проконсультировал; выразил готовность прочесть «ту часть... рукописи, которая касается ГИЖа – КИЖа» (Прим. 13); даже поинтересовался, в какое издательство сдана рукопись (Прим. 14). Но вот главный вопрос В.А. Кузьмичева («нужно ли?») проигнорировал. С достаточной определенностью он ответит на него через три года – и это будет, к огромному сожалению для В. А. Кузьмичева, отрицательный ответ.

А пока завязалась переписка; случались даже личные встречи, достаточно теплые, судя по всему. Оказывали друг другу услуги. Например, В. А. Кузьмичев помог старшему товарищу с организацией поездки в город детства – Николаев. Но снова и снова возвращается бывший аспирант к своей рукописи (которая в конце концов была отвергнута издательством «Советская Россия», несмотря на доработки, которые автор осуществлял в соответствии с замечаниями и пожеланиями его рецензентов) – и, главное, к ГИЖу. Пытается пробудить заинтересованность в нем неоднократными свидетельствами о том, что в научном сообществе, особенно социологическом, якобы наметился сдвиг в отношении к газетоведению: «вспоминали весьма положительно наши старые исследовательские работы, книги... Видимо, и в области теории журналистики кончился период предвзятости, запальчивости в оценке старых "первозачинательских" работ» (Прим. 15). Причем многообещающие изменения видит он и в среде сибиряков, представителей Сибирского отделения Академии наук (Прим. 16), и со стороны москвичей. Имен и подробностей, правда, в письмах не называл. Но М. С. Гус остается вежливо глух к настойчивым попыткам вовлечь себя в какую-либо деятельность по публичному переосмыслению прошлого.

Здесь уместно подробнее сказать, какова же в деталях позиция В. А. Кузьмичева по поднятому им вопросу, что он хотел публично донести до современников. В одном из писем он для наглядности изложил свое мнение о ГИЖе тезисами, в предельно упрощенном виде. Прочитируем их, несколько сократив и грамматически отредактировав.

«1. Институт – первое высшее учебное заведение в стране для подготовки журналистов. Его большая роль. Ошибка – забывать это.

2. В Институте были сделаны (тоже впервые) значительные шаги в научной работе по журналистике. Центры научных исследований тогда: кабинет печати (*Прим. 17*) КИЖа: Ю. Бочаров (*Прим. 18*), М. Гус, А. Григоренко (*Прим. 19*), М. Щелкунов (*Прим. 20*); научный кабинет печати ЦБ Секции работников печати (*Прим. 21*): М. Гус, других не помню. Работы товарищей из отдела печати ЦК (*Прим. 22*).

3. Видимо, в постановке научных исследований далеко не всё было совершенно. Но это было несовершенство первых крупных шагов, когда искали пути и решения.

4. Вред предвзятой критики этих первых шагов, "сверхбдительной" критики, да еще иногда с политическим заподозриванием. Она – одна из причин свертывания исследований по журналистике.

В общем – Институт как значительный шаг в истории советской журналистики.

Мне кажется, это истинно. Истину следует восстановить» (*Прим. 23*).

Снова и снова будирует томский пенсионер не поддающееся на уговоры сознание М.С. Гуса, уже практически открытым текстом призывая визави выступить в печати от своего имени: «может быть, следует кому-то из гижевских "первоначинателей" научной работы в области журналистики подробно рассказать об этом. О людях, начинаниях, первых (очень трудных) шагах, опыте, затруднениях, несовершенствах» (*Прим. 24*). Но ведь нет уже в живых никого из «первоначинателей», кроме М. С. Гуса! Либо расстреляны, либо умерли от старости, ведь прошло уже три с половиной десятилетия с момента искусственного прерывания газетоведческой деятельности в ГИЖе!

Но и к этому призыву «вспомнить товарищей, которые "начинали"», останется равнодушным М. С. Гус; и аргумент «это же было партийное дело, было ведь даже решение ЦК о развертывании научной деятельности в институте (*Прим. 25*)» не поколеблет секретаря парткома столичной писательской организации! Слишком хорошо он знает изнутри действующий в стране идеологический, медийный и репрессивно-регулятивный механизм. Знаком с его удушающей атмосферой, разумеется, и Кузьмичев; он, например, бегло касается в одном из писем своего прошлого опыта взаимодействия с одной из редакций московских журналов: при попытке с его стороны «кратко высказать» свои мысли о ГИЖе их «вычеркнули» (*Прим. 26*).

Поняв, что скорее всего опубликовать свою мемуарную книгу у него не получится, а М.С. Гус о ГИЖе публично высказываться не будет, В. А. Кузьмичев в письме от 19 сентября 1967 г. озвучивает идею о том, чтобы «мобилизовать» материал об институте для «нового "Журналиста"». Речь идет о профессиональном журнале, органе Союза журналистов. «Новым» он назван потому, что несколько месяцев назад был реорганизован из бывшей «Советской печати» и получил свое очищенное от

идеологии историческое название (*Прим. 27*) и новую редакцию («товарищей... новых, ищущих, создающих оригинальное»). Но в начале 1930-х, т. е. в момент расправы с газетоведами, в «Советскую печать» был переименован «старый» журнал «Журналист», который был органом Центрального бюро Секции работников печати, в президиуме этой организации как раз состоял М.С. Гус. И в том прежнем «Журналисте» М. С. Гус, как и прочие газетоведы, активно печатался... «Для начального обзаведения я мог бы предложить главу о ГИЖе из моей книги...», – заканчивает письмо Кузьмичев (*Прим. 28*).

Однако и этот вариант реализован не был. М. С. Гус проинформировал, что «редактор как будто сын» его «старинного... знакомого (*Прим. 29*)», но сам он «с этим журналом совершенно не связан», хотя и не против в целом «выступить посредником»... Ключевой в последнем письме М. С. Гуса нам кажется следующая фраза (ее мы и считаем окончательным ответом на заданный еще три года назад В.А. Кузьмичевым вопрос «нужно ли?»): «Не хватает времени, да, признаться, и интереса к тому делу, которое я оставил почти сорок лет назад» (*Прим. 30*).

В этом же письме содержится еще одно, казалось бы, незначительное в силу своей бытовой природы, но, на наш взгляд, чрезвычайно важное, если не сказать многозначительное, признание бывшего руководителя кафедры печати ГИЖа: «... я после войны, меняя квартиры, "разгружал" свою библиотеку, многие книги дарил, а многие ликвидировал. И тогда-то я упразднил ту часть своего собрания книг, которая как раз и относилась к газетоведению». «Упразднил» звучит здесь как «выбросил из памяти», «внутренне отказался».

И самый последний штрих. В предыдущих посланиях В. А. Кузьмичева был вопрос о судьбе Я. М. Шафира (*Прим. 31*). Я.М. Шафир – наиболее значительный газетовед из состава «товарищей из отдела печати ЦК», которые упоминались во втором из тезисов В.А. Кузьмичева, цитированных нами выше; он был репрессирован и погиб, равно как Ю.М. Бочаров или М.И. Щелкунов, названные в тезисах по соседству. А еще В.А. Кузьмичев просил у М. С. Гуса номера журнала «Красная печать» (*Прим. 32*), в руководстве которой в 1920-е состоял Гус и в которой активно печатались газетоведческие материалы. Так М.С. Гус признается, что книги Кузьмичева, Ингулова (*Прим. 33*), Шафира он «отдал в библиотеку ЦДЛ, а журналы...уничтожил». И потом коротко замечает: «О судьбе Я. Шафира я ничего не знаю» (*Прим. 34*).

Трудно отделаться от впечатления, что подбор фамилий как в «тезисах» В.А. Кузьмичева, так и в последнем письме М. С. Гуса не случаен. Участники диалога словно говорят подтекстами. Подвергшийся репрессиям, но выживший свидетель эпохи взывает к своему старшему (и по возрасту, и по положению) современнику, избежавшему репрессий и добившемуся «степеней известных», напоминая о безвинных жертвах режима. А тот отказывается вернуться в страшное прошлое, сознательно вытесненное из памяти, или просто выйти из зоны комфорта и откликнуться на этот страстный призыв воздать должное погибшим и замученным...

Так полной неудачей закончилась первая попытка коммеморации сотрудников Государственного института журналистики 1920-х годов, которая могла бы быть осуществлена совместными усилиями выпускника аспирантуры ГИЖа первого набора и его научного руководителя.

Спустя шесть лет после этого, в 1973 году, в «Журналисте» все-таки появится статья упорно шедшего к этой публикации В.А. Кузьмичева. Она называлась «Первый институт» [Журналист, 1973], и эта статья положит начало процессу восстановления памяти о прославленном в прошлом учебном заведении. В ней, конечно, будет сделан акцент на преподавательских практиках в нем; газетоведческая (научная) линия останется нераскрытой.

Но в принципе констатация наличия неких теоретических разработок педагогов ГИЖа, без конкретизации и рефлексии, в 1970-е годы уже станет возможной и безопасной. Например, в юбилейной (к 70-летию) статье «Литературной газеты» о М.С. Гусе автор, воздавая должное разносторонней одаренности Михаила Семеновича, вскользь упомянет некие гусовские «работы по теории журналистики на заре ее становления в нашей стране» [Пресс, 1970].

Описанный нами эпизод является не просто звеном в длинной цепи событий, достойных внимания специалистов в области истории печати, науки о журналистике, профессионального медиаобразования. Он ярко иллюстрирует механизм функционирования цензуры и самоцензуры в СССР и специфические характеристики отдельных, отличающихся друг от друга, периодов жизни страны (1920-х; 1930-х годов; военного и послевоенного времени; излета хрущевской оттепели; застойных, но «вегетарианских» 1970-х).

Завершая изложение результатов предпринятой работы по описанию, анализу и интерпретации вводимых в научный оборот архивных документов, автор статьи надеется, что обнародованные им данные и выводы дополнят и расширят имеющиеся в распоряжении современной науки представления о судьбе первой в России научной школы в области журналистики (газетоведения). Благодаря им становится возможным уточнить статус и роли таких ее малоизвестных широкой научной общественности представителей, как В. А. Кузьмичев и М. С. Гус.

Сама по себе принадлежность этих ученых к истории науки вообще и журналистской науки в частности, вообще говоря, подтверждается упоминаниями их фамилий в современных работах «чистых» социологов и социологов журналистики [Алексеев, 2008; Свитич, 2018], однако без обозначения их газетоведческой аффилиации. Нам же представляется важным не только подчеркивать ее, но и по возможности представлять отсеянные временем имена и факты эволюции медиаисследований в человеческом измерении.

С этой точки зрения обнаруженные нами письма двух бывших газетоведов 1920-х годов приобретают особое значение. Сравнивая по ним поведенческие стратегии М. С. Гуса и В. А. Кузьмичева в пору подведения ими жизненных итогов (через три с половиной десятилетия после политически мотивированного разгрома газетоведения), мы увидели: в сходных витальных и социокультурных обстоятельствах один из них предпочел оборвать всякие связи с прошлым, став тем самым невольным орудием его фильтрации и искажения, а другой предпринял всё от него зависящее для обнародования известных ему обстоятельств и по существу стал связующим звеном между разными поколениями деятелей науки о журналистике и медиаобразовании.

Примечания

1. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 16, л. 50 об.
2. ГАРФ, ф. 5214, оп. 2, д. 856, л. 86.
3. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 16, л. 56.
4. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 25, л. 1.
5. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 215.
6. ГАРФ, ф. 5214, оп. 1, д. 31, л. 73.
7. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 25, л. 1.
8. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 25, л. 11.
9. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 80.
10. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 171.
11. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 1.
12. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 1, 2.
13. КИЖами, т.е. Коммунистическими институтами журналистики, в тридцатые годы именовали все журналистские вузы, а столичный имел статус ВКИЖа – Всесоюзного коммунистического института журналистики им. «Правды».
14. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 61, л. 1.
15. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 9.
16. С кем именно из новосибирских ученых встречался В.А. Кузьмичев, установить пока не удастся. Но в Академгородке действительно, еще начиная с 1957 года, формировалась социологическая школа, которая позже получила название экономико-социологической (под руководством Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной). В постсоветское время она расширит тематику исследований, и в результате одним из проблемных направлений местных социологов станет социология коммуникации (А.Е. Карпов, В.С. Карпова, С.Г. Саблина и др.).
17. Научно-исследовательский кабинет ГИЖа – научное подразделение вуза, созданное в 1929 году; финансировался и курировался Главнаукой Наркомпроса РСФСР; состоял из трех больших секций: методологической; техники и хозяйства газеты; литературно-публицистических жанров. В. Кузьмичев и М. Гус работали в методологической секции: первый – в комиссии изучения читателя, второй – в комиссии методики преподавания журналистских дисциплин.
18. Бочаров Юрий Михайлович (1887–1936) – один из лидеров газетоведения, историк журналистики, первый руководитель кафедры печати ГИЖа, наиболее вероятный заведующий Научно-исследовательским кабинетом ГИЖа. Репрессирован, расстрелян.
19. Григоренко А.Г. – секретарь кафедры печати ГИЖа, руководитель ее методического кабинета.
20. Щелкунов Михаил Ильич (1884–1938) – известный книговед и газетовед, руководитель секции техники и хозяйства газеты Научно-исследовательского кабинета ГИЖа, заведующий типолабораторией института. Репрессирован. По некоторым сведениям погиб в лагере.
21. Научный кабинет печати ЦБ Секции работников печати – исследовательский газетоведческий центр, существовавший в ВЦСПС (при Центральном бюро Секции работников печати) в 1925–1931 годах. Руководитель – М.С. Гус.
22. Третий центр развития газетоведения существовал в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б). Наиболее авторитетный его представитель – Я.М. Шафир (1887-1938).
23. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 7, 7 об.
24. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 13, 13 об.

25. Речь идет о Постановлении ЦК ВКП (б) «О кадрах газетных работников» от 11 ноября 1930 г. В нем ставилась задача сосредоточить всю научно-исследовательскую работу в области журналистских дисциплин в московском КИЖе.
26. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 7 об.
27. Журнал «Журналист» был создан в 1914 году, воссоздан в 1922 году. Выходит и в наше время.
28. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 13 об.
29. Речь идет о Е.В. Яковлеве, редакторе «Журналиста» в 1967–1968 гг. Он был сыном В.И. Яковлева, работника украинских органов государственной безопасности, которого М. Гус мог знать по работе в молодые годы на Украине. О нем см.: «Мой дед чекист и убийца», – блогер рассказал историю семьи // *Gazeta.ua* (9 сентября 2016). Дата обращения 04.08.2023.
30. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 61, л. 5 об.
31. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 134, л. 11.
32. «Красная печать» (1922–1928) – орган Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б).
33. Ингулов Сергей Борисович (1893–1938) – один из представителей «партийной» (агитпроповской) линии газетоведения. Так же, как и М.С. Гус, начинал карьеру на Украине: в 1921 г. был заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК КП (б) Украины, в Москву был переведен по линии агитпропа в 1923 г. Был редактором журнала «Журналист», с первых лет работы ГИЖа преподавал там (разработал и вел обзорный курс «Газеты РСФСР»). Репрессирован, расстрелян.
34. РГАЛИ, ф. 2808, оп. 1, д. 61, л. 5.

Литература

- Алексеев А. (2008). Замечание об истории социологии «с человеческим лицом». *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 3, 64.
- Архивный путеводитель: справочник сведений по фондам архивов России, Белоруссии и других стран. (б. д.) [Электронный ресурс]. URL: <https://alertino.com/ru/291113> (Дата обращения: 29.01.2024).
- ГАРФ (б. д.). *Государственный архив Российской Федерации*, ф. 5214, оп. 1, 2.
- Евдокимова Е. В. (2020). Реализация регионального профессионального медиаобразования в 1920-е годы (на примере новосибирского издания «Газетчик»). *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2 (36), 26-34. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10203.
- Исхаков Р. Л. (2021). «Большое видится на расстоянии...»: взгляд на газетоведение через сто лет. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 27 (2), 227-234.
- Каравашкова С. В. (1967). Подготовка журналистских кадров в первые годы советской власти. *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*, 5, 70-76.
- Кондратенко А. И. (2010). Становление профессионального журналистского образования в 30-е годы. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1 (5), 9-15.
- Корконосенко С. Г. (2021). Научно-педагогические школы журналистики в России. *Век информации*, 9-2, 11-18.
- Корконосенко С. Г., Бережная М. А., Хубецова З. Ф. (2021). Лидерские позиции российских научно-образовательных школ журналистики. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 4-3, 102-118. DOI: [10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118).
- Корконосенко С. Г., Хубецова З. Ф. (2023). Эволюционные траектории развития науки о журналистике. Германия, Америка, Санкт-Петербург. *Вопросы теории и практики журналистики*, 12-2, 165-182. DOI: [10.17150/2308-6203.2023.12\(2\).165-182](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(2).165-182).
- Кузьмичев В. (1973). Первый институт. *Журналист*, 11, 52.

- Ландина Л. В. (2023) Коммеморация как объект междисциплинарного знания. *Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств*, 1(47), 15-26.
- Научно-педагогические школы журналистики в России (2021). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Пресс В. (1970). Живая страница истории. *Литературная газета*, 22 июля, 210-214.
- Привалов В.З. (1982). От «школы журнализма» до факультета журналистики: (Руководящая роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в формировании системы подготовки кадров советской печати). *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика*, 1, 10-21.
- РГАЛИ (б. д.). *Российский государственный архив литературы и искусства*, ф. 2808, оп. 1, д. 61, 134.
- Свитич Л. Г. (2018). *Социология журналистики: учебник для академического бакалавриата*. Москва: Издательство Юрайт, 164-181.
- Таловов В. П. (1990). *Журналистское образование в СССР*. Ленинград.
- Фатеева И. А. (2020). *Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя*. М.: МПГУ.
- Фатеева И. А. (2019). О международном признании отечественного газетоведения. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 4 (192), 14-22.
- Хубецова З. Ф. (2021). Язык массмедиа как объект науки о журналистике: к истории формирования Петербургской медиалингвистической научной школы. *Медиалингвистика*, 9-4, 330-354. DOI: [10.21638/spbu22.2022.403](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.403).
- ЦДНТО (б. д.). *Центр документации новейшей истории Томской области*, ф. 5663.

References

- Alekseev A. (2008). Zamechanije ob istorii sociologii «s chelovecheskim licom» [A note on the history of sociology «with a human face»]. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 3, 64.
- Arhivnyj putevoditel': spravocnik svedenij po fondam arhivov Rossii Belorussii i drugih stran (n. d.) [Archival guide: a directory of information on the archives of Russia, Belarus and other countries]. [The concept and meaning of the contract]. Available at: <https://alertino.com/ru/291113> (accessed: 29.01.2024).
- CDNIYO (n. d.). *Centr dokumentacii novejshej istorii Tomskoj oblasti* [Center for Documentation of the modern history of the Tomsk region], f. 5663.
- GARF (n. d.). *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation], f. 5214, inv. 1, 2.
- Evdokimova E. V. (2020). Realizacija regional'nogo professional'nogo mediaobrazovanija v 1920-e gody (na primere novosibirskogo izdanija «Gazetchik») [Professional media education in the 1920s (on the example of Novosibirsk edition "The Gazetchik"). *Znak: problemnoje pole mediaobrazovanija*, 2 (36), 26-34. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10203.
- Fateeva I. A. (2020). *Gazetovedenije kak nauchno-obrazovatel'naja shkola v Rossii: sto let spustja*. [Newspaper studies as a scientific and educational school in Russia: a hundred years later]. Moscow: MPSU.
- Fateeva I. A. (2019). O mezhdunarodnom priznanii otechestvennogo gazetovedenija [On the International recognition of Russian newspaper science]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 4 (192), 14-22.
- Ishakov R.L. (2021). «Bol'shoje viditsja na rasstojanii...»: vzgl'ad na gazetovedenije cherez sto l'et. [«Big things are seen from a distance...»: a look at newspaper studies in a hundred years]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Problems of education, science and culture*, 27 (2), 227-234.
- Karavashkova S. V. (1967). Podgotovka zhurnalistskih kadrov v pervyje gody sovetskoj vlasti [Training of journalistic personnel in the early years of Soviet power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 5, 70-76.
- Khubetova Z. F. (2021). Jazuk massmedia kak object nauki o zhurnalistike [The language of mass media as

- an object of journalism science: on the history of the formation of the St. Petersburg media linguistic scientific school]. *Medialingvistika*, 9-4, 330-354. DOI: [10.21638/spbu22.2022.403](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.403)
- Kondratenko A. I. (2010). Stanovleniye professional'nogo zhurnalistskogo obrazovaniya v 30-e gody [The formation of professional journalism education in the 30s]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, 1 (5), 9-15.
- Korkonosenko S. G. Nauchno-pedagogicheskije shkoly zhurnalistiki v Rossii [Scientific and pedagogical schools of journalism in Russia]. *Vek informacii*, 9-2, 11-18.
- Korkonosenko S. G., Berezhnaja M. A., Khubetsova Z. F. (2021). Liderskije pozicii rossijskich nauchno-obrazovatel'nykh shkol zhurnalistiki [Leadership positions of Russian scientific and educational journalism schools]. *Cifrovoy uchjonyj: laboratoriya filosafo*, 4-3, 102-118. DOI: [10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-3-102-118).
- Korkonosenko S. G., Khubetsova Z. F. (2023). Evol'ucionnyje trajektorii razvitiya nauki o zhurnalistike. Germaniya, Amerika, Sankt-Petersburg [Evolutionary Trajectories of the Development of the Scientific Knowledge on Journalism. Germany, America, St. Petersburg]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 12-2, 165-182. DOI: [10.17150/2308-6203.2023.12\(2\).165-182](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(2).165-182).
- Kuzmichov V. (1973). Pervyj institut [The first institute]. *Zhurnal*, 11, 52.
- Landina L. V. (2023) Kommemoracija kak object mezhdisciplinarnogo znaniya [Commemoration as an object of interdisciplinary knowledge]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 1(47), 15-26.
- Nauchno-pedagogicheskije shkoly zhurnalistiki v Rossii* (2021). [Scientific and pedagogical schools of journalism in Russia]. SPb.: Aleteja.
- Press V. (1970). Zhivaja stranica istorii [A living page of history]. *Literaturnaja gazeta*, July 22, 210-214.
- Privalov V. Z. (1982). Ot «shkoly zhurnalizma» do fakul'teta zhurnalistiki: (Rukovodjashchaja rol' V.I. Lenina i Kommunisticheskoy partii v formirovanii sistemy podgotovki kadrov sovetskoj pechati) [From the «school of journalism» to the faculty of journalism: (The leading role of V.I. Lenin and the Communist Party in the formation of the training system of the Soviet press)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 1, 10-21.
- RGALI (n. d.). *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva*. [Russian State Archive of Literature and Art], f. 2808, inv. 1, file 61, 134.
- Svitich L. G. (2018). *Sociologija zhurnalistiki* [Sociology of Journalism]. Moskva: Jurait, 164-181.
- Talovov V. P. (1990). *Zhurnalistskoye obrazovaniye v SSSR* [Journalism education in the USSR]. Leningrad.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 15.01.2024.
Принята к публикации 15.02.2024.

Об авторе

Фатеева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет; ORCID: 0000-0003-2119-2120; fateevafia@gmail.com

Fateeva I. A.

ON THE FIRST ATTEMPT TO COMMEMORATE THE SCIENTIFIC AND RESEARCH ACHIEVEMENTS OF THE STATE JOURNALISM INSTITUTE AS A CENTER OF NEWSPAPER STUDIES

Abstract. In the article, the author describes, analyzes and interprets documents related to the earliest attempt at professional and academic commemoration of the scientific research practices of newspaper scientists at the State Journalism Institute (SJI). This is primarily the correspondence (1964–1967, Russian State Archive of Literature and Art) of two active participants in the life of the first domestic educational institution for journalists of the 1920s: Tomsk

journalist V. A. Kuzmichev (1903–1994), graduate of the post-graduate school of SJI, and his former supervisor M.S. Gus (1900–1984). On the basis of commenting on the correspondents' personal letters introduced into scientific circulation, the author shows how toxic the topic of the formation and existence of the first scientific journalism school was, even three and a half decades after its liquidation.

Keywords: State Journalism Institute, SJI, newspaper studies, science of journalism, professional media education, commemoration, V. A. Kuzmichev, M. S. Gus.

For citation: Fateeva I. A. On the first attempt to commemorate the scientific and research achievements of the state journalism institute as a center of newspaper studies. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 20-32. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).20-32

Ляпина А. В.

ЖАНР ФЕЛЬЕТОНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛАХ О ПРИРОДЕ И ОХОТЕ

Аннотация. Впервые материалом исследования стали специализированные журналы природоведческой и охотничьей тематики. В статье рассмотрена специфика фельетона и содержание полемики, которую вели дореволюционные журналы о природе и охоте в сатирическом жанре. Выделены основные темы фельетонной борьбы (качество охотничьих изданий, вопросы собаководства, организация выставочной деятельности, подражание европейской охотничьей моде), проанализированы художественно-публицистические приемы, создающие сатирические образы (апелляция к сюжетам известных произведений, включение в текст пословиц и поговорок, использование слов с уменьшительными суффиксами, включение разговорной лексики и французских слов и выражений; включение в прозаический текст поэтических фрагментов, использование риторических фигур, создание циклов фельетонов, объединенных единым рассказчиком и действующими лицами и др.). Исследование доказывает значимость фельетонов для развития как данного сегмента русской прессы и повышения ее качества, так и развития различных направлений деятельности в сфере охотничьего хозяйства и смежных с ней областей. В работе были использованы метод сплошной выборки, метод жанрового анализа, общенаучные методы наблюдения, описания, систематизации.

Ключевые слова: журналы о природе и охоте, жанр фельетона, полемика

Для цитирования: Ляпина А.В. Жанр фельетона в дореволюционных журналах о природе и охоте // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. 1(52). 33-43. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).33-43

Фельетон как один из востребованных жанров журналистики изучается филологами в разных ракурсах и аспектах. Современные ученые рассматривают его функционирование в региональной печати [Жиликова, 2020; Захарова, 2023 и др.], в творчестве отдельных авторов [Чудновский, 2023; Мазуров, 2021 и др.], описывают жанровые признаки [Марачева, Молодцова, 2022; Прохорова, Максиматкина, 2007 и др.]. Следует признать тот факт, что дореволюционная печать, посвященная вопросам охоты, не становилась объектом исследования в анализируемом ракурсе, хотя она достаточно широко представила свои темы и своих героев в зеркале фельетона.

Цель статьи заключается в анализе содержания фельетонной полемики в охотничьих изданиях с позиции жанра и целевой установки конкурирующих периодических изданий, в выявлении художественно-публицистических средств, которыми пользовались авторы сатирических текстов.

В дореволюционной периодической печати термин «фельетон» употреблялся и как рубрика или место на странице (чаще всего «подвал»), и как собственно жанр. Написанный живо, легко и остроумно, он предназначался для увлекательного чтения и был востребован массовой аудиторией. По преимуществу фельетон был обозрением городских новостей, «легким» и ироничным очерком нравов.

Попытки объяснить суть и назначение фельетона предпринимались в середине XIX века. В начале 1847 г. В. Г. Белинский писал в «Современных заметках»: «Что такое фельетон? Это болтун, по-видимому добродушный и искренний, но в самом деле часто злой и злоречивый, который все знает, все видит, обо многом не говорит, но высказывает решительно все, колет эпиграммою и намеком, увлекает и живым словом

ума, и погремущою шутки...» [Белинский, с. 89].

Филологическая наука не выработала единого подхода к определению жанра, поэтому этот вопрос в теории журналистики по-прежнему остается дискуссионным. Исследователи представили фельетон и как «средство осмеяния зла» [Тертычный, с. 264], и как искусство «говорить серьезно о пустяках и несерьезно о серьезных вещах» [Журбина, с. 20]. Л. Ф. Ершов выделил два пути развития фельетона: публицистический, в котором доминируют факты и их оценка, и беллетризованный, в котором активно используется система художественных образов [Ершов, с. 111]. Мы рассматриваем фельетон как жанр журналистики, синтезирующий художественно-публицистические изобразительно-выразительные средства с целью высмеять, осудить неприглядные явления общественной жизни, в нашем случае – это сфера охоты и смежные с ней темы. Основными чертами жанра являются точность, злободневность и актуальность, эмоциональность, образность, наличие приемов комического.

Как считал В. Г. Белинский, этот сатирически насыщенный жанр в XIX веке плохо осваивался журналистами, потому что русская публика не готова была видеть себя в зеркале сатиры: «Фельетон составляет существенную принадлежность всякой газеты. К сожалению, фельетон у нас пока невозможен» [Белинский, с. 89]. Критик осудил современное состояние фельетона за его приторность, скуку и вялость в остроумии.

В охотничьей печати фельетон впервые появился одновременно с первыми журналами соответствующей тематики как отдел, где публиковались беллетризованные очерки путешествий по другим странам «с продолжением». Так, в «Журнале охоты и коннозаводства» (1869-1874) очерки «Охота в Индии», «Охота на медведя в Норвегии», «Охота в Австралии», «Охота за крысами в Англии» и другие печатали в течение всего календарного года.

Вопрос о статусе фельетона как сатирически заостренного жанра был поставлен в статье «Заметки Нового Немврода», опубликованной в журнале «Природа и охота». «Увы, обстоятельство это очень печальное с моей, охотничьей, точки зрения. И в самом деле, неужели охота, дело, которому посвящают досужее время и цари, и крестьяне, которое имеет кой-какую свою литературу, даже свои собственные органы, не может быть предметом фельетонного острословия? Неужели одна из самоновейших форм журнального и газетного легкомыслия <...> не может быть уместна там, где идет речь о ратной потехе, об изумительных и нередко маловероятных подвигах разных Ругаев, Терзаев, исторически верных, хотя и не всегда правдоподобных гениальных проделках всевозможных Трезоров, Стопов, невыразимо дальнобойных лепажах и мортимерах, умных волках <...> и, наконец, об охотниках, этих всегда веселых людях, смотрящих и на себя, и на свое дело отчасти в увеличительное стекло, всегда поэтически настроенных, не заспавших и не погубивших души в себе» (Прим.1). В этих рассуждениях – собирательный образ русской охоты и охотника, ранее представленный В.Г. Перовым в сюжете картины «Охотники на привале» (1871), где один охотник увлеченно рассказывает о своих приключениях с явным преувеличением, другой – иронически ухмыляется, а третий, неопытный, искренне удивляется и верит рассказчику. Герои картины, истории их походов в полной мере могли бы стать объектом фельетонного острословия, но современные охотничьи

фельетоны были бедны содержанием и слабы формой подачи материала. Автор заметки искренне сожалеет об этом и надеется на читателей, на их активность и креативное мышление. Он просит подписчиков присылать в редакцию описания разных курьезных случаев.

Фельетон стал опасным атрибутом охотничьей печати в 1890-е годы, когда рынок специализированных изданий пополнился новыми журналами, составившими конкуренцию уже существующим. Главная и вполне прагматичная цель фельетонов в условиях конкуренции – завоевание и сохранение рынка сбыта печатной продукции, устранение соперников. Немногие из издателей обращались к сатире из идейных соображений.

В острую фельетонную борьбу за читателя вступили «Журнал охоты» (1890-1892) и «Дневник охотника» (1891-1893), принадлежавшие А. Е. Коршу, «Русский охотник» (1890-1894) князя В. П. Урусова и провинциальный журнал «Приволжский вестник охоты» (1891-1892), принадлежавший К. В. Тхоржевскому и П. И. Телепневу.

Предметом фельетонного острословия стали как общие профессиональные вопросы (качество охотничьих изданий и отдельных рубрик, вопросы собаководства, организация выставочной деятельности и др.), так и деловые качества редакторов и сотрудников изданий. Авторы осуждали пустословие издателей, несовременность публикуемых материалов, некомпетентность экспертов на выставках собак, непунктуальность редакторов журналов. Тематические доминанты охотничьей печати обнажили проблемные зоны в издательском процессе и в отрасли в целом.

Героями фельетонов стали охотники, собаководы, эксперты на выставках собак, редакторы, издатели, сотрудники изданий, издания в целом: Н. В. Туркин, В. П. Урусов, Л.П. Сабанеев, «Природа и охота», «Охотничья газета» и др. Авторы фельетонов выступали под псевдонимами – «Старый холостяк», «Дублет», «Момус», «Граф Тарарах» и др.

Первым войну против своих конкурентов начал «Дневник охотника» в 1891 году. Сотрудник издания Я. И. Загвоздкин опубликовал несколько статей под названием «В роде фельетона», в которых дал нелицеприятную характеристику журналам-конкурентам и их руководителям. Это были фельетоны на «злобу дня», в них крупным планом представлены недоработки в организации издательского процесса и в определении принципов отбора материала для публикации. Объектом нападок г-на Загвоздкина стали журналы «Природа и охота», «Русский охотник», «Приволжский вестник охоты», «Охотничья газета». «Беззастенчивость, грубость, ругань, пасквили, подтасовки, плагиаты и всякого рода литературные гадости кишмя кишат на страницах “уважаемых изданий”» (Прим.2), – так характеризовал фельетонист современную охотничью печать. «Рядом с беззастенчивыми редакторами явились и беззастенчивые писатели, которые полагают, что дерзостью, грубостью, площадными намеками <...> они достигнут бессмертия, которые полагают, что их плохо затушеванных личных целей и их абсолютного невежества никто не заметит» (Прим.3). Фельетонист раскритиковал руководителей за экономию средств и за приглашение к сотрудничеству бесталанных беллетристов, не требующих вознаграждения: «Приди, желанный гость, ведь ты мне пишешь даром». Он сожалеет, что время бессмертных творений С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, гр. Л. Н. Толстого ушло безвозвратно, отошел

век богатырей, «и полезли из щелей мошки да букашки» (Прим 4). Загвоздкин порицал журнал «Природа и охота» за замалчивание факта появления новых изданий, «которых теперь, кроме него, уже четыре»; «Охотничью газету» просил быть более «опрятной» при публикации перепечаток из других изданий и не выдавать материалы из предыдущих выпусков за актуальные. «Русскому охотнику» досталось за размещение на своих страницах непроверенной информации, особенно обличительного характера. Автор не смог не указать статус редактора этого журнала, претендующего на изысканность и “*comme-il-faut*”. Из всех редакторов охотничьих изданий руководителем «Русского охотника» являлось титулованное лицо (князь В. П. Урусов – А. Л.), да еще и состоящее на государственной службе. Фельетонист пожелал этому популярному журналу в следующем году сократить количество публикаций переводных статей и сконцентрироваться на прилагательном «русский» и не «унижать его» (Прим.5). «Приволжскому вестнику охоты», именно ответственному за рубрику «Наша печать» Г. Маркову, он посоветовал быть точным и осторожным в отзывах и оценках.

Журнал «Русский охотник» не заставил себя долго ждать. Он подготовил цикл ответных фельетонов под названием «Письма Мопса» (Прим.6), которые стилизуют манеру письма двух собачек, Меджи и Фидельки, из повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Рассказ ведется с позиции «изысканного» мопса Мосевны, заинтересованной наблюдательницы и слушательницы. От имени собаки автор Я.-в, он же переводчик с собачьего языка, ироничным тоном сообщает своей приятельнице об издателях, не выплачивающих гонорары сотрудникам («Теперь некоторые издатели только об этом и заботятся, как бы на даровом матерьяльце выехать!» (Прим.7)), о Московском обществе охоты, устроившем охоту на волков («Московское Общество охоты проходу не дает волкам» (прим.8)), об организаторах выставок собак, которых больше заботит соблюдение формальностей, и о публике, пришедшей повеселиться («Мы лаем, экспоненты тоже веселятся, публика – в буфете сидит. Как ты себе представляешь картину: неопределенных лет экспонентку мальтийской собачки в электрическом свете!» (Прим.9)). Мосевна комментирует своей подруге Мими высказанное «мосье Загвоздкиным» мнение в адрес охотничьих изданий: «Не правда ли, шерочка, ведь это очень мило с его стороны? Только он, бедный, себя обидел. Всем пожелал, а себе ничего. Напрасно. Я бы на его месте для нового года преподнесла своему журналу басню Крылова, которая заканчивается так: “ Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться” (Прим.10)!»

Ирония заключается и в заголовке статей: автор будто возвышает «королевскую» собаку мопса, намекая таким образом на благородное происхождение владельца «Русского охотника» и его высокое положение в обществе. В оппозиции оказались «разные там сеттеры и пойнтеры, которые должны по разным дебрям шлаться». В стилистике другой повести Г.В. Гоголя «о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» автор иронизирует над принципом отбора собак на выставку. Так Мосевна описывает своей подруге Мими увиденную сцену: «Подведет какой-нибудь охотничек к своей собачке другого и начинает: “Да вы посмотрите, что это за ноги! А? Каковы? А подпруга? А голова? ... Нет, я вас спрашиваю, видели вы когда-нибудь такую

подпругу? На всей выставке такой подпруги нет!... А прут?...А? Видал?"» (Прим.11). На возражения собеседника насчет соответствия питомца необходимым стандартам хозяин собаки бурно реагирует, «даже в рукопашную доказывает усомнившемуся экспоненту породность своего сеттера» (Прим.12). В переписке активно используются слова с уменьшительными суффиксами («миленькая привычка», «душечка», «писателишка», «шерочка», «милочка», «охотничек»), разговорная лексика («шляться», «не давать проходу», «даровой»), французские слова и выражения с претензией на непринужденность разговора и его светский характер («Же сюи телеман ваше», «пуркуа па», «нес па терибль» и др.), риторические вопросы и восклицания, создающие яркий образ и усиливающие эмоциональное воздействие на читателя.

Притворная хвалебная лексика тоже создает комический эффект. Например, Мосевна сообщает своей подруге о том, что ее патрон читает и обсуждает со своими друзьями очень интересные охотничьи статьи, содержание которых, как выясняется в дальнейшей переписке, не соответствует заявленному хвалебному тону. Вот, например «премилый автор Квашневский» (Прим.13) пишет все про свои новые изобретения и сильно их хвалит, а на письма никому не отвечает, никого не ругает. Такие статьи помещают в объявлениях. Он приспособился из объявления статью делать, а из статьи объявление. Остроумно и выгодно» (Прим.14). Так фельетонист выражает свое мнение о публикациях в журналах конкурентов и об отдельных изданиях в целом.

Ответ «Дневника охотника» был незамедлительным. Господин Загвоздкин, продолжая апеллировать к сюжетам Гоголя, уверенно наступал на противника: «"Русский Хотник", как видно, пригласил к себе известного Поприщина, бывшего испанского короля, который привык читать и понимать собачьи письма, а для меня это совершенная новость». Фельетонист язвительно ответил «Мопсу», используя нелицеприятные выражения: «во всем видна собака», «совершенно собачий склад понятий», «что простительно собаке, то непростительно человеку», включая известные пословицы и поговорки («Яблоко от яблони недалеко падает», «Волков бояться – в лес не ходить») или их фрагменты («Собаки лают, значит, мы едем»)(Прим. 15).

Журнал «Приволжский вестник охоты» решил поддержать «Дневник охотника» и тоже резко высказался в адрес «Природы и охоты»: «Почему это вы, г. Сабанеев, столь тароватый в деле оглашения выхода в свет нового немецкого пчеловодного листка и амурных походов какого-нибудь ловеласа, обутого в охотничьи ботфорты,— отказались отметить такое незаурядное явление, как рождение первого провинциального охотничьего журнала, и умолчали о возрождении журнала г. Корша? <...> Да, пусть новые охотничьи журналы и плохи, пусть хороши только вы, г. Сабанеев, но ведь существование этих журналов – факт и притом факт, принадлежащий русской охотничьей жизни! <...> Один журнал, как бы всезнающ он ни был, не может удовлетворить всех нужд и интересов нашей обширной охотничьей семьи» (Прим. 16). Марков, не стесняясь в выражениях, оскорблял Л. П. Сабанеева и его издания: «усохшие лавры Сабанеева», «тупая, малограмотная «Охотничья газета», «скудоумие «Охотничьей газеты», публикации – бред, невежество» (Прим.17). Очевидно, издания с трудом уживались друг с другом, вели себя провокационно, дерзко. Только Л.П.

Сабанеев в настоящей ситуации, как и подобает почтенному авторитету, не участвовал в ожесточенных схватках, не отвечал на высказывания злопыхателей, одним словом – не запятнал себя недостойными поступками. Прошло совсем немного времени, и журналы–скандалисты прекратили свое существование, а бывшие оппоненты как ни в чем не бывало продолжили профессиональную деятельность в том же журнале «Природа и охота». Марков, устав от жарких фельетонных войн, незадолго до закрытия журнала «Приволжский вестник охоты» пришел к выводу, что «фельетонная война при таких условиях легко может перейти в общую свалку: фельетонисты – это застрельщики, за которыми в качестве главных сил идут сами журналы (если застрельщики при встрече меняются салютами – не беда, но если примутся стрелять боевыми патронами...). Я не знаю, кому может доставить удовольствие зрелище ожесточенной свалки журналов гг. Урусова и Корша» (Прим.18).

В отсутствие конкурентов журнал князя Урусова не перестал публиковать фельетоны. Появилось несколько статей под названием «Наши знакомые Иваны Ивановичи» (тоже отсылка к известному произведению Н.В. Гоголя – А.Л.). Автор с инициалами К. М. А. Г. высмеял тип незадачливого охотника, болтуна, позера, имитатора охотничьей страсти. Иван Иванович выписывает аккуратно все охотничьи журналы, читает все в них написанное без разбору, соглашается со всеми авторами, даже если на одну и ту же тему высказаны диаметрально противоположные точки зрения. Любит показать себя и застрашать собеседника охотничьими терминами, больше любит приготовления к охоте и разговоры о ней, а на самой охоте – пышное застолье. В неудачной охоте всегда винит патроны, яркое солнце, густой туман, пороховой дым и другие внешние факторы. На охоте занят своей внешностью: может пойти на охоту в тонких капроновых чулках, взяв с собой пару запасных, две-три крепко накрахмаленные рубахи, одеколон и т.п. Он милый и приятный компаньон, любит прихвастнуть изрядно: дичь он находит тысячами, волков видит – массы. Автор назвал это явление печальным, но вполне обычным (Прим.19).

Читатели едва успели пережить фельетонные баталии между журналами Урусова и Корша, как языком этого жанра заговорил молодой провинциальный журнал «Псовая и ружейная охота» (1894-1903). Фельетонисты были людьми талантливыми и патриотически настроенными. Они выступали от имени провинциала, наблюдающего за происходящим в столице. Их публикации, сатирически заостренные, представлены в художественно-публицистической традиции жанра. На повестке стояли вопросы собаководства, организации выставочной деятельности, качества охотничьих изданий.

Фельетонист под псевдонимом Дублет со свойственной провинциалу наивностью обращался к столичным охотникам с вопросом, зачем они заставляют своих собак выполнять неуместные на охоте команды, «что хотят показать этими штуками?» Он сделал вывод, что столичные охотники «циркачи» и следуют они английской моде. Не смог автор обойти журнал «Русский охотник», не упрекнув его в отставании от графика. Например, собаководчик Э. А. Новицкий умер в сентябре, а объявление о продаже собак от его имени опубликовали в ноябре. Автор иронично замечает, что, видимо, редакторы спириты, имеют связь с покойным (Прим.20).

Сам С. В. Озеров печатал произведения под псевдонимом «Старый холостяк». Это

были по преимуществу беллетризованные фельетоны, героями которых стала супружеская пара Цыпочкиных из провинции. Глава семейства под именем Момус публикует истории под заголовком «Из записок провинциала». Это сатирический взгляд провинциального охотника на столицу. В одном эпизоде Момус описал курьезный случай, произошедший с ним на выставке собак, напоминающий историю с гоголевским Хлестаковым. Члены Охотничьего клуба ошибочно приняли его за потомка господина Цыпочкина, уважаемого эксперта на выставке собак, по написанной на калошах букве «Ц», и включили в комиссию. Момус, не осведомленный в вопросах собаководства и не подозревающий произошедшего недоразумения, как ни в чем не бывало оценивал внешний вид гончих (ухо, морду, глаза, хвост и т.д.), ориентируясь на фактуру своей жены Милочки: «Дай, думаю, с Милочкиной буду сравнивать...» (Прим. 21). После обнаружения ошибки горе-эксперту вручили его калоши с буквой «Ц» и отправили домой к Милочке. За непринужденной фельетонной болтовней обнаруживались серьезные проблемы в вопросах организации выставок собак и профессионализма экспертов.

Сюжет второго фельетона также незамысловат. Момус накопил шесть рублей, чтобы их потратить на игру в вист с приятелями. Однако этим планам не суждено было реализоваться, так как пришлось их отправить руководителям иностранной газеты «Русский отхожий промысел», которые пригрозили своим подписчикам прекратить издание из-за неуплаты. Милочка была поклонницей этой газеты из-за голубого цвета обложки, который «так идет блондинкам», за публикацию описаний птиц, которых дамы носят на шляпках, и за обилие иностранных слов. Так, прикрываясь семейной историей, автор осуждает преклонение своих современников перед иностранной модой, жалеет о том, что из-за отсутствия у нас качественных охотничьих изданий, многие легковверные соотечественники довольствуются европейской продукцией, идут вслед за иностранцами, не «знающими русской жизни», с антипатией относящимися к русским. «Англичанин ввиду антипатии к русским хотел назвать газету «Дикий русский в Отхожем промысле», но татарин, его деловой партнер, уверил, что «дикий» надо вычеркнуть, потому что как ни добродушны русские, название «дикий» им не понравится» (Прим.22).

В новом фельетоне Момус продолжает тему организации выставок собак. Он недоволен тем, что на них происходит: члены жюри могут менять правила в угоду привилегированным экспертам, личные счеты и амбиции ставят выше профессиональных качеств, охотничья терминология уступает место вульгарной гастрономической лексике. Собак здесь называют «колбасой на подставках», «водочным бочонком на шкаликах». Экспонентов больше заботит содержимое буфета и его стоимость, чем происходящее на выставке. Цены там такие, что «за один завтрак целый месяц стаю собак прокормишь» (Прим. 22). Сетует на то, что посетителей мало, а выставляются в основном таксы, удобные «при нынешних охотничьих законах»: «для дамских собак и закон не писан» (Прим. 23).

Письма Момуса своей Милочке, вероятно, также рассчитаны и на читательниц журнала, далеких от серьезных вопросов охотничьего дела, но жаждущих легкого, непринужденного чтения. Цикл записок из провинции – типичный образец беллетристического фельетона.

Модники и подражатели высмеяны в фельетоне «Старого Холостяка» «Корпуса докорили, коньяк – доконал» (Прим. 24). Автор от лица своего бывшего доезжачего Василия сравнивает особенности английской и русской охоты, и сопоставление это, конечно, в пользу русской охоты. Когда-то Василий, лихой доезжачий, за оплошности уволенный барином, поступил на службу в соседнюю губернию к англичанину. В обязанности Василия входила подготовка собак к скачкам по садовому зверю. Расстался Василий с англичанином через год службы после невыполнения его поручения: перед состязанием Василий должен был дать собакам по две ложки коньяка, но он выпил его сам, за что и был уволен новым хозяином. Василий решил, что лучше служить у русского барина-охотника, а английские причуды забыть. Зависимость от иностранной моды губительно сказывается на развитии национальной охоты. Позиция С. В. Озерова однозначна по столь принципиальному вопросу.

Проблема влияния иностранцев на русскую охоту продолжена в фельетоне «Умереть или уморить» (Прим. 25). Накануне начала охотничьего сезона герой получил приглашение явиться в «Общество охоты и распространения турецких интересов в славянских провинциях». Он решил заранее прибегнуть к помощи адвоката по «турецкой специальности». Им оказался опытный, предприимчивый Самуил Францевич Кальяр, проживавший на Обдирательной улице в доме Надувалова, который за несколько немудреных советов взял «неплохие деньги». Члены общества, куда явился наш охотник, обвинили героя в активной деятельности на пользу славянских земель и пытались придумать наказание: посадить на кол, в тюрьму, сделать евнухом гарема, даже предложили жениться на жене действующего члена общества, с которой тот разведется ради дела. Опытный адвокат предложил уморить потенциальную супругу, чтобы не связываться с ней узами брака. К счастью, все неприятные события оказались лишь дурным сном. Объектом сатиры стали как хитрые адвокаты, которые наживаются на несчастных, так и разработчики закона об охоте, которые не учитывают интересы землевладельцев.

Комический эффект создают урбанонимы, название общества и специализации адвоката, абсурдная ситуация с женитьбой героя, разработка сюжетной линии – сновидение, маска наивного провинциала.

В журнале «Псовая и ружейная охота» под заголовком «Письма провинциала» публиковался Граф Тарах. Он сосредоточился на содержании охотничьей литературы, которая призвана помочь, особенно провинциальным охотникам, «разобраться в сложных вопросах охотничьего хозяйства и законодательства, оружейной техники и собаководства» (Прим. 26). В фельетоне не обошлось без критики журнала уже покойного Л. П. Сабанеева «Природа и охота». Доверие к авторитетному журналу, по мнению автора, подрывает обилие содержащейся на его страницах рекламы охотничьих магазинов и фирм по производству оружия. Субсидированное издание таким образом теряет свою независимость и влияние на читателей. Провинциальный охотник критикует претензию современных немцев на европеизм, который заключается в употреблении модных слов «спортсмен» и «джентльмен» вместо русских «охотник» и «порядочный человек». Он не экономит на терпких выражениях: научные статьи называет «изумительными перлами», беллетристику – «хламом», вообще все, что публикует журнал – «залежалым

товаром», «мерзостью запустения», а его нынешних руководителей неодобрительно – «компанией» (Прим.27).

Таким образом, в журналах о природе и охоте фельетон, возникший как инструмент влияния на конкурентов, стал одним из популярных художественно-публицистических жанров, привлекавших читателей актуальной темой, простотой формы, образностью речи, сатирической направленностью.

Фельетон фиксировал не самые привлекательные стороны развития охотничьего хозяйства в России, продолжая темы передовых статей: качество охотничьих изданий, вопросы собаководства, организация выставочной деятельности, подражание моде европейских охотников.

Несмотря на то, что фельетоны данного сегмента русской прессы в своем содержании синтезировали художественные и публицистические приемы, можно в них выделить доминирующее начало. Так, в публицистическом фельетоне преобладали факты и их оценка. Авторы беллетризованных фельетонов использовали набор образных средств, помогающих создать яркий сатирический образ. Среди них – апелляция к сюжетам известных произведений И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина; включение в текст пословиц и поговорок; использование слов с уменьшительными суффиксами; включение разговорной лексики и французских слов и выражений; включение в прозаический текст поэтических фрагментов; использование риторических фигур; создание циклов фельетонов, объединенных единым рассказчиком и действующими лицами. Для усиления воздействия на читателя авторы выстраивали с ним доверительные отношения посредством обращений («вы, читатель, конечно, удивились» или «скажите, господа», или «побеседуем, читатель» и др.) и ведения повествования от первого лица, что позволяло высказывать свое мнение и давать оценку происходящему.

Фельетонные войны хоть и носили суровый характер, все же имели положительный результат: они способствовали повышению качества охотничьей печати, развитию различных направлений деятельности в сфере охотничьего хозяйства и смежных с ней областей, свидетельствовали о достаточно высоком уровне общей культуры как авторов фельетонных текстов, так и их читателей, подготовленных правильно интерпретировать информацию.

Примечания

1. Заметки Нового Немврода. *Природа и охота*. 1878. № 1. С. 78.
2. Загвоздкин Я. И. В роде фельетона. *Дневник охотника*. 1891. № 4 С. 26
3. Там же. С. 26.
4. Там же. С. 28
5. Загвоздкин Я. И. В роде фельетона. *Дневник охотника*. 1891. № 4 С. 29.
6. Я-в Письма Мопса // *Русский охотник*. 1891, 45. С. 711-713; 49. С. 769-770; 1892; 1, 7-9; 5, 66-67.
7. Я-в Письма Мопса // *Русский охотник* 1892. № 1. С. 8.
8. Я-в Письма Мопса // *Русский охотник* 1892. № 1. С. 8.
9. Я-в Письма Мопса // *Русский охотник*. 1892. № 1. С. 9.
10. Я-в Письма Мопса // *Русский охотник*. 1892. № 5. С. 67.
11. Я-в Письма Мопса// *Русский охотник*. 1892. № 5. С. 66. Ср. с отношением рассказчика к бекеше Ивана Ивановича: «Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю Бог знает что, если у кого-либо найдутся такие!

- Взгляните, ради Бога, на них, – особенно если он станет с кем-нибудь говорить, – взгляните сбоку: что это за объядение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворец, угодник Божий! отчего же у меня нет такой бекеши!»// Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 –1952. Т. 2. 1937. С. 223.
12. Я-в Письма Мопса// *Русский охотник*. 1892. № 5. С. 66.
- 13.Я-в Письма Мопса // *Русский охотник*. 1891. № 45. С. 712.
- 14.Я-в Письма Мопса // *Русский охотник*. 1891. № 45. С. 713
- 15.Загвоздкин Я. И. В роде фельетона // *Дневник охотника*. 1892. № 9. С. 70-71.
- 16.Марков К. Приволжский вестник охоты. 1892. № 4. С. 59-60.
- 17.Марков К. Приволжский вестник охоты. 1892. № 5. С. 75.
- 18.Марков К. Приволжский вестник охоты.1892. № 7. С. 106.
- 19.К.М.А.Г. Наши знакомые Иваны Ивановичи// *Русский охотник*. 1892. № 16. С. 244-246; № 17. С. 258-260.
20. Дублет. Мысли вслух// Псовая и ружейная охота. 1894/1895. № 13. С. 297-305.
21. Момус. Из записок провинциала// Псовая и ружейная охота. 1894/1895. № 9. С. 187.
- 22.Момус. Из записок провинциала. № 15. С. 350.
- 23.Момус. Из записок провинциала. № 17. С. 408.
- 24.Старый Холостяк. Корпуса докорили, коньяк – доконал // Псовая и ружейная охота 1894/1895. № 10. С. 239-243.
- 25.Старый Холостяк Умереть или уморить? // Псовая и ружейная охота. 1902. № 45. С. 593-596. № 47. С. 621-624.
- 26.Граф Тарах Письма провинциала. Письмо первое // Псовая и ружейная охота. 1904. № 21. С. 344-346.
- 27.Граф Тарах Письма провинциала. Письмо первое. С. 345.

Литература

- Жилякова Н. В. (2020). «Беллетристический» и «Текущий»: Становление жанра фельетона в частной периодике Томска конца XIX в. *Русская литература и журналистика в движении времени*, 1-1, 106-115.
- Захарова Е. М. (2023). Стратегии и тактики фельетона в газете «Южный край» (Василий Иванов, Н.А. Лухманова). *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 81, 153-167.
- Чудновский М.А. (2023). Журналистская деятельность М.А. Булгакова в газете «Гудок». *Наука и школа*, 6, 60-70.
- Мазуров А. Е. (2021). Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884-1885). *Сибирский филологический журнал*, 2, 82-95.
- Марачева А.В. (2022). Особенности фельетона как жанра сатирической журналистики. *E-Scio*. 9 (72), 370-375.
- Прохорова И. Максимакина А. (2007). Зарождение фельетона в России: многозначность понятия, перипетии пути. *Меди@льманах*, 4 (21), 8.
- Белинский В. Г. (1956). *Полное собрание сочинений: В 13 т. / редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846-1848 / [тексты подгот. и коммент. к ним сост. Е.И. Кийко и др.; ред. Е. Г. Дементьев]; АН СССР; ИРЛИ. Москва: Изд-во АН СССР, 88-101.*
- Тертычный А. А. (2017). *Жанры периодической печати: учеб. пособие для вузов*. Москва: Аспект Пресс, 315.
- Журбина Е. И. (1965). *Искусство фельетона*. Москва: Художественная литература, 287.
- Ершов Л. Ф. (1977). *Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа)*. Ленинград: Наука, 282

References

- Zhilyakova N. V. (2020). «Belletristicheskij» i «Tekushhij»: Stanovlenie zhanra fel'etona v chastnoj periodike Tomska konca XIX v. [*"Fiction" and "Current": The formation of the genre of the feuilleton in private periodicals of Tomsk at the end of the XIX century. / Russian literature and journalism in the movement of time.*]. Russian literature and journalism in the movement of time, 1-1, 106-115.
- Zaxarova E. M. (2023). Strategii i taktiki fel'etona v gazete «Yuzhnyj kraj» (Vasilij Ivanov, N.A. Luxmanova) [*Strategies and tactics of the feuilleton in the newspaper "Southern Territory" (Vasily Ivanov, N.A. Lukhmanova)*]. Bulletin of Tomsk State University. Philology, 81, 153-167.
- Chudnovskij M. A. (2023). Zhurnalistskaya deyatel'nost' M.A. Bulgakova v gazete «Gudok» [*The journalistic activity of M.A. Bulgakov in the newspaper "Gudok"*]. Science and school, 6, 60-70.
- Mazurov A. E. (2021). Cikel fel'etonov «Sibirskij muzej» «Konservatora» (F.V. Volxovskogo) v «Sibirskoj gazete» (1884-1885) [*The cycle of feuilletons "Siberian Museum" of the "Conservator" (F.V. Volkhovsky) in the "Siberian Newspaper" (1884-1885)*]. Siberian Philological Journal, 2, 82-95.
- Maracheva A. V. (2022). Osobennosti fel'etona kak zhanra satiricheskoy zhurnalistiki [*Features of the feuilleton as a genre of satirical journalism*]. E-Scio, 9 (72), 370-375.
- Proxorova I., Maksimatkina A. (2007). Zarozhdenie fel'etona v Rossii: mnogoznachnost' ponyatiya, peripetii puti [*The origin of the feuilleton in Russia: the ambiguity of the concept, the vicissitudes of the path*]. Medi@lmanac, 4 (21), 8.
- Belinskij V.G. (1956). Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 10. [*The Complete Works*] Moscow, 88-101.
- Tertychnyj A. A. (2017). Zhanry periodicheskoy pechati [*Genres of periodicals*]. Moscow, 320.
- Zhurbina E. I. (1965). *Iskusstvo fel'etona: monografiya* [*The art of the feuilleton*]. Moscow, 287.
- Ershov L. F. (1977). *Satiricheskie zhanry russkoj sovetskoj literatury* (ot e'pigrammy do romana) [*Satirical genres of Russian Soviet literature (from epigrams to novels)*]. Leningrad.: Nauka, 282.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.01.2024.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторе

Ляпина Алина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; ORCID: 0000-0001-7203-6713; a.v.liapina@mail.ru

Lyapina A. V.

THE FEUILLETON GENRE IN THE PRE-REVOLUTIONARY NATURE AND HUNTING MAGAZINES

Abstract. The history of Russian hunting journalism dates back almost a century and a half. Different genres are represented in magazines of nature and hunting. The article examines the specifics of the genre of the feuilleton and the content of the polemic waged by pre-revolutionary magazines of nature and hunting in the genre of the feuilleton. The main topics of the feuilleton are the quality of nature and hunting magazines, dog breeding, organization of dog shows, the imitation of European hunting fashion. The study proves the importance of feuilletons for the development magazines of nature and hunting and improving its quality. Scientific methods were used to achieve the goal: the method of genre analysis, general scientific methods of observation, description, systematization.

Keywords: journalism; nature and hunting specialized magazines, the genre of the feuilleton.

For citation: Lyapina A. V. The feuilleton genre in the pre-revolutionary magazines of nature and hunting (2024). *Memoirs of NovSU*. 1(52), 33-43. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).33-43

Мокшин С. И.

ДИСКУРС ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Аннотация. В статье представлены способы коммуникативного воздействия на реципиентов. Рассматривается ряд вопросов, в которых обозначены способы коммуникационного воздействия на реципиентов посредством медийных площадок. Поликодовый текст в медийных площадках разного формата предстает в виде сенсационности, что сопровождается соответствующим звуковым рядом и картинкой. Традиционные и новые медиа заключают реципиентов в коммуникационные рамки (фреймы), благодаря которым формируется картина мира, отражаемая в СМИ. Материалами послужили как традиционные, так и электронные медиа. Особо следует отметить поликодовый текст, представленный в визуальных медиа, поскольку такие площадки предполагают разнообразные способы воздействия на реципиентов при помощи музыки, смены кадров, личности коммуникатора. Методологической основой статьи является представление о феномене дискурса сенсационности, сочетающий в себе семиотический аспект изучения дискурса. Одной из важных составляющих в подобного рода медиа является суггестивная составляющая, представленная в виде коммуникационных кодов поликодового текста. Поликодовый текст позволяет оказывать влияние на реципиентов и таким образом формировать их картину мира. Дискурс современных медийных площадок построен на культуре противостояния друг другу, поскольку электронные медиа затрагивают темы и, зачастую, коммуникативно отвечают им. Электронные медиа предстают в виде огромного количества мнений благодаря возможности площадок в высказывании каждого участника коммуникации, что формирует дискурс сенсационности.

Ключевые слова: дискурс, медиа, коммуникация, поликодовый текст, иконический уровень, иконографический уровень, реципиенты

Для цитирования: Мокшин С. И. Дискурс противостояния в поликодовых текстах современных медиа // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 44-50. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).44-50

Современное состояние риторики отчетливо характеризуется противостоянием двух противоположных стратегий, обозначенных как риторика доверия и риторика конфронтации. В основе риторики доверия лежит принцип диалога согласия, предполагающий туннельный эффект движения, говорящего и слушающего навстречу друг другу. Риторика конфронтации, напротив, предполагает использование технологий, обеспечивающих безусловную победу одной стороны над другой посредством психологических, квазилогических и языковых манипуляций. Истоки этих двух стратегий сложились еще в эпоху Древней Греции как результат борьбы между платониками и софистами, которая связывалась с признанием абсолютной истины, либо ее отрицания. В первые десятилетия XXI в. мы являемся свидетелями того, как софистическая риторика и ее основной принцип агонистика отвоевывают все более широкие и значимые участки коммуникативного пространства. При этом современные медиа отчетливо выстраивают свою коммуникацию, основываясь на риторике противостояния.

Целью настоящей статьи является выявление и интерпретация дискурса противостояния как способа коммуникативного воздействия в современном медиапространстве, где значительная доля принадлежит блогосфере. Эмпирическая база исследования составлялась на основе риторической и коммуникативной эффективности сообщений, которые впоследствии получили отклики в социальных сетях и просмотры в видеохостинге YouTube.

Особенностью электронных медиа считают дискурс, представленный в интернете

блогерами, журналистами, информационными сайтами. Такие медиа в своей коммуникации придерживаются принципов, заложенных Протагором (принципы доказательности и состязательности), поэтому главенствующие позиции в современных медиа занимает агональная коммуникация. Центральным моментом агональной коммуникации в современном медиапространстве становится изобретение коммуникативного события, которое, по мнению Т. ван Дейка, связывается с дискурсом новостей и «могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем охарактеризовать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов чтении газет и телесмотрении, производимой на основе их общения со средствами массовой коммуникации [Дейк ван Т, 2013, с. 123]. Подобная коммуникация стала проследиваться со стремительным развитием интернета. В недалеком прошлом появились интернет-форумы, социальные сети, комментарии на сайтах. В современной коммуникации мы наблюдаем развитие мессенджеров, сервисов с короткими видео, в которых каждый реципиент может создать свой контент и поделиться мнением подписчиками.

Такое явление, введенное Э. Тофлером определяется как *prosumer*. Подобный термин определяет человека, который одновременно является создателем и распространителем контента [Кульчицкая, 2021, с.28]. Отсюда возникает когнитивное ощущение многополярности мнений, так как благодаря современным техническим средствам можно создать дикодовый и поликододовые тексты. Как правило, дикодовый текст обозначен в печатной прессе, поскольку является изображением и текстом, остальные каналы коммуникации представлены площадкой поликододовых текстов, представляющих собой сочетание картинки, музыки и образа коммуникатора. Благодаря явлению просьюмеризма в медийных площадках создается эффект полифонии, позволяющий потенциальной аудитории следовать мнению одной из сторон. Таким образом, попадая под коммуникативное воздействие, потенциальные реципиенты, принявшие мнение одной из сторон, переходят в агональную коммуникацию, что может отражаться в комментариях в социальных сетях, блогах, репостах и т.д. Зачастую телевизионные передачи ссылаются на контент создаваемый *prosumer*. Например, телепередача ЧП, которая ежедневно выходит на канале НТВ, зачастую использует в своих репортажах любительскую съемку с экрана смартфона. В выпуске, например, показан случай драки, произошедший в Краснодарском крае, далее в таком же ключе демонстрируется сюжет, в котором ребенок падает в колодец, но по счастливому стечению обстоятельств остается цел и невредим. В этом сюжете также мы наблюдаем съемку на экран смартфона (*Прим. 1*). Коммуникационные сообщения, представленные в виде сенсации, мы можем наблюдать и в сетке вещания региональных телеканалов. Например, телепередача «ДПС. Дорога. Перекресток. Судьба», которая транслируется на региональном канале новосибирской области ОТС. В телепередаче рассказывается о происшествиях, которые также были зафиксированы на экраны смартфона и видеорегистраторы, что соответственно, подается как эксклюзивный контент (*Прим. 2*). Сюжет о том, что в социальных сетях появилось видео наезда автомобиля на ребенка, затем следует сюжет о ДТП, зафиксированном на видеорегистраторе автомобиля. Вся телепередача демонстрирует короткие видео

зафиксированные на дорожные камеры наблюдения, либо видеорегистраторы.

В социальных сетях, в свою очередь, группы с дорожно-транспортными происшествиями и несчастными случаями также пользуются популярностью. Наиболее популярной группой в социальной сети vk.com в Новосибирске является АСТ 54 (Прим.3) с аудиторией 849 000 подписчиков. В группе, в основном публикуются шокирующие видеоролики автомобильных и бытовых происшествий, снятых на камеру мобильного телефона или на камеру видеонаблюдения жилых домов.

Рассматривая подобного рода сообщения в традиционных и электронных медиа, мы обращаем внимание на иконический и иконографический уровень коммуникации, представленный У. Эко [Эко, 2006, с. 222]. На иконическом уровне мы сталкиваемся с сильным эмоциональным значением, которое выражено визуальным рядом. Тот или иной визуальный ряд подкрепляется следующими лексическими единицами: пострадали дети, кровавая драка, сильное ДТП и т. д. Иконографический уровень выступает в виде семантического значения в аудиальном сопровождении телепередач и смене кадров при просмотре. Поликодовый текст телепередачи «ДПС. Дорога. Перекресток. Судьба» построен на воздействии на визуальное и аудиальное восприятие реципиента. В заставке мы слышим характерный звук сирены, присущей автомобилям полиции, сама заставка выполнена в сине-белых тонах, которые также ассоциируются с представителями правопорядка. Для чего же используют подобную коммуникацию традиционные медиа? Дело в том, что подобного рода сюжеты при просмотре реципиентами, создают эффект эксклюзивности новостного контента. Но никто не может заставить нас сомневаться, в действительности ли перед нами эксклюзивные кадры, а не постановочная новость, снятая на смартфон ради шокирующего телевизионного контента.

Потребление информации реципиентами может зависеть от многих факторов. Социологи предпочитают говорить о теории поколений. Суть такой теории заключается в том, что у определенного поколения есть набор ценностей, который формирует их картину мира. Например, поколению бэби-бумеров, рожденных в период 1943-1963 характерны такие принципы: оптимизм, заинтересованность в личностном росте, коллективизм и командный дух. Поколению X (1963-1984): готовность к изменениям, возможность выбора, стремление учиться. Поколению Y или миллениалам (1984-2000): гражданский долг и мораль, наивность и умение подчиняться. Поколению Z (2000-2016): массовое соответствие моде и достижения результата мгновенно [Шпаковский [и др.], 2019, с. 45].

Подобные установки позволяют разным возрастным группам черпать информацию из разных коммуникационных источников. Поколение бэби-бумеров предпочитает потреблять информацию из традиционных СМИ: газеты, радио, телевидение. Поколение X черпает информацию не только из традиционных СМИ, но также использует гаджеты и мобильный интернет. Поколение Y большую часть информации потребляет из интернет-источников, но в меньшей степени могут использовать традиционные СМИ. Поколение Z, наоборот, не приемлет традиционные СМИ, относится к ним скептически. Информацию зуммеры зачастую черпают из социальных сетей и мессенджеров.

Мессенджер «Telegram» стремительно набравший популярность после

блокировок зарубежных социальных сетей, является площадкой в котором представлены мнения и материалы, рассчитанные на разновозрастную целевую аудиторию и по сути, является цифровым образом традиционной печатной прессы. В мессенджере целевая аудитория может подписаться на общественно-политические, спортивные, развлекательные каналы, а также на странички медийных людей и политиков.

Согласно теории культивации Дж. Гербнера, которая заключается в формировании картины мира реципиентом, представленной в тех медиа, из которых потенциальная целевая аудитория потребляет информацию, можно сделать следующий вывод: разные поколения по-разному будут воспринимать и декодировать информацию, представленную в различных медиа [Гербнер, эл.ресурс]. Поэтому, возможно расхождение мнений и противостояние коммуникационного посыла в зависимости от предпочтений реципиентов и выбора ими медийных площадок. В современном медийном дискурсе в большей степени мы видим журналистский коммуникационный посыл, который заключается не столько в предоставлении информации и фактов реципиентам, сколько в навязывании собственных суждений и склонение реципиентов к определенной точке зрения. В данных примерах мы можем говорить о риторике сочетания в традиционных и электронных медиа, где каждый канал коммуникации претендует на эксклюзивность и сенсационность семантического значения контента.

Положения, которые тем или иным образом формируют картину мира реципиентов можно рассматривать как фреймы. Американский психолог и специалист в области НЛП Р. Дилтс определяет фреймы как «психологическую рамку, связанную с общей направленностью, определяющей наши мысли и действия» [Дилтс, 2020, с. 27]. Действительно, современные традиционные СМИ, а также электронные медиа заключают реципиентов в некие рамки, в которых они и формируют свое сознание и картину мира. Такие рамки характеризуются определенным набором тем, освещаемых СМИ. То есть, реципиенты попадают в коммуникационные фреймы. Также фреймами могут выступать высказывания, на определенные темы, декламируемые СМИ. Зачастую традиционные средства массовой коммуникации эксплуатируют темы стихийных бедствий, катастроф, эзотерических явлений и т. д.

Такого рода сюжеты характерны для телеканала РЕН, в частности телепередачам «Самые шокирующие гипотезы с Игорем Прокопенко», «Тайны Чапман». В основу сюжетов телепередач закладывается эзотерическая гипотеза, которая доказывается на протяжении хронометража, отведенного для телесмотрения передачи. Коммуникатор в лице телеведущего Игоря Прокопенко в начале телепередачи предупреждает: «Вы смотрите программу о том, как устроен мир с точки зрения альтернативных знаний, такие данные не всегда могут совпадать с официальной точкой зрения» (Прим. 4).

Да, действительно, коммуникационный посыл понятен: не хотите – не смотрите, но дальнейший поликодовый текст телепередачи говорит об обратном, на протяжении часа нам доказывают ту или иную эзотерическую гипотезу. Заставка телепередачи сопровождается тревожной музыкой, солнечное затмение переходит в зрачок человеческого глаза, затем реципиент может наблюдать на экране телевизора темный лес. Сама телепередача построена на резкой смене кадров, приглашении

экспертов, которые являются астрологами, гадалками и парапсихологами. Как правило, эксперты соглашаются с точкой зрения декламируемой в той или иной передачи. Во время телесмотрения реципиенты могут наблюдать летающие тарелки, странные круги на полях, а также секретные документы. Когда речь заходит о таких документах, как правило, визуально на экране демонстрируются папки, фоновые кадры сопровождаются надписями: «совершенно секретно» или «top secret». Одной из самых рейтинговых передач на отечественном телевидении была «битва экстрасенсов», на первом канале долгое время выходила телепередача «звезды под гипнозом». Во второй мультиплекс цифрового телевидения выходит телеканал ТВ 3, полностью специализирующийся на мистике. В стеку вещания которого входят следующие телепередачи и сериалы: «слепая», «порча», «гадалка» и т.д.

Фреймы, представленные в подобного рода контенте, формируют у реципиентов мифологическое сознание. Можно сказать, что подобный дискурс СМИ формируется, следуя тезису П. Бурдьё: «Магическая граница повсюду: она одновременно в вещах, телах, т. е. в порядке вещей, природе вещей, в рутине и банальности повседневной жизни». [Бурдьё, 2001, с. 181]. По Бурдьё, позиционное изменение слов или действий, которые осмысливаются без какого-либо намерения, становятся намеренным или преднамеренным дискурсом. Из сказанного можно сделать вывод, что непреднамеренный дискурс формирует мифологические фреймы и мифологический дискурс, которому подвергаются реципиенты вышеперечисленных телепередач. Мифологическое сознание способно объяснять сложные вещи простыми способами. Опираясь на логику мифологического, а также теорию культивации Дж. ШпаковскийГербнера [Теория культивации] реципиент непреднамеренно связывает жизненные неудачи и негативные моменты в своем окружении с мифами, декламируемыми подобными СМИ.

С. Г. Кара-Мурза отмечает суггестивную семантику в высказываниях. «Первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие – внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство» [Кара-Мурза, 2019, с. 67]. Действительно, современные медиа используют эмоционально-оценочную лексику, эвфемизмы, синонимию и подмену понятий, что зачастую меняет коннотативное значение высказываемого материала, а также позволяет рассматривать семантику высказываний совершенно в другом значении. План выражения таких высказываний приобретает коммуникационную стратегию выгодную для адресанта. Достаточно вспомнить эвфемизмы в традиционных медиа: не взрыв, а хлопок газа, не карантин, связанный с пандемией, а самоизоляция, не увольнение сотрудников в связи с уходом крупных компаний, а высвобождение и т. д.

Любые медиа формируют картину мира реципиентов исходя от своих бенефициаров, которые формируют редакционную повестку и коммуникационный посыл. Такая тенденция прослеживается как в традиционных медиа, так и в электронных медиа. Все медиа принадлежат определенным холдингам, а те в свою очередь – влиятельным личностям, крупным компаниям или государству. Например, один из крупнейших издательских домов России «Аргументы и факты» принадлежит мэрии Москвы. Также столичным властям принадлежит телеканал ТВЦ, входящий в первый мультиплекс телевизионного вещания. Естественно, их дискурс будет

выстроен в коммуникации власти над дискурсом и власти дискурса, подобный тезис обозначил Т. ван Дейк. Например, во вкладке газеты «Аргументы и факты. Москва», мы видим несколько текстов, посвященных работы мэрии города, все статьи, как правило, не содержат критических высказываний, исключительно высказывая положительные коннотации (Прим. 5).

Согласно Ю. М. Лотману, «принятие того или иного символического языка активно влияет на поведение людей и пути истории» [Лотман, 1992, с. 206]. Действительно, сейчас мы живем во время коренного перелома, когда знаковая культура (семиотический код) несет большой коннотационный и дискурсивный смысл, нежели текст. Для запоминания информации достаточно обратиться к визуальному коду, именно поэтому поколение зуммеров не воспринимает текст и зачастую, не может понять его смысловую составляющую. Визуальная картина мира наиболее точно формирует сознание реципиентов, таким образом обозначая их картину мира.

Весь дискурс современных СМИ построен на культуре противостояния, как мы видим, каждый из современных каналов коммуникации желает навязать свою точку зрения, привлекая в качестве коммуникаторов различных экспертов, создавая мифологический дискурс, который позволяет формировать подобный тип сознания. Также в качестве коммуникационного воздействия предстает поликодовый текст, который реципиент декодирует в виде тревожной музыки, резкой смене кадра, образа коммуникатора и т. д. Возможно, в дальнейшем нас ждут коммуникационные противостояния цифровой среды, которая становится неотъемлемой частью жизни современного человека (смарт часы, умный дом, умные колонки). Это обозначает что цифровая среда будет формировать дискурс и воздействовать на реципиентов при помощи бенефициаров власти дискурса.

Примечания

1. ЧП. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5xvt1VSvp-0&ab_channel
2. ДПС. Дорога. Перекресток. Судьба. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EoB7g0Xr3Cs>
3. АСТ 54. URL: <https://vk.com/act54>
4. Самые шокирующие гипотезы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uISDARI2kWw&ab_channel
5. Аргументы и факты №10 март 2022. URL: <https://zhurnaly-top.online/gazety/14504-argumenty-i-fakty-10-mart-2022.html>.

Литература

- Бурдые П. (2001). *Практический смысл*. Санкт-Петербург: Алетейя, 562.
- Дилтс Р. (2020). *Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП*. Санкт-Петербург: Питер, 256.
- Кара-Мурза С. Г. (2019). *Манипуляция сознанием*. Москва: Родина, 432.
- Кульчицкая Д. Ю. (2021). *Новые медиа в глобальном мире*. Москва: Аспект пресс, 141.
- Дейк ван Т. (2013). *Дискурс и власть*. Москва: URSS, 344.
- Теория культивации Дж. Гербнера*. – URL: http://samaya00.blogspot.com/2020/04/blog-post_11.html (дата обращения 14.01.2023)
- Эко У. (2006). *Отсутствующая структура*. Санкт-Петербург: symposium, 544.
- Лотман Ю. М. (1992). *Культура и взрыв*. Москва: Гнозис, 206 с.
- Шпаковский В. О. [и др.]. (2019) *Технологии управления общественным мнением: учебное пособие*. Москва: Инфра-Инженерия, 240.

References

- Bourdieu P. (2001). *Prakticheskij smysl. [Practical sense]*. Moscow: Aleteya, 562 p. (In Russ.)
- Dilts R. (2020). *Fokusy yazyka. Izmenenie ubezhdenij s pomoshch'yu NLP. [Tricks of the language. Changing beliefs with NLP]*. St. Petersburg: Peter, 256 p. (In Russ.)
- Kara-Murza S. G. (2019). *Manipulyaciya soznaniem. [Manipulation of consciousness]*. Moscow: Rodina [Motherland], 432 p. (In Russ.)
- Kulchitskaya D. Y. (2021). *Novye media v global'nom mire. [New media in the global world]*. Moscow: aspect press, 141 p. (In Russ.)
- Dijk van T. (2013). *Diskurs i vlast'. [Discourse and power]*. Moscow: URSS, 344 p. (In Russ.)
- Teoriya kul'tivacii Dzh. Gerbnera. *[The theory of cultivation of J. Gerber]*. – URL: http://samaya00.blogspot.com/2020/04/blog-post_11.html (accessed 14.01.2023). (In Russ.)
- Eco U. (2006). *Otsutstvuyushchaya struktura. [Missing structure]*. St. Petersburg: symposium, 544 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. (1992) *Kul'tura i vzryv. [Culture and explosion]*. Moscow: Gnosis, 206 p. (In Russ.)
- Shpakovsky V. O [et al.]. (2019). *Tekhnologii upravleniya obshchestvennym mneniem: uchebnoe posobie. [Technologies of public opinion management: a textbook]*. Moscow: Infra-Engineering, 240 p.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 15.01.2024
Принята к публикации 15.02. 2024

Об авторе

Сергей Иванович Мокшин – кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет НГТУ (НЭТИ); ORCID: 0000-0002-8242-2439; mokshinsergey777@gmail.com

Mokshin S. I.

THE DISCOURSE OF CONFRONTATION IN POLYCODE TEXTS OF MODERN MEDIA

Abstract. The article presents the methods of communicative influence on recipients. A number of issues are considered, in which the methods of communication impact on recipients through media platforms are indicated. Polycode text in media platforms of different formats appears in the form of sensationalism, which is accompanied by a corresponding sound row and a picture. The aim of the work is to consider the communicative impact in the discourse of sensationalism of some media. Traditional and new medas enclose recipients in a communication framework (frames), thanks to which a picture of the world is formed, reflected in the media. Both traditional and new media served as materials for the consideration of the issue presented in the article. Of particular note is the polycode text presented in visual media, since such areas suggest a variety of ways to influence recipients with the help of music, frame changes, and the personality of the communicator. The methodological basis is the idea of the phenomenon of sensationalism discourse, which combines the semiotic aspect of the study of discourse. One of the important components in this kind of honey is the suggestive component, represented in the form of communication codes of a polycode text. The polycode text allows you to influence recipients and thus form their picture of the world. The discourse of modern media platforms is built on a culture of confrontation with each other, since new media touch on topics and often respond to them in a communicative way. New media appear in the form of a huge number of opinions due to the possibility of platforms in the utterance of each participant of communication, which forms a discourse of sensationalism.

Keywords: discourse, media, communication, polycode text, iconic level, iconographic level, recipients

For citation: Mokshin S. I. (2024). The discourse of sensationalism. Methods of communicative influence. *Memoirs of NovSU*, 1(52), 44-50. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).44-50

Зубаркина Е. С.

СПЕЦИФИКА И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО РАДИОДИСКУРСА: АУДИТОРИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ ПРОГРАММ

Аннотация. Детское радиовещание претерпело значительные изменения с началом эпохи цифровизации. С одной стороны, новые технологии позволили его сделать более доступным, интерактивным, интересным для аудитории. С другой, в процессе медиапотребления несовершеннолетних радио уступает интернет-медиа, видеохостингам. Чтобы разрешить противоречия, определить роль радио, потенциал в формировании личности, исследователь обращается к широкой эмпирической базе, анализ которой позволяет сделать вывод, что владельцы фм-частот не стремятся исключать детей из широкого спектра целевой аудитории и используют разные механизмы вовлечения этой категории слушателей в процесс радиокommunikации. В статье автор предпринимает попытку отразить функционал радиотекстов сетевых станций как нишевых, так и общего профиля, определить их типологические признаки, выявить особенности детского радиодискурса, сформулировать актуальные проблемы и вызовы, которые сегодня стоят перед радиовещанием.

Ключевые слова: радио, радиодискурс, детское радио, фм-вещание, типология радиoproграмм, функция радиоконтента, аудиокультура

Для цитирования: Зубаркина Е. С. Специфика и функции современного детского радиодискурса: аудитория, типология, функции программ // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 51-60. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).51-60

На современном этапе цифровизации способы создания радиоконтента, его распространения и потребления значительно отличаются от тех, что использовались в советский период вещания и первые постсоветские десятилетия.

Радио стало более доступным: слушать программы сегодня можно не только с помощью радиоприемника, но и через смартфон; у пользователей появилась возможность обращаться к пропущенным фрагментам эфира, так как большинство из них публикуются в архивах или размещаются в виде подкастов на стриминговых сервисах (Яндекс.Музыка, ВКонтакте); значительная доля станций осуществляет и видеотрансляцию. Эти преобразования релевантны как для взрослого радиодискурса, так и для детского.

Еще одна новация уже в сегменте детского радиовещания – мэппинг, то есть технология объемной проекции виртуального изображения, накладываемой на реальный объект. Впервые в истории отечественного радиовещания она была применена 1 февраля 2023 г. Детским радио (*Прим. 1*).

Тренд современного вещания – популяризация контента на детскую тему, который чаще всего реализуются при поддержке грантодателей или государственных организаций, крупных спонсоров. Так, например, партнером программы «Мама знает все» на Авторадио выступает Газпромбанк, а проект «Наше время или Взрослым вход воспрещен» на Комсомольской правде реализуется при поддержке Минпросвещения РФ.

Детский радиодискурс складывается из программ непосредственно для *детей*, программ для *семейного прослушивания* и *передач для взрослых о детях*.

В научной среде к феномену детского радиодискурса обращаются авторы

междисциплинарных исследований: в области психологии, педагогики, культурологии, журналистики. Так, М. И. Цуканова [Цуканова, 2021] и Г. В. Хораськина [Хораськина, 2021] рассматривают региональный аспект детского вещания, Е. А. Кострюкова изучает своеобразие литературно-драматического аудиоконтента [Кострюкова, 2020], А. К. Евдокимова исследует исторические особенности советского радиовещания для детей [Евдокимова, 2021] и т.д.

Наиболее заметный вклад в изучение темы детского радиовещания, в частности его интернет-аналога, был сделан в 2015 г. исследователем О. Пинчук в работе «Специфика детского интернет-радио как СМИ с точки зрения его аудитории, структурно-содержательных компонентов, типологических характеристик». В ней автор утверждала – «детское интернет-радио является конкурентоспособным и перспективным направлением деятельности на рынке СМИ, а также эффективным средством культурного, морально-нравственного и социального воспитания подрастающего поколения». При этом она отмечала, что «детское радиовещание практически не выполняет образовательной, культуроформирующей функций. Основной контент составляет различного рода развлекательная информация: музыкальные произведения, ток-шоу без глубокой проработки темы эфира, передачи рекламного характера. Изменение этой ситуации возможно при условии государственного и общественного контроля, а также материальной поддержки, например, в формате грантов на действительно качественные и познавательные передачи».

Безусловно, за прошедший период времени трансформировались не только форматы детского вещания, в том числе в фм-диапазоне, но и его содержательная часть. На данном этапе не предпринимаются исследования типологических признаков современного вещания, обращенного к детям, его функций, своеобразие, аудиторных характеристик (для более точных выводов мы ограничили выборку эмпирического материала периодом с 2020г. по 2024 г.).

Кардинальное перераспределение детской аудитории радио произошло в 2007 г., когда в фм-диапазоне появилась станция «Детское радио». Потрет ее слушателей – дошкольники и школьники от 3 до 12 лет, а также взрослые (в основном – женщины 20+, у которых есть дети). Запуск станции стал причиной оттока с других частот аудитории детей/подростков и родителей (приобщившихся к совместному слушанию в автомобиле/дома).

Однако в целом сегодня наблюдается дефицит статистических данных об охвате детской аудитории радиостанций, что препятствует составлению реальной картины детского медиапотребления в сегменте радио. Это связано с техническими и организационными сложностями осуществления подобных замеров. Так, в медиаките Детского радио за 2019 год указано, что «в исследованиях MediaScore-Россия измеряется только аудитория в возрасте 12 лет и старше. Если предположить, что на каждого респондента приходится один ребенок, а 67% слушателей Детского радио имеют детей, потенциальная совокупная аудитория радиостанции – более 3 млн человек ежедневно» (Прим. 2).

В исследовании М. Давлетшиной приведены результаты самостоятельного анкетирования детей – учащихся третьих классов московских школ, в которых

указывается, что они все-таки обращаются к радиоконтенту станций широкого тематического профиля. Автор пишет: «Обращаясь к радио, 36% опрошенных отметили, что они целенаправленно ищут определенную радиостанцию. Фаворитом у детей, безусловно, является «Детское радио» <...> Более 18% респондентов отметили, что они просто переключают радиостанции до тех пор, пока не найдут интересные программы или любимые песни. 12% детей слушают ту радиостанцию, которая сразу же попалась». [Давлетшина, 2021].

Тем не менее, среди производителей отечественного радиоконтента для детей есть общее понимание, для чего нужно мотивировать данную аудиторию получать информацию с помощью аудио. Приведем аргументы экспертов в области детства, которые стали основой для создания Детского радио и «Концепции» радиостанции: *«Радио – это уникальный инструмент для развития детей <...> Радио учит слушать. Слушать и слышать других людей – очень быстро теряемый в современной жизни навык. Радио развивает фантазию, умение мечтать. Радио анонимно, ребенок может не беспокоиться за свой «глупый» вопрос. Радио может объединить всевозможные программы по развитию и воспитанию детей. Для них оно может стать настоящим другом, а для родителей – хорошим помощником. Культурный, нравственный, образовательный, гуманитарный, творческий потенциал человека, его социальная ответственность напрямую зависят от того, что он получит от общества тогда, когда он готов учиться» (Прим.3).*

Данная Концепция стала результатом совместной работы педагогов, педиатров, физиологов, психологов, журналистов. Изложенные в ней тезисы, в том числе политического характера, сохраняют свою актуальность и сегодня: *«За последние 15 лет – очень непростого периода в развитии нашей страны – тема воспитания и развития детской личности не просто отошла на второй план. Сегодня, после драматических трансформаций в обществе, мы остро осознаем ответственность за будущее страны. Детская тема стала занимать большое место в политике государства. Мы, взрослые, поняли свою ответственность» [Прим.3].*

Как мы уже упоминали ранее, Детское радио – не единственная станция, выпускающая программы для несовершеннолетних. Для того, чтобы наиболее точно определить функционал такого рода контента, назовем и другие аудиальные СМИ, чьи проекты вошли в эмпирическую базу нашего исследования: Радио России, Маяк, Радио Вера, Комсомольская правда, Радио КНИГА. У всех перечисленных станций, выделяющих сегмент в своих сетках специально для детского вещания, есть общие черты – принадлежность к разговорному и разговорно-музыкальному типам вещания.

В большей части упомянутых программ коммуникаторами выступают взрослые. Исключения составляют игровые шоу и новости Детского радио, проект Радио Вера «Вопросы Веры и Фомы» (в роли ведущих – дети), а также разговорная программа на КП «Наше время или Взрослым вход воспрещен» – ее ведут подростки от 12 до 17 лет.

Наиболее распространённые **форматы** детского эфира – разговорное интерактивное шоу, интервью, познавательные циклы в формате радиосериалов, литературные чтения. Типологизировать детские радиотексты можно по **способу трансляции** – одни выходят в прямом эфире («Музыкальный привет» на Детском

радио), другие – в записи («Вопросы Веры и Фомы» на Радио Вера); по **возрастному критерию** – дети дошкольного возраста, начальной школы и подростки 12–14 лет – принципиально разные целевые группы. Соответственно, возрастные особенности аудитории диктуют правила создания и оформления не только непосредственно программ, но и рекламных проектов. Показательно с этой точки зрения эфирное полотно Детского радио, которое разделено на сегменты по времени. «Радиостанция учитывает возрастные особенности и распорядок дня слушателей: утренний блок адресован дошкольникам, дневные программы – детям старше семи лет, в ночное время – музыка для сна» (Прим.4).

Отечественное детское вещание выполняет целый комплекс функций, одна из которых – **образовательная**. Современные продукты аудиокультуры позволяют с помощью новейших мультимедийных технологий, творческих режиссерских решений повысить интерес ребенка к процессу получения знаний.

Эта задача решается с помощью нескольких инструментов:

– *игровых форматов радио*. В жанре игровых циклов-сериалов созданы многие продукты Детского радио, например, «Тайны старой карты» – о путешественниках, «Как Морковкин в историю влип» – цикл об исторических персонах, предлагающий ребенку перенестись в прошлое и через постановочные сюжеты изучить эпоху Жюль Верна, Николы Тесла и т.д. Обратим внимание, что в этих фантазийных сценариях образовательный элемент раскрывается с помощью стилизации речи разных эпох, объяснения значения научных открытий и вклада в культуру и т.д. Упомянутая нами технология мэппинга и ее внедрение в трансляцию из студии также направлена на доступное восприятие познавательного контента.

– *упрощение речевых конструкций*. Один из актуальных трендов современной аудиокультуры – стремление сценаристов и редакторов адаптировать сложные научные понятия и явления, дать им объяснение с помощью упрощенных языковых конструкций. По такому принципу создан цикл «Ужасно интересно» на Детском радио, в котором авторы формируют подборку из трех фактов о флоре и фауне. Текст состоит из коротких предложений, простых стилистических оборотов, не требует специальной подготовки для понимания.

– *интерактивности аудиопроектов*. В условиях интерактива слушатель выступает не только частью пассивной целевой аудитории, но и реципиентом, то есть активным участником информационного процесса. Это достигается с помощью различных способов обратной связи – от звонков в прямой эфир до зачитывания сообщений от детей, присылаемых через мессенджеры. На основе интерактива построена концепция проекта «ХВЗ» на радио «Маяк» – утреннее шоу выходного дня с образовательным уклоном, в котором, например, может повествоваться о мифах Древнего Востока, тайнах романа «Война и мир», обсуждаться решение олимпиадных задач по физике.

Важнейшая функция радиовещания для детей – **социальной адаптации**. Медиапотребление детей и подростков на современном этапе представляет собой непрерывный процесс, в который включены более 80% несовершеннолетних. При этом большая часть аудитории, которая использует интернет-ресурсы для досуга или вспомогательных образовательных практик, не вовлечена в вербальное общение в среде ровесников и взрослых. Звонки в прямой эфир в рамках интеллектуальных шоу и

развлекательных музыкальных передач позволяют детям проявить социальную активность и восполнить дефицит реальной коммуникации, справиться с психоэмоциональными трудностями. Подчеркнем, что позитивным обстоятельством является именно стихийность такой коммуникации: звонящий в студию ребенок говорит не по заготовленному сценарию получает неожиданные вопросы ведущих, он учится формулировать ответы и вести свободный диалог в публичном пространстве. Такие условия создаются авторами проектов «Утреннее шоу Веснушки и Кипятоши», «Ярмарка талантов» (Детское радио) и т. д. Безусловно, успешность социализации зависит от риторики ведущих и «атмосферы» в студии. Редакцией Детского радио создаются и поддерживаются образы ведущих-друзей, компаньонов, наставников, которые могут объединить слушателей в сообщество. Например, в основу эфирного промо субботнего интерактива заложен диалог, в котором ведущий позиционируется как некий близкий и понимающий человек для всех детей сразу: *«Слушайте эфир с Дядей Сашей! А он чей дядя - твой? Общий!»*. Кроме того, в истории эфирных проектов Детского радио есть примеры, свидетельствующие об эффективной реализации задачи по социализации ребенка. Так, в рамках дневного интерактивного шоу «Развиваемся вместе» в студию неоднократно приглашали детей с ОВЗ, которые не посещают образовательные учреждения, а прослушивание радио и физическое участие в эфире – для них наиболее интересные виды досуга и формы общения.

Культуроформирующая функция. Сам по себе процесс потребления радиоконтента направлен на формирование комплекса навыков, которые относятся к разным сферам культуры. Первостепенно речь идет о вырабатываемых реакциях слушателя-ребенка или подростка на получаемое звуковое сообщение: концентрация внимания на смысле аудиосообщения, распознавание культурно-значимых звуковых символов, применяемых для создания медиатекста, этика общения с собеседником, которого только слышишь, но не видишь (если видеотрансляция не предусмотрена). Все это и образует такое понятие, как культура аудиокommunikации. Массив радиотекстов, участвующих в формировании культурного бэкграунда детей и подростков, сегодня объемен и многообразен. Это может быть программа, посвященная молодым музыкантам в проекте для детей «Радио России» «Концертино» (пр. ведущая И. Ушанова беседует с пианистом И. Папоном и его преподавателем А.М. Сандлером; с 17-летним скрипачом Т. Колесниковым и его педагогом Т. Тимошенко и т.д.), или беседа ведущих-подростков на радио «КП» «Наше время или Взрослым вход воспрещен» об уровне культуры молодежи, нравственности, морали: *«культурный человек уважает себя и окружающих; культура – умение быть благодарным, это идеальный человек, которого не существует», «культурный человек – это статус»* (Прим.5).

Пропаганда российских культурных ценностей, в том числе литературных традиций, – одна из задач Радио КНИГА. В ее сетке выделено специальное время для детской аудитории в рамках линейки «Сказка-раскраска». В вечернем сегменте транслируются сказки «Зайкина избушка», «Два мороза», «Вершки и корешки», «Жених и невеста» Г.-Х. Андерсена, «Плутиска кот» Ушинского и т.д. *«Программа цветная, если ее послушать – вы поймете, что все вокруг будет замечательное, цветное и доброе»* (Прим.6), – характеризует цикл главный редактор радиостанции Егор Серов. Подчеркнем, что в целом контент Радио КНИГА рассчитан на аудиторию 12+. Именно по этой причине

журналистами не допускается «оголтелого натурализма и неприкрытой эротики». (Прим.7) Контент создается и отбирается согласно критериям, которые отражены в корпоративном документе «Ценности бренда Радио КНИГА», включая «грамотную речь, следование культурным традициям» (Прим.7) и пр.

Мотивирующая функция. Среди выходящих в настоящее время радиопрограмм есть те, которые не только задают духовно-нравственные ориентиры для слушателей и способствуют получению знаний, но и побуждают к творческой деятельности и самовыражению в каком-либо из ее видов. При этом реакция аудитории может быть как открытой – когда, например, ребенок слышит, как другой слушатель читает стихотворение в эфире и решает повторить за ним и позвонить в студию, так и закрытой – когда он воспринимает информацию и приобщается к творчеству, не извещая об этом коммуникатора (начинает рисовать после тематического эфира о живописи, читать книгу, рекомендуемую ведущим, и т.д.).

Основным мотивирующим механизмом служат реплики радиоведущих и их собеседников. Чаще всего импульс, заставляющий сделать что-либо полезное для себя или общества, возникает после похвалы и одобрения, то есть положительно-оценочных речевых актов. Например, этим приемом часто пользуется ведущая «Концертино». Она обращается к собеседнику – юному пианисту: *«Ты получил президентский грант, и ты являешься действующим членом молодежной секции лауреатов международного конкурса им. Чайковского. Это очень интересно», «Ты получил специальный приз на конкурсе Листа! Здорово!»* (Прим. 8). В выпусках участвуют дети из разных российских регионов. С помощью радиотекстов создается ощущение доступности и открытости музыкального профессионального сообщества, его заинтересованности в молодых талантах, несмотря на регион их проживания. Речевые конструкции ведущего и гостей формируют позитивный имидж разных региональных музыкальных учреждений и самих городов.

Ушанова: *«Расскажи нам о своем городе Челябинске?»*

Гость: *Он не только промышленный город, но и культурный центр, в наш город часто приезжают музыкальные коллективы, в нем много концертных залов* (Прим. 9).

Мотивирующий элемент может быть реализован и через интерактив с материальным вознаграждением, когда слушатели, отвечая на вопросы ведущих или отгадывая загадки, выигрывают призы. Так решается основная задача – рекламная, то есть аудитория приобщается к тем или иным мероприятиям радиостанции или ее партнеров. Однако, разыгрывая призы в интеллектуальных шоу, радиоменеджеры мотивируют детей и подростков не только принимать информацию, но и вести ее целенаправленный поиск.

Некоторые радиотексты реализуют функцию **приобщения детей и родителей к совместной деятельности**. Так, из «Концепции Детского радио» следует, что «совместная деятельность и общение развивают, обучают и воспитывают ребенка. Понимание этих закономерностей лежит в основе планирования программ» [Прим.3]. Под совместной деятельностью здесь стоит понимать и сам факт прослушивания эфира взрослыми и детьми – когда родитель включает приемник, помогает ребенку набрать номер телефона студии, подсказывает правильный ответ; и когда происходит приобщение родителей к коммуникации ребенка и коммуникатора – зачастую взрослые пишут письма от имени детей, не владеющих соответствующими навыками в силу возраста или из-за

проблем со здоровьем. Функцию организации совместной деятельности радиостанции выполняют также с помощью коммерческих проектов (концерты и выездные мероприятия) и поощрения родителей и детей подарочной продукцией от партнеров (например, в выпуске о зимних видах спорта Утреннего шоу с Веснушкой и Кипятошей от 07.02.2023 г.).

Развлекательная функция. Такие радиопроекты предназначены для психологической разрядки детей и подростков. Чаще всего прослушивание рекреативных программ аудитория совмещает с другими видами деятельности, при этом радио становится источником положительных эмоций, поддерживающим позитивный настрой в основном с помощью музыкальных композиций. Наибольшее число развлекательных проектов сегодня выходит в эфире Детского радио, а именно «Час без правил», «Музыкальный привет с Але-Аленой» и др.

Функция пропаганды и рекламы. Детское сообщество сегодня выступает в качестве прямой аудитории для формирования позитивного отношения к деятельности институтов власти, государственным проектам. Лояльность к ним формируется за счет позитивно окрашенных речевых актов ведущих: «На встрече с президентом были учителя, которые участвуют в проекте **«Классная тема»** (Прим.10); **«мы «Разговорами о важном» сильно сблизим общество»** (Прим.10).

Реклама товаров и услуг в рамках детского эфира может быть как интегрирована в контекст, так и размещаться в виде рекламных роликов в соответствующих блоках: «Хочу вам рассказать уроки о финансовой грамотности **от Банка России** (Прим. 11); «В моей мастерской висит на стене волшебная карта, проходя через нее, я и Витя со Светой – ученики **Академии парусного спорта, построенной для питерских ребят Газпромом** – решили посмотреть, как отправляется к Северному полюсу первая русская экспедиция Седова» (Прим. 12); «Помнишь, папа предлагал тебе работу – помочь покрасить забор? И деньги пообещал перевести на твою карту **Сберкидз**. – Пап. Давай скорее на дачу. Давай забор красить» (Прим. 13).

Безусловно, реализация рекламной функции иногда сопряжена с негативным восприятием такого контента взрослыми. Например, родители слушателей Детского радио на интернет-форумах высказываются о засилье рекламы в эфире: «Хорошие передачи и классная детская музыка. Но напрягает сильная привязка к Газпрому», «Очень любим это радио, но реклама кредитов и ипотеки на детской радиостанции под видом обучения финансовой грамотности через сказочки... Это что такое? Родители, будьте внимательны к тому, что слушают ваши дети» (Прим. 14) (орфография и пунктуация сохранены).

В начале 21-го века исследователь В. В. Умановский в научном труде «Детские радиопередачи как фактор социального воспитания школьников» утверждал, что влияние детских передач, рассматриваемых в качестве фактора социального воспитания школьников, на учащихся будет эффективным, если обеспечивается «педагогизация» детского радиовещания; осуществляется активизация слушателей в процессе радиовещания; происходит целенаправленное расширение социального опыта учащихся в ходе прослушивания детских передач. Анализ преобразований в современном детском эфире позволяет констатировать, что возможности влияния детских программ на формирование личности стали шире. Практически каждый

проект, реализуемый в фм-диапазоне и обращенный к детям, решает просветительские, воспитательные, педагогические задачи (в том числе некоторые такие проекты создаются за счет грантов, о чем мы говорили выше).

В то же время неохотное обращение к продуктам аудиокультуры в среде детей и подростков сегодня видится нам проблемой, которая могла бы быть решена несколькими путями: в рамках практик семейного воспитания и просвещения; посредством интеграции радиопрограмм и подкастов в школьную учебную деятельность в качестве дополнительного материала для получения информации; при помощи расширения медиаобразовательных программ, следованию которым учащиеся создают собственный аудиоконтент, но для начала изучают опыт профессионалов.

Итак, мы выделили основные функции, которые объединяют проекты, вошедшие в нашу эмпирическую базу. Дальнейшее и комплексное исследование современного детского радиовещания позволит расширить представленные выводы, дать более четкие характеристики медиапотребления в сфере радио несовершеннолетними участниками коммуникативного процесса, усовершенствовать отечественный радиоэфир (в том числе с применением технических новаций) и сделать его более привлекательным и полезным для формирования личности ребенка и подростка.

Примечания

1. Виртуальные персонажи Детского радио «оживают» в реальном времени [Электронный ресурс] // Сайт Детского радио. URL: <https://www.gazprom-media.com/ru/media/virtualnye-personazhi-detskogo-radio-ozhivayut-v-realnom-vremeni> (от 24.12.2023)
2. Медиакиит Детского радио за 2019 г. [Электронный ресурс]// URL: <https://radio.informexpress.ru/images/%D0%94%D0%95%D0%A2%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95/%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE%202019.pdf> (дата обращения: 20.01.2024)
3. Концепция Детского радио. Национальная сеть детского вещания. Газпром-медиа, 2007 г.
4. Официальный сайт станции «Детское радио». [Электронный ресурс]// URL: <https://detifm.ru/radio> (дата обращения: 20.01.2024)
5. Культурный человек – кто он? Выпуск программы КП «Наше время или взрослым вход воспрещен». [Электронный ресурс]// URL: <https://music.yandex.ru/album/12567671/track/74183682?activeTab=track-list&dir=desc//> (дата обращения: 11.06.2023)
6. Егор Серов: То, что идет от сердца – остается. Книжная индустрия. [Электронный ресурс]// URL: <https://www.bookind.ru/categories/plan/5110/> (дата обращения: 11.11.2023)
7. Радио КНИГА. Ценности бренда. ООО «Дом музыки», 2016 г.
8. Ты пианист – играешь струнами души. Выпуск программы «Концертино» на Радио России. [Электронный ресурс] // URL: <https://smotrim.ru/audio/2606833> (дата обращения: 11.11.2023)
9. Сквозь столетия звук ее чудесный// Выпуск программы «Концертино» на Радио России. [Электронный ресурс]// URL: <https://smotrim.ru/audio/2597425> (дата обращения: 11.11.2023)
10. Как знание Конституции поможет в реальной жизни. Выпуск программы КП «Наше время или взрослым вход воспрещен». [Электронный ресурс] // URL: <https://radiokp.ru/podcast/nashe-vremya-ili-vzroslym-vkhod-vospreschen/665803> (дата обращения: 11.11.2023)
11. Финансовая грамотность: как научить детей правильно обращаться с деньгами. Выпуск программы КП «Наше время или взрослым вход воспрещен» [Электронный ресурс]//URL: <https://radiokp.ru/podcast/nashe-vremya-ili-vzroslym-vkhod-vospreschen/504797> (дата обращения: 12.01.2024)

12. Земля Франца-Иосифа. Вторая часть. Два капитана. Выпуск программы «Тайна старой карты» на Детском радио. [Электронный ресурс] // URL: https://detifm.ru/fairy_tales/id/1342 (дата обращения: 11.11.2023)
13. Петя и СберКот. Цикл Детского радио. [Электронный ресурс] // URL: https://detifm.ru/fairy_tales/id/1410 (дата обращения: 11.01.2024)
14. Детское радио. Яндекс карты. Отзывы. [Электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/maps/org/detskoye_radio/73469576919/reviews/?ll=37.625056%2C55.700329&z=16 (дата обращения: 11.01.2024)

Литература

- Давлетшина М. И. (2021). Мотивы обращения и особенности медиапотребления детей младшего школьного возраста. [Электронный ресурс]. *Медиаскоп*, 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2736> (дата обращения: 20.01.2024)
- Евдокимова А. К. (2021). «Клуб знаменитых капитанов»: путешествия по советским радиоволнам. *Labyrinth: теории и практики культуры*, 2, 21—40.
- Кострюкова Е. А. (2020). Жанровая специфика литературно-драматического аудиоконтента. *Вестник НГУ. Серия: История, филология, журналистика*, Т. 19, 6, 141—158.
- Хораскина Г.В. Васильева Л. А. Студенцов О. Р. (2021). Детско-юношеские радиопередачи на национальной телерадиокомпании Чувашии в системе воспитания школьников. [Электронный ресурс]. *Вестник ЧГПУ Им. И. Я. Яковлева*, 3 (112), 201-208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsko-yunosheskie-radioperedachi-natsionalnoy-teleradiokompanii-chuvashii-v-sisteme-vozpitaniya-shkolnikov/viewer> (дата обращения: 10.01.2024)
- Цуканова М. И. (2021). Воронежское радио для детей: развитие детского радиовещания в середине XX столетия. *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, 4, 164-166

References

- Davletshina M. I. (2021). Motivy obrashcheniya i osobennosti mediapotrebleniya detej mladshego shkol'nogo vozrasta [Motivation factors and special aspects of media consumption of primary school children]. *Mediascope*, 2021, Vyp. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2736> (accessed: 20.01.2024)
- Evdokimova A. K. (2021). «Klub znamenityh kapitanov»: puteshestviya po sovetskim radiovolnam [“The club of famous captains”: travelling on the Soviet radio waves]. *Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury*, 2, 21—40.
- Kostryukova E. A. (2020). Zhanrovaya specifika literaturno-dramaticheskogo audiokontenta [Genre specification of literary-dramatic audio content]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya, zhurnalistika*, T. 19, 6, 141—158
- Pinchuk O.V. (2015). Transformatsiya zhanrov detskih radioperedach: ot sovetskogo veshchaniya k sovremennomu internet-radio [Transformation genre of children's broadcast: from the USSR broadcasting to modern Internet radio]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, Iskusstvovedenie*. Vyp. 94. 5 (360), 262—267. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhanrov-detskih-radioperedach-ot-sovetskogo-veschaniya-k-sovremennomu-internet-radio/viewer> (accessed: 25.01.2024)]
- Horas'kina G.V. Vasil'eva L. A. Studencov O. R. (2021). Detsko-yunosheskie radioperedachi na natsional'noj teleradiokompanii CHuvashii v sisteme vozpitaniya shkol'nikov. [Radio programs on the national TV and radio company of Chuvashia for children and teenagers in the system of schoolchildren upbringing]. *Vestnik CHGPU Im. I.YA. YAKovleva*, 3(112), 201-208. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsko-yunosheskie-radioperedachi-natsionalnoy-teleradiokompanii-chuvashii-v-sisteme-vozpitaniya-shkolnikov/viewer> (accessed: 10.01.2024)
- Cukanova M. I. (2021). Voronezhskoe radio dlya detej: razvitie detskogo radioveshchaniya v seredine XX stoletiya [Voronezh Radio for children: the development of children's radio broadcasting in the middle of the twentieth century]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 4, 164-166

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 12.01.2024.
Принята к публикации 15.02.2024.

Об авторе

Елена Станиславовна Зубаркина – кандидат филологических наук, доцент, Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского Педагогического государственного университета; ORCID 0009 0005 5678 1787; es.zubarkina@mpgu.su

Zubarkina E. S.

SPECIFICS OF MODERN CHILDREN'S RADIO DISCOURSE: AUDIENCE, TYPOLOGY, PROGRAM FUNCTIONS

Abstract. Children's radio broadcasting has undergone significant changes since the beginning of the digitalization era. On one hand, new technologies have made it more accessible, interactive, and interesting for the audience. On the other hand, in the process of media consumption by minors, radio is inferior to Internet media, video hosting, etc. To resolve contradictions and determine the role of radio and its potential in personality formation, the researcher turns to a broad empirical base, the analysis of which allows us to conclude that the owners of FM frequencies do not seek to exclude children from the broad portrait of the target audience and use different mechanisms for involving this category of listeners in the radio communication process. In the article, the author makes an attempt to reflect the functionality of radio texts of network stations, both niche and general, to determine their typological features, to identify the features of children's radio discourse and to formulate relevant problems and challenges that radio broadcasting faces today.

Keywords: radio, radio discourse, children's radio, FM broadcasting, audio culture, typology, program functions

For citation: Zubarkina E. S. Specifics of modern children's radio discourse: audience, typology, program functions. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 51-60. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).51-60

Терешкина Д. Б., Семенова А. Л.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОТ ФАКТА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В статье предлагается взгляд на работу в архивах современного исследователя с точки зрения выбора темы для изучения, доступности архивных источников и их цифровых копий, способов работы с ними, поиска актуальных тем для представления исследований в публикациях, в том числе общедоступных изданиях с целью популяризации документального наследия России. Обосновывается актуальность обращения исследователей-филологов к архивным документам для воссоздания историко-литературного и общественно-медийного процессов, восстановления индивидуальных историй значимых в культуре персон на основе эго-документов и опубликованных материалов, а также для экспертной оценки источников, подготавливаемых для внесения их в реестр особо ценных в составе фондов отдельных архивов (таких, как Государственный архив Новгородской области).

Ключевые слова: архив, документ, источник, интерпретация, литературоведение, повседневность, эго-документ.

Для цитирования: Терешкина Д.Б., Семенова А.Л. Архивные источники в литературоведческих исследованиях: от факта к интерпретации // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 61-69. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).61-69

Работа в архивах составляет важную часть любого исследования, обращенного к историческому прошлому – более или менее дальнему [Тункина, 2019]. Филологи, занимающиеся историей словесности, – одна из самых представительных групп исследователей-посетителей архивных хранилищ. Многочисленные запросы документов, в том числе дореволюционных [Скреля, Клименко, 2019], касающихся персоналий (книжников, писателей, журналистов и т.д., а также их окружения), исторической обстановки, политических процессов, а также документов, самих по себе представляющих памятник письменности, – таков спектр интересующих филолога архивных источников [Терешкина, 2016].

Как правило, исследователя интересуют документы, касающиеся непосредственно темы его научной работы. Однако чаще всего попутно обнаруживаются иные источники, которые могут стать затем отдельной (или связанной с основной) темой исследования. Таким образом увидело свет большое число архивных источников, которые могли еще лежать под спудом много лет. Большое значение имеет в исследовательской практике бескорыстная дружеская помощь коллег: этика научной жизни предполагает осведомленность ученых в том, чем занимаются его соратники по цеху, и, если им попадаются архивные источники со сведениями по их теме, сообщают об этом или даже предоставляют копии документов или их фрагментов. Научные статьи полны благодарностей коллегам за сообщенные сведения. Таким образом формируется поле источников, которые, будучи опубликованными, вписываются в общую картину изучаемой эпохи, всё более детализируя и расширяя её.

Кроме того, филологи становятся экспертами в деле отнесения того или иного документа в составе какого-либо архива к разряду особо ценных.

В работе исследователя (особенно проживающего вне столиц с наибольшей концентрацией архивных собраний) часто возникает вопрос о том, как и какие

архивные источники привлекать к изучению. Немаловажным оказывается и стремление соблюсти в своей научной деятельности так называемый региональный компонент и изучать то, что находится в регионе, где проходит основная трудовая деятельность исследователя. Однако здесь возникает проблема выбора между наиболее востребованными (или наиболее актуальными, важными) источниками (которыми редко могут похвастаться провинциальные архивы) и теми, чем в реальности располагают региональные фондохранилища. Например, в случае с Великим Новгородом эта проблема встаёт чрезвычайно остро: с одной стороны, самые значительные документы (особенно средневекового периода) были в свое время (многое – еще до революции) перемещены в Санкт-Петербург и Москву, а то, что хранилось в новгородских архивах, значительной своей частью погибло во время Великой Отечественной войны. [Государственный архив Новгородской области, 2013, с. 7] (Новгород был разрушен фактически до основания). Региональные исследователи чаще идут по пути изучения того, что есть в местных архивах. Если же исследователь из региона начинает путь от заявленной научной темы, то он встает перед большой проблемой поиска необходимых источников в различных архивных, музейных, библиотечных фондах. В этом случае важную роль играют цифровые ресурсы: электронные каталоги, и тем более цифровые архивные базы [Дегтярева, 2022, Панова 2020], которые пока не могут быть оценены как полные и удобные в использовании [Боброва, 2018].

Непосредственная работа с архивными документами сопряжена, как известно, со многими трудностями. Это вопросы атрибуции документа, адекватного его прочтения и, наконец, толкования. Нередко памятники находятся на реставрации или в плохом состоянии, что исключает возможность работы с ними. Утраты текста или его угасание, связанные с разрушением материала от времени, особенности почерков (прежде всего с появлением скорописи) – всё это составляет сложность работы с источниками.

Работа с цифровыми копиями архивных документов имеет свою специфику [Колченко, Брюханова, 2019, Панова, 2021], в том числе в области правовых отношений исследователя и архиводержателя [Куняев, Романова, 2019]. Процесс оцифровки архивных фондов сопряжен со множеством проблем (от отсутствия единой программы оцифровки аналоговых документов в России (что затрудняет создание единой базы цифровых копий документов по российским архивам) до нехватки финансирования на полномасштабную работу по созданию цифровых копий документов) [Дегтярева, 2022, с. 133 – 134]. На сегодняшний момент в каждом из российских архивов оцифрованными оказываются всего около 5 % всех документов [Дегтярева, 2022, с. 132; данные на май 2022 г. – Д.Т., А.С.]. Как правило, по договору с организацией – держателем фонда – исследователю предоставляется цифровая копия документа очень высокого качества, и работа с текстом в этом случае даже превосходит по производительности работу с непосредственно самим документом: текст может быть многократно увеличен или уменьшен (иногда для адекватного прочтения «темного» фрагмента текста необходим охват документа в целом или больших его частей). Кроме того, конечно, работа в комфортных для исследователя условиях (не зависящих от времени работы читальных залов архивов) позволяет оперировать большими текстами и публиковать в полном объеме многое из того, что ранее существовало лишь

в обзорах или публикации фрагментов. В последнее время поднимается вопрос о необходимости архивирования в цифровом виде корпуса текстов для фиксации состояния мировых языков, что особенно актуально для языков исчезающих [Абдулхамидова, 2019]. Остро стоит вопрос о создании хорошо работающей интернет-базы научных публикаций [Бродовский, Зайцева, Заславский, Маршак, 2018, Полилова, 2020]. Еще более сложным оказывается процесс архивирования (в том числе цифрового) фольклорных источников [Черных, 2022]. Стоит отметить, что, несомненно, при работе с цифровой копией документа последний совершенно необходимо исследовать *de visu*, т.к. без этого исследование не может считаться не только полным, но и вполне научным (в древнерусских рукописях и памятниках раннего Нового времени необходимо установление датировки и типа бумаги по филиграммам, особенностей, даты и места изготовления переплетов и т.д.). Исключение составляют те письменные памятники, которые не доступны в принципе, и тогда работа с копиями остается единственной формой работы с ними.

После установления факта как такового (прочтения текста, идентификации околотекстовых элементов и палеографических данных и т.д.) начинается интерпретация источника.

Существует несколько проблем в деле интерпретации архивных данных.

Как правило, документ – это небольшой фрагмент той истории, которая была в действительности и большая часть которой осталась не написанной. Существует своего рода парадокс: чем более приближен документ к действительности, тем более он фрагментарен. Это объясняется просто: вид законченности, некоего нарратива приобретают осмысления факта, т.е. его художественной или историко-документальной обработки. В этом смысле архивный документ – всегда «сырой продукт», т.е. отражение факта как такового, без объяснений и причинно-следственных связей. Восстановление полной истории, связанной с документом, – задача исследователя. Степень достоверности подобных построений, кроме имеющегося круга источников и профессионализма ученого, зависит от характера архивного источника.

Так, в нашей работе было несколько видов письменных памятников: дореволюционные записные книжки и помянники из собрания Новгородского государственного музея, принадлежавшие разным лицам [Терешкина 2016], личные дела слушателей офицерских курсов в период Первой мировой войны и их экзаменационные работы, Дневник наблюдений за жизнью и поведением учеников Новгородской духовной семинарии (январь 1916 г. – февраль 1918 г.) (НГМ КП 25988-567, Ф.51. оп.1. ед.хр.25). Если в первом случае мы имеем дело с настолько несистемными и фрагментарными записями (расходов, списков покупок для хозяйства, описаний собранного урожая, вещей, необходимых в дорогу и т.д. и т.п.), что говорить о владельце записной книжки, роде его занятий, жизненных увлечений, его половой, возрастной принадлежности и т.д. можно лишь в высшей степени приблизительно, то дневник представляет собой последовательное, полное, зачастую сюжетное, нередко с элементами беллетристики, повествование, осуществлявшееся каждый день дежурства того или иного преподавателя семинарии, причем в самое тревожное время истории – непосредственно до, во время и после революции 1917 г.

Архивные документы очень важны при изучении истории региональной журналистики. Многие в деятельности того или иного издания раскрывает редакционный архив или личный фонд авторов, сотрудников издания. Однако, как уже говорилось, новгородские архивы сильно пострадали, и фонды местных газет безвозвратно утрачены. До 1905 года большинство провинциальных изданий находилось под предварительной цензурой, разрешение на издание выдавалось по личному решению министра внутренних дел, для которого готовило документы Главное управление по делам печати, входившее в структуру Министерства внутренних дел. Архив этого ведомства находится в Санкт-Петербурге, в Российском государственном историческом архиве.

Фонд 776 РГИА содержит большое количество дел по всем выходившим в Российской империи изданиям. Ценность этого фонда в том, что в делах того или иного издания тщательно хранится каждый документ, поступивший в ведомство, и все копии документов, отправленных из управления. Процедура была весьма строгой: заявитель подавал развернутое прошение, с обоснованием необходимости задуманного им издания, с определением типа издания и полной программой его, условиями подписки, указанием типографии, где планировалось издавать газету. Он прилагал к этому документы, подтверждающие его личность и содержащие исчерпывающую информацию о нем. Главное управление посылало запрос местному губернатору и в департамент полиции о наличии или отсутствии возражений с их стороны, чтобы позволить просителю издавать газету. Вся полученная информация обобщалась и предоставлялась лично министру внутренних дел.

Благодаря этому фонду удалось восстановить историю не изданных в Новгороде девятнадцатого века газет, когда Главное управление отклоняло прошение об издании либо по причинам недостаточного образования, либо по политическим соображениям.

Большой интерес для исследователя представляют формулярные списки, которые присылают в ведомство вместе с прошением. Эти документы раскрывают различные стороны жизни просителя, потенциального издателя: возраст, образование, имущественное положение, семейное положение и т.д. Чрезвычайно интересно то, как в прошении авторы аргументируют свое желание заниматься издательской деятельностью.

Первый, кто попытался издавать частную газету в Новгороде в 1871 году, был «мещанин города Суздаля», 26 лет, проживавший в Новгороде Н.И. Шухвостов: «Приняв во внимание, что в Новгородской губ<ернии> развитие экономического состояния упрочивается более и более, клонящиеся к улучшению общественной жизни и экономического быта населения возникают во множестве, требуя многостороннего обсуждения, которое успешно может быть выполнено посредством прессы, – я имею намерение приступить к изданию в Новгороде газеты «Ильмень», преимущественное назначение которой будет разработка местных экономических вопросов, с присоединением тех сведений и известий, какие могут иметь общий интерес и составляют принадлежность каждой газеты» (Прим. 1). Разрешение он не получил, так как «по самому званию своему не представляет никаких гарантий в успешном редактировании предполагаемой им к изданию газеты» (Там же. Л. 8.)

История неизданных новгородских газет во всей своей полноте раскрывается благодаря документам из фонда Главного управления по делам печати, и в этом случае история максимально фактологична, оставляет минимум возможностей для интерпретаций.

Особое место занимает история цензуры местных изданий. Так как в Новгороде в XIX веке была лишь одна частная газета «Новгородский листок» (1881-1882), то документы из фонда Санкт-Петербургского цензурного комитета выявляют сложности в деятельности этого издания: цензор Вакар регулярно составлял на это издание докладные записки. И хотя почти сразу с времени выхода газеты цензура из столицы была передана в Новгород в ведение вице-губернатора, издание было под пристальным вниманием не только в губернском центре, но и в столице.

Любопытный факт из истории «Новгородского листка», который становится известен благодаря архивным источникам: редактор-издатель Я. Елиашевич, возмущенный несправедливостью местной цензуры, пожаловался на это в Главное управление. Он приводит в своем письме примеры предвзятого отношения к материалам газеты, не допущенным в печать. Трудно сказать, на что рассчитывал Елиашевич, посылая это письмо, но в Главном управлении передали его цензору Вакару, решение которого было вполне ожидаемым: он признал справедливыми цензурные требования местных властей [Семенова, 2023].

Именно архивные источники позволяют строить предположения о причинах закрытия изданий. «Новгородский листок» закрылся «по не зависящим от редакции обстоятельствам», но мы понимаем, на основе архивных документов, что у газеты были сложные отношения с цензурой. Специализированный журнал «Криминалист» (1882) перестал выходить, возможно, в силу своей непопулярности у местной публики, а документы говорят о том, что судебный следователь Напиорковский стал помещиком, что могло сказаться на его нежелании издавать неприбыльный специализированный журнал. А. Федоров перестал издавать «Новгородский листок объявлений», не поставив в известность власти, так как получил отказ на издание полноценной местной универсальной газеты: закрыл типографию и уехал с семьей из Новгорода.

Загадкой для исследователей остается вопрос, почему все же Н.И. Богдановскому, получившему неоднократные отказы на издание местных газет, все же дали разрешение. Последний отказ последовал на прошение, поданное в мае 1902 года об издании «маленькой обывательской газеты» «Новгородская весть». Однако в ноябре того же года Н.И. Богдановскому было разрешено издавать универсальную газету «Волховский листок» (1903-1917).

При неполноте и специфике источниковой базы [Пугачев, 2015], как в случае с историей новгородских дореволюционных газет, когда нет возможности перепроверить информацию по разным документам, интерпретация начинает превалировать над фактами, и, к сожалению, в ряде случаев, такая ситуация неизбежна. Думается, в эпоху цифровизации всех значимых источников ситуация может стать иной [Лапина-Кратасюк, Рублева, 2018].

Укажем на еще одну проблему в работе с архивными данными.

Большим вопросом является выбор документов для публикации. Несомненно,

самыми интересными и показательными являются те, что содержат яркие свидетельства эпохи. Это документы, принадлежавшие видным историческим деятелям или отражавшие жизнь известных заведений (учебных, государственных и т.д.). Необходимость их публикаций очевидна; именно они стоят первыми в ряду подготавливаемых для представления их общественности, не только научной, но и широкой аудитории, интересующейся историей страны, родного края. Что касается документов, в особенности – эго-документов (частной переписки, записных книжек, дневников и т.п.), которые имеют принадлежность не к исключительным лицам и событиям, а к так называемой «истории повседневности», отражающие эпоху в моменте её протекания, спустя некоторое время могут восприниматься как незначительные, как частные факты, мало значимые в «большой» истории. Что имеет смысл публиковать? В полном ли виде или фрагментами? Стоит ли публиковать частную переписку? С купюрами или без оных? (Даже если не требуется или получено согласие потомков.) Как интерпретировать этот источник? Какое надындивидуальное значение он будет иметь? Как преподнести документ, чтобы он был понятен, полезен, интересен и при всем этом научно значим?

Опыт работы в редколлегии журнала «Новгородский архивный вестник» убеждает нас в том, что все эти вопросы являются отнюдь не техническими. В ответе на них и каждый ученый, и коллективы редколлегий архивных журналов отражают свою позицию по отношению к истории, месту человека в ней, степени значимости каждого лица, отраженного в публикуемом документе, в истории страны или края, с которым он связан своей судьбой и(или) деятельностью. Следует учитывать также, что у каждого исследователя существует некое «очарование материалом», когда то, чем он занимается, представляется ему крайне интересным и важным, что не всегда подтверждается реакцией на материал читателей. Для этого и существуют редакционные советы и коллегии, утверждающие материал к публикации или дающие рекомендации по сопровождению публикации документов основательной исследовательской частью, комментариями и т.д.

Следует отметить, что немаловажным фактором в процессе утверждения материала к публикации является этический момент. Это касается, несомненно, эго-документов, а также источников, относящихся к событиям, которые даже по истечении многих лет являются объектом острой реакции соотечественников. Так, несколько лет назад редколлегией Новгородского архивного вестника было решено не публиковать материалы фотоальбома, подготовленного кем-то из солдат немецких войск на оккупированной фашистами территории одного из районов Ленинградской области (с 1944 года – Новгородской области) из собрания Государственного архива Новгородской области. Материалы фотоальбома не содержали шокирующих кадров; напротив, они изображали «мирную» жизнь сельских жителей, продолжавших трудиться, несмотря на обстоятельства (с фонда, где хранится документ, недавно был снят гриф секретности). Однако, имея в виду «генетическую память» россиян и по-прежнему остро переживаемые события Великой Отечественной войны, было решено отложить публикацию на неопределенное время. Думается, подобные вопросы следует решать в высшей степени осторожно, в том числе в случае предоставления доступа к полнотекстовой цифровой версии документов, во избежание возможных

случаев спекуляции на народной памяти и чувствах людей.

В заключение отметим, что публикация и всесторонняя достоверная интерпретация архивных документов, несомненно, составляет основу любого научного исследования. С течением времени, с появлением новых технологий в работе с архивными источниками, взвешенный, профессиональный исследовательский подход к фондам и отдельным документам становится всё более актуальным.

Примечания

1. РГИА. Ф. 776. Оп.5. Ед. хр. 108. 22 л. 1871г. Л. 1, Л. 1 об. Дело об отказе Н. И. Шухвостову в разрешении издавать газету.

Литература

Абдулхамидова П. Ш. (2019). Документирование языка как один из путей его сохранения. *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*, 4 (68), 145 – 153.

Боброва Е. В. (2018). Сайты российских архивов: взгляд пользователя. *Отечественные архивы*, 6, 28 – 38.

Бродовский А. И., Зайцева Е. М., Заславский Ю. И., Маршак Б. И. (2018). Формирование информационных ресурсов архивных документов ВАК. *Научные и технические библиотеки*, 12, 49 – 63. DOI: 10.33186/1027-3689-2018-12-49-63

Государственный архив Новгородской области. Фонды дореволюционного периода: Путеводитель. (2013). / Сост. И. М. Букштынова, И. В. Киселева, А. В. Кузнецов, О. В. Снытко. М.: Рукописные памятники Древней Руси.

Десярева И. А. (2022). Оцифровка архивных документов: решенная задача или задача будущего. *История и архивы*, 4, 122 – 135. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-122-135

Колченко О. А., Брюханова Е. А. (2019). Основные направления информатизации архивного дела в контексте развития электронного общества. *Вестник Томского государственного университета*, 443, 114 – 118. DOI: 10.17223/15617793/443/15

Куняев Н. Н., Романова Е. А. (2019). Система научно-справочного аппарата в государственных архивах: современное состояние и перспективы развития. *Вестник ВНИИДАД*, 6, 45 – 55.

Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В. (2018). Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия. *Шаги/STEPS*, 4 (3 – 4), 147 – 165.

Панова Т. С. (2021). Создание электронных архивов в России. *Державинский форум*, 5 (20), 130 – 136.

Панова Т. С. (2020). Электронные архивы в России: обзор правовых актов. *Державинский форум*, 4 (14), 188 – 194.

Полилова Т. А. (2020). Российский научный интернет: эволюция или стагнация? *Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша РАН*, 97, 1 – 24. DOI: 10.20948/prepr-2020-97

Пугачев В. В. (2015). Парадоксы исторической аберрации при изучении журналистского контента разных веков. *Журналистский ежегодник*, 4, 102 – 104. DOI: 10.17223/23062096/4/24

Семенова А. Л. (2023). «Новгородский листок» (1881-1882): в поисках региональной идентичности. *Филологические науки*, 1, 116 – 124.

Скреля К. Ю., Клименко Е. П. (2019). Развитие архивного дела в дореволюционной России. *Ученые записки Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*, 5 (2), 49 – 54.

Терешкина Д. Б. (2016). Записные книжки дореволюционного периода в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея. *Новгородский исторический сборник*, 16 (26), 260 – 284.

Тункина И. В. (2019). Академические архивы – хранилища исторической памяти России. *Вестник Российской академии наук*, 89 (12), 1214 – 1221. DOI: 10.31857/S0869-587389121214-1221.

Черных А. В. (2022). Фольклорные собрания и архивы: проблемы сохранения и перспективы развития. *Традиционная культура*, 23(2), 13 – 24. DOI: 10.26158/ТК.2022.23.2.001

References

- Abdulxamidova P. Sh. (2019). Dokumentirovanie yazy`ka kak odin iz putej ego soxraneniya [Documenting the language as one of the ways to preserve it]. *Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavic) University)*, 4 (68), 145 – 153.
- Bobrova E.V. (2018). Sajty` rossijskix arxivov: vzglyad pol`zovatelya [Sites of Russian archives: a user's view]. *Domestic Archives*, 6, 28 – 38.
- Brodovskij A. I., Zajceva E. M., Zaslavskij Yu. I., Marshak B. I. (2018). Formirovanie informacionny`x resursov arxivny`x dokumentov VAK [Formation of information resources of archival documents of the Higher Attestation Commission]. *Scientific and Technical Libraries*, 12, 49 – 63. DOI: 10.33186/1027-3689-2018-12-49-63
- Gosudarstvenny`j arxiv Novgorodskoj oblasti. Fondy` dorevolucionnogo perioda: Putevoditel`. (2013) [The State Archive of the Novgorod region. Funds of the pre-revolutionary period: A guide] / Comp. I. M. Bukshtynova, I. V. Kiseleva, A.V. Kuznetsov, O. V. Snytko. M.: Handwritten monuments of Ancient Russia.
- Degtyareva I. A. (2022). Ocifrovka arxivny`x dokumentov: reshennaya zadacha ili zadacha budushhego [Digitization of archival documents: a solved task or a task of the future]. *History and Archives*, 4, 122 – 135. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-4-122-135
- Kolchenko O. A., Bryuxanova E. A. (2019). Osnovny`e napravleniya informatizacii arxivnogo dela v kontekste razvitiya e`lektronnoho obshhestva [The main directions of informatization of archival business in the context of the development of electronic society]. *Bulletin of Tomsk State University*, 443, 114 – 118. DOI: 10.17223/15617793/443/15
- Kunyaev N. N., Romanova E. A. (2019). Sistema nauchno-spravochnogo apparata v gosudarstvenny`x arxivax: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya [The system of scientific reference apparatus in the state archives: current state and prospects of development]. *Bulletin of VNIIDAD*, 6, 45-55.
- Lapina-Kratasyuk E. G., Rubleva M.V. (2018). Proekty` soxraneniya lichnoj pamyati: cifrovyye arxivyy i kul'tura uchastiya [Personal memory preservation projects: digital archives and a culture of participation]. *STEPS*, 4 (3 – 4), 147 – 165.
- Panova T. S. (2021). Sozдание e`lektronny`x arxivov v Rossii [Creation of electronic archives in Russia]. *Derzhavin Forum*, 5 (20), 130 – 136.
- Panova T. S. (2020). E`lektronny`e arxivyy v Rossii: obzor pravovy`x aktov [Electronic archives in Russia: review of legal acts]. *Derzhavin Forum*, 4 (14), 188 – 194.
- Polilova T. A. (2020). Rossijskij nauchny`j internet: e`voluciya ili stagnaciya? [Russian Scientific Internet: evolution or stagnation?]. *Preprints of M.V. Keldysh IPM RAS*, 97, 1-24. DOI: 10.20948/prepr-2020-97
- Pugachev V.V. (2015). Paradoksy` istoricheskoy aberracii pri izuchenii zhurnalistskogo kontenta razny`x vekov [Paradoxes of historical aberration in the study of journalistic content from different centuries]. *Journalistic Yearbook*, 4, 102 – 104. DOI: 10.17223/23062096/4/24
- Semenova A. L. (2023). «Novgorodskij listok» (1881-1882): v poiskax regional'noj identichnosti [The Novgorod Leaflet (1881-1882): in search of regional identity]. *Philological Sciences*, 1, 116 – 124.
- Skrelya K. Yu., Klimenko E. P. (2019). Razvitie arxivnogo dela v dorevolucionnoj Rossii. Uchenyye zapiski Kry`mskogo Federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo [The development of archival business in pre-revolutionary Russia. Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University]. *Legal sciences*, 5 (2), 49 – 54.
- Tereshkina D. B. (2016). Zapisny`e knizhki dorevolucionnogo perioda v fondax Otdela pis`menny`x istochnikov Novgorodskogo muzeya [Notebooks of the pre-revolutionary period in the collections of the Department of Written Sources of the Novgorod Museum]. *Novgorod Historical Collection*, 16 (26), 260 – 284.
- Tunkina I. V. (2019). Akademicheskie arxivyy – xranilishha istoricheskoy pamyati Rossii [Academic archives are repositories of the historical memory of Russia]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 89 (12), 1214 – 1221. DOI: 10.31857/S0869-587389121214-1221.

Cherny`x A.V. (2022). Fol`klorny`e sobraniya i arxivny`: problemy` soxraneniya i perspektivy` razvitiya [Folklore collections and archives: conservation problems and development prospects]. *Traditional culture*, 23(2), 13 – 24. DOI: 10.26158/TK.2022.23.2.001

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.11.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Терешкина Дарья Борисовна – доктор филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал); ORCID: 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru.

Семенова Александра Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ORCID: 0000-0002-8963-3888; alsemenova@mail.ru.

Tereshkina D. B., Semenova A. L.

ARCHIVAL SOURCES IN LITERARY STUDIES: FROM FACT TO INTERPRETATION

Abstract. The article offers a view on a modern researcher's work in archives in terms of choosing a topic for study, the availability of archival sources and their digital copies, ways of working with them, searching for relevant topics for presenting research in publications, including publicly available publications in order to popularize the documentary heritage of Russia. The relevance of the appeal of philological researchers to archival documents for the reconstruction of historical, literary and social media processes is substantiated, the restoration of individual stories of culturally significant persons on the basis of ego-documents and published materials, as well as for expert evaluation of sources prepared for being included in the register of particularly valuable funds of individual archives (such as The State Archive of Novgorod region).

Keywords: archive, document, source, interpretation, history, everyday life, ego-document.

For citation: Tereshkina D. B., Semenova A. L. Archival sources in literary studies: from fact to interpretation. *Memoirs of NovSU*. 2024. 1(52), 61-69. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).61-69

Бакшаева Н. Ю.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА «ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ»: М. ГОРЬКИЙ, РАПП И МАПП

Аннотация. В статье исследован конкретный эпизод в истории литературного процесса 1920-1930-х гг. – участие А. М. Горького в деятельности Российской ассоциации пролетарских писателей. Осенью 1931 г. началась работа над «Историей фабрик и заводов» – главного общего дела писателя и организации. В рамках гранта «Максим Горький и низовое литературное движение» Российского научного фонда (грант No 23-28-01158) появилась возможность изучения источников, хранящихся в фонде Московской ассоциации пролетарских писателей (ИМЛИ РАН). Отчеты, стенограммы заседаний представителей литературных кружков на предприятиях и собраний членов райкомов ВКП(б), РАПП и его региональной секции отразили вовлеченность низового литературного движения в работу над ИФЗ. Эпистолярное наследие писателя и опубликованные документы дополнили архивные источники, что позволило реконструировать коммуникативные связи акторов с Горьким. Структура взаимодействия формировалась по схеме: *он* – *они*. Где *он* – Горький, *они* – РАПП, МАПП, литературные кружки при заводах, представители правления ассоциации, низовые авторы – т.е. участники издательского проекта Горького. Писатель сломал классическую вертикальную иерархическую структуру взаимодействия акторов. Таким образом, возникла параллельная основной коммуникативная система во главе с формирующей институцией – Горьким. Благодаря ей писательские коллективы ИФЗ сумели развернуть творческую деятельность. Литературным кружкам МАПП на предприятиях удалось продолжить работу после ликвидации РАПП весной 1932 г. вплоть до 1933 г., пока дела низовых литературных организаций не были переданы Оргкомитету Союза советских писателей.

Ключевые слова: М. Горький, МАПП, РАПП, История фабрик и заводов, коммуникация, пролетарские писательские ассоциации, массовый писатель.

Для цитирования: Бакшаева Н. Ю. Коммуникативные практики участников проекта «История фабрик и заводов»: М. Горький, РАПП и МАПП // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. 1(52). 70-82. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).70-82

В статье исследовано взаимодействие А. М. Горького и Российской ассоциации пролетарских писателей (*Прим.1*).

Структуру коммуникации можно представить схемой *он* – *они*. Где *он* – Горький, *они* – РАПП, Московская ассоциация пролетарских писателей, литературные кружки при заводах, определенные представители правления ассоциации, отдельные представители низового литературного движения – участники издательских проектов Горького. Реконструировать коммуникационные связи с Горьким как объединяющим центром позволяют эпистолярное наследие писателя и архивные источники, в первую очередь, связанные с работой над «Историей фабрик и заводов», начавшейся в октябре 1931 г.

В рамках проекта «Максим Горький и низовое литературное движение» появилась возможность изучения источников, связанных с взаимодействием А. М. Горького и низовых писателей. В Отделе рукописей ИМЛИ РАН хранится фонд Московской ассоциации пролетарских писателей – региональной секции РАПП. Отчеты, стенограммы заседаний руководов кружков и собраний представителей райкомов ВКП(б) и МАПП отражают вовлеченность низового литературного движения в проект по созданию ИФЗ. Дополненная источниковая база позволит уточнить формулирующийся конструкт определенного периода в истории литературного

процесса.

Отношения между А. М. Горьким и РАПП были сложными. Они долгое время шли параллельно, преследуя одну цель – создание пролетарской литературы. С начала своей деятельности Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП организована в октябре 1920 г., с 1928 г. – РАПП) заявляла о претензии на культурную гегемонию. Горький поддерживал деятельность ассоциации, так в июле 1925 г. он одобрил резолюцию ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (*Прим. 2*), подчеркнув ее «огромнейшее воспитательное значение для литераторов» [Шешуков, 2013, с. 114]. Величина имени Горького казалась незыблема. Празднование 60-летия писателя в 1928 г. и его приезд встретили многочисленными мероприятиями, масштабы событий были огромные. К этому времени ВАПП стал организацией, претендующей на главенство в литературе. Весной на Первом съезде пролетарских писателей после реорганизации РАПП утвердил свой статус литературного рупора партии.

Всесильное руководство РАППа осмелилось начать «травлю» Горького – «человека, лишённого классового сознания» [Шешуков, 2013, с. 208]. В 1931 г. началась новая страница в отношениях, произошло сближение. Горький стремился воплотить в жизнь идею «примирения и объединения всех враждующих литературных групп, кружков и направлений» [Примочкина, 1998, с. 121].

В 1930 г. был объявлен призыв ударников в литературу. Несмотря на расхождение в путях реализации нового лозунга, РАПП и Горький поставили его в приоритете и их стремления привели к сближению. Задача учебы начинающих авторов литературе решилась путем активной работы журналов «Наши достижения», организованного А.М. Горьким в 1929 г., и «На литературном посту» – органа РАПП с 1926 г. Поворот писателя к ударникам заставил познакомиться с жизнью литературных низовых кружков. Связь Горького с ассоциацией стала еще крепче.

Низовые литературные организации, созданные и управляющиеся РАППом, к 1931 г. были подготовлены для выполнения лозунгов «Показа лучших» и «Призыва ударников в литературу» [Московская, Романова, Бакшаева, 2022, с. 21].

Налаженная работа и «воспитанные» кадры – результаты организационной деятельности литературных кружков – заинтересовали Горького. Писатель встречался с рабкорами, посещал заводы, читал, печатал, критиковал произведения кружковцев, готовил к печати альманах низовых авторов «Вчера и сегодня» (*Прим. 3*). В свою очередь, кружки были заняты активной работой по подготовке к возвращению Горького в СССР, а затем – к юбилею писателя: проведением лекций и занятий о его творчестве, организации литературных вечеров и выставок, созданию произведений, посвященных ему. Авторитет Горького-деятеля шел рядом с авторитетом Горького-писателя. Низовые авторы даже если не были знакомы с произведениями живого классика, должны были их прочесть, работая со списками литературы и программами, спускаемыми РАППом и МАППом.

Самый продуктивный период сотрудничества Горького и РАПП совпал с временем расформирования ассоциации. В апреле 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Горький пытался помешать полному уничтожению организации, защитить ее руководителей. В

октябре 1932 г. состоялась встреча писателей, партийных функционеров и И. В. Сталина. Горький упрекал недавно созданный Оргкомитет Союза писателей в том, что организация «не занимается литературными кружками, что литературные кружки разваливаются по вине комитета, а все будущее литературы кроется в литературных кружках» [Примочкина, 1998, с. 133]. Однако это не спасло РАПП от ликвидации, а некоторых его руководителей – от репрессий в конце 1930-х гг.

Обращение в нашем исследовании к эпистолярному наследию Горького требует определения особенностей источника, уникальные в «феноменальной коммуникативности сознания» писателя. И. Бочарова затронула проблему «судьбы письма как жанра человеческой коммуникации в эпоху Горького» [Бочарова, 2009, с. 369]. Письмо отражает события человеческой жизни через созданный в диалоге единый сюжет. Коммуникативная связь в переписке Горького представляет связь человека и общества, «скорректированную» историческим временем. Соприкосновение авторов писем с социальной реальностью объясняется «изобретением Горького» – образом проходящего, «сознательно творящим нечто определенное».

Диалог Горького и РАПП к началу 1930-х гг. приобрел характер товарищеского. Общие проекты и цели сопровождались постоянным общением писателя и руководителей ассоциации. Рапповцы видели в Горьком близкого по духу человека, у которого можно попросить помощи, согласовать проект, чьи призывы они готовы выполнять. К данным выводам подводит ознакомление с опубликованной перепиской Горького с Л. Л. Авербахом (*Прим. 4*), В. М. Киршоном, И. С. Макарьевым, Н. Г. Шушкановым (*Прим. 5*).

Стремление Горького сотрудничать с РАПП напрямую зависело от взаимоотношений с секретарем организации Авербахом. После рапповского наступления на писателя Горький был настроен скептически. В письме 17 февраля 1928 г. к Ф. Гладкову (*Прим. 6*) он подчеркивал: «Все эти... авербахи, не имеющие никакого отношения к литературе, изо всех сил лезут в “вожди” и “идеологи”». Затем последовало сближение Горького и Авербаха, в том числе благодаря шурина рапповца и земляку писателя Г. Г. Ягоде (*Прим. 7*). Два заглавных литературных деятеля рубежа 1920-1930-х гг. сплотились в роли учителя и ученика [Быстрова, 2005, с. 570]. Горький называл рапповцев «малышами, поднятыми революцией на ее гребень», которые понимали, что нужно «очень много работать над собой» (*Прим. 8*).

Горький привлек Авербаха к многочисленным проектам. Он служил деятельным помощником в деле создания ИФЗ и альманаха «Год шестнадцатый». Горький настаивал на включении Авербаха в состав Оргкомитета Союза советских писателей. Этого с трудом удалось добиться в июле 1932 г. Однако многие сопротивлялись этой инициативе. 26 октября на встрече писателей с членами правительства в доме Горького Л. Н. Сейфуллина (*Прим. 9*) выступила с разгромной речью, выступая против введения в состав Оргкомитета рапповцев. Писательницу поддержал Сталин, что значительно затруднило Горькому осуществить литературное возвращение Авербаха.

Горьковский план по примирению пролетарских поэтов и «попутчиков» приводил к сотрудничеству в общих проектах предстателей враждующих лагерей. Участие Авербаха и Вс. Иванова (*Прим. 10*) в создании ИФЗ – тому подтверждение.

Взаимоотношения между ними наладились, в итоге «попутчик» поддержал Горького, выступившего против ликвидации РАППа в 1932 г. (Прим. 11).

Весна 1932 г. оказалась для Горького водоразделом, определившим «своих» и «чужих». Начавшиеся противоречия между старым составом редакции «На литературном посту» и новыми кадрами заставили писателя выбирать сторону, отказавшись от политики примирения. После постановления о перестройке литературных организаций к группе Ф. И. Панферова, В. П. Ильенкова и В. П. Ставского присоединился А. А. Фадеев, с которым у Горького возникли противоречия. Писатель сосредоточился на сотрудничестве с противоположным лагерем рапповцев.

Главным общим делом Горького и РАПП можно считать «Историю фабрик и заводов». Писатель точно определил свое отношение к верхушке правления ассоциации в своем письме к Шушканову от 12 марта 1932 г., затрагивая тему ИФЗ: «В моем представлении РАПП не является организацией, идеологически спаянной достаточно крепко, – в этом убеждают меня бесконечные групповые трения и споры внутри РАПП. <...> Отсюда можно сделать вывод что я против ведущей роли РАПП. Но это будет неправильный вывод. А если бы можно было сделать отбор наиболее крупных коммунистически грамотных работников РАПП – тогда вопрос о ведущей его роли в работе по истории решался бы положительно» (Прим. 12).

В рамках реализации ИФЗ Горький взаимодействовал не только с секретарями РАПП, он начал диалог с кружковцами и рабкорами в качестве исполнителей масштабного проекта. В статье «История фабрик и заводов», изданной 7 сентября 1931 г., Горький подчеркивал: «Организационными центрами по работе над историей заводов должны быть ячейки РАПП. К работе следует привлечь ударников, литкружки, инженерно-технический персонал, проф- и парторганизации» (Прим. 13). Низовые авторы собирали и обрабатывали материал. После постановления о начале деятельности по созданию ИФЗ к Горькому летели письма ударников от литературы, готовых вступить в бой. Они приветствовали живого классика, писали о своих планах. Горький трактовал «массовое движение» как инициативу рабочих: «Идея создания “Истории заводов” сначала возникла в массе фабрично-заводских рабочих и уже затем оформлена утверждением редколлегии» (Прим. 14). М. Балина конкретизировала утверждение о стремлении рабочих к рефлексии: «Этот автобиографический конвейер организуется на основе объективного хронотопа жизни всего завода. Субъективное время отдельной жизни сначала вытесняется объективным временем революционных перемен, а затем уже это объективное время “вычищается” по канонам инструкции “Как писать Историю фабрик и заводов”, выпущенной главной редакцией этого издательства в 1932 году» [Балина, 2000, с. 589].

В инструкции главной редакции «Как писать «Историю фабрик и заводов» от 28 ноября 1931 г. указывалось на необходимость освещения темы «призвания ударников в литературу» – как одну из значимых вех в истории производств (Прим. 15). О роли кружковцев в создании «Истории фабрик и заводов» Горький упоминал не один раз. Так в постановлении главной редакции «О работе по “Истории заводов”» от 10 апреля 1932 г. читаем: «Вокруг редколлегии должен быть создан широкий актив из рабкоров, старых рабочих, писателей, литкружковцев, историков-марксистов, инженеров, техников, экономистов и пр.» (Прим. 16).

Отчеты, планы и сводки о работе инициативных групп Ленинского, Замоскворецкого, Сокольнического и Фрунзенского районов Москвы дают информацию о выполнении заказа по созданию «классового самосознания» пролетариата. В период с 1 октября по 15 октября кружок при заводе Парижская коммуна «работал по истории завода»: «Кружок тесно связан с общественной жизнью завода. Выпускает литстраницу. Руководителям проведено инструктивное совещание по Горькому. После чего 6 человек кружковцев проводили беседу по цехам» (Прим. 17). Кружок «Шарикоподшипник» в октябре поднял вопрос о создании «Истории фабрик и заводов». В плане работы до 1 января 1933 г. кружка при фабрике «Ливерс» стояла подготовка книги о фабрике (Прим. 18).

Работа над историей Казанской железной дороги, одной из первых ИФЗ, показала, каким образом организовывать работу коллективам на других производства. Для Горького результаты, отраженные в подготовленной рукописи «История Казанской дороги», определили необходимость личного вовлечения руководства проекта в работу по каждому заводу: «Вследствие того, что основной текст часто оперирует документами, а еще чаще цитатами из различных брошюр и книжек, – основной текст вызывает впечатление “отчета”, а не истории. В нем почти отсутствует бытовой материал. <...> А в общем – работа хорошая. Сделать ее еще лучше – нетрудно» (Прим. 19).

История Казанской железной дороги не ограничилась отзывом и правкой Горького. Позднее, в апреле 1933 г., Авербах отчитывался ему: «Очень много работали и работаем над Мос.-Каз. ж.-д. рукопись эта доведена уже до последних дней. Размер ее 30-35 п. л. Литературно она стала много лучше, чем раньше. Сейчас она по частям редактируется компетентными людьми» (Прим. 20).

В марте 1935 г. Вс. Иванов в докладе Второму пленуму Правления Союза советских писателей о работе редакции «Истории заводов» заявил, что сотни фабрик и заводов «крепко поддерживают постановления ЦК и призыв Максима Горького» (Прим. 21). Он упомянул писательские коллективы, задействованные на транспорте, в числе которых была Казанская железная дорога. Затем Вс. Иванов перешел к созданию ИФЗ на «Электрозаводе» при участии Ф. Гладкова (Прим. 22). На предприятии деятельность по созданию ИФЗ началась четырьмя годами ранее, с момента объявления о запуске проекта. Помощь в сборе материала заводским редакциям оказывали студенты и аспиранты редакционно-издательского института ОГИЗа [Журавлев, 1997, с. 80]. План сокольнического района райбюро МАПП на 1931 г. включал обязательные мероприятия, касающиеся «Истории фабзаводов» (Прим. 23).

Райбюро разработало программу работы по созданию ИФЗ, которая состояла из четырех пунктов: «Популяризация решений ЦК ВКП(б) о литдвижении “Истории завода”, о литдвижении Электrozавода. Беседы о том, как создавались литпроизведения. Воспоминания старых производственников об истории завода. Беседы о писании массовых книжек, о критике, о выборе книг для чтения» (Прим. 24).

Теоретическая подготовка подразумевала ознакомление рабочих с докладом о решении ЦК партии «Истории завода и литдвижение на заводе». Затем следовало «опубликовать план после его утверждения в газете “Электрозавод” и ряд статей, разъясняющих смысл решения ЦК ВКП(б), литдвижения на заводе, создание “Истории

завода” и задачи двухдекадника» (Прим. 25).

Организационная работа в рамках двухдекадника содержала следующие пункты: «На каждом собрании вербовать желающих, принять участие в создании “Истории завода”. Стенографировать все выступления, касающиеся истории завода (воспоминания и пр.) По живой записи давать отчеты в газете о всех собраниях во время двухдекадника. Дать в газете 2-3 литстраницы за это время, в которых напечатать произведения литкружковцев воспоминания электрозаводцев (часть стенограмм) критические обзоры творчества литкружковцев. За время двухдекадника подготовить программу семинара для литкружковцев и участников “Истории завода”. Обеспечить семинар квалифицированными силами».

О встречах рабочих коллективов ИФЗ в парках Москвы упоминалось как в программе райбюро Сокольнического района, так и в письме кадровых рабочих завода «Красный пролетарий» А. М. Горькому: «21 июня мы собираемся в Центральном парке культуры и отдыха, чтобы подвести итоги проделанной работы <...> На этом же вечере мы хотим обменяться опытом по истории завода с “Серпом и молотом”, “Трехгоркой” и сталинцами» (Прим. 26).

«Сталинцы» (Прим. 27) продуктивно включились в работу. Об их успехах писал Авербах Горькому в ноябре 1932 г.: «Чем больше я присматриваюсь к практике работы по ИФЗ, тем яснее вижу: драка за гегемонию между историками и писателями особенно зло идет там, где нет хозяина – рабочего коллектива, пишущего свою историю <...> Лучше всего идет работа там, где создан рабочий коллектив (Ижорский завод, завод им. Маркса – новый Лесенер, завод им. Сталина – б. Амо и т. д., и т. д.) – там и писатели и историки одинаково правильно и все более умело используют для создания действительно массовой, действительно коллективной, действительно художественной и научно выверенной истории» (Прим. 28).

Однако отзыв Горького на рукопись АМО, данный в сентябре 1933 г. противоречил восторженному отклику Авербаха: «Все остальное, кроме рассказа о производстве, – черновая, неслаженная, непродуманная работа» (Прим. 29). Писатель резюмирует: «Это сырая вещь и требует очень серьезной, внимательной работы» (Прим. 30).

В рамках проекта ИФЗ осуществлялась регулярная учеба низовых авторов, в архиве сохранилось объявление: «21-го декабря в помещении клуба ФОСП (ул. Воровского, 52) созывается собрание писателей совместно с литкружками, посвященное вопросам создания “Истории фабрик и заводов”. Приглашаются все литорганизации, литкружки фабрик и заводов, редсоветы и ударники, призванные в литературу. Ввиду того, что придаем этому серьезное значение, просим созвать ваш актив. Начало в 7 вечера» (Прим. 31).

Из протокола совещания председателей и секретарей райбюро МАПП за декабрь 1931 г. (Прим. 32) узнаем, что деятельность по созданию ИФЗ стоит в приоритете: «Желательно в плане этой работы выделить бригады. Кружковцев, работающих в области критики, желательно также выделить бригаду».

На этом же совещании представитель Фрунзенского района Хроманский указал на то, что работа по истории фабрик и заводов ввиду несоответствующего отношения к этому вопросу со стороны центральной комиссии по «Истории фабрик и заводов» и

кабинета ударника не пошла вперед.

Сталинградский тракторный Автомобильный завод им. Сталина входил в число первых двадцати семи предприятий, чьи истории предстояло написать. В этом списке рядом с АМО стояла «Трехгорная мануфактура» (Прим. 33). Планы по созданию ИФЗ осуществлялись путем проведения соревнования на предприятии: «Третий маршрут: за создание большевистской “Истории заводов” Красной Пресни. К 15-й годовщине октября создать историю Трехгорной мануфактуры, завода “Красная Пресня”. Руководителем маршрута утвердить тов. Шушканова (РАПП)» (Прим. 34).

Итоги эстафеты не удовлетворили организаторов. В июле на заседании секретариата краснопресненского райкома ВКП(б) подняли этот вопрос: «Считаем совершенно недостаточным участие кружков в работе по созданию “Истории заводов”, обязать сектор культуры РК разработать мероприятия, обеспечивающие включение литкружковцев в эту работу» (Прим. 35).

В апреле 1933 г. о деятельности рабочего коллектива Трехгорной мануфактуры отчитывался Авербах в письме Горькому: «Трехгорка. Наиболее показательные главы Рукописи Вам посылаю. Это не нашего типа книга. Это историческая монография. Я высказываюсь, однако, за издание с сопроводительной статьей от главной редакции» (Прим. 36).

Весной 1933 г. о «не нашем типе книги» критически отозвался Горький: «Читали эта рукопись рабочим “Трехгорки” и – вообще – принимали ли она участие в работе по истории их фабрик. Но, если принимали и даже одобрили рукопись Зельцера, Парадизова, Рожковой все-таки эта работа не очень удачна и требует значительных исправлений. <...> Общее впечатление: авторы не ясно представляют, зачем, о чем и для кого они пишут? История фабрик и заводов имеет в виду “массового читателя”, в огромном большинстве это – крестьянская молодежь, ей нужно показать культурно-революционные значения фабзаводского труда <...> Книги по “Истории фабзаводов” должны быть педагогически материалом для борьбы с индивидуализмом, для воспитания социалистов» (Прим. 37).

Горький остался недоволен и вторым томом «История трехгорной мануфактуры»: «Эта часть “Истории” Прохоровской фабрики еще более наглядно, чем первая, обнаруживает равнодушие или неумелое отношение авторов к работе. <...> А неопытному читателю понять их трудно не только потому, что они пишут скучно и тяжело, но еще и потому, что “Трехгорная” взята ими совершенно изолированно от истории развития текстильной промышленности в стране. <...> “Трехгорная” – оторвана от жизни, а это – неправильно, исторически неверно. <...> Политическое и литературное косноязычие авторов делает работу их в данной ее форме неприемлемой для издания» (Прим. 38).

После отзывов Горького работа на производстве продолжилась активнее. Большое количество собранного и обработанного материала удалось выпустить в качестве отдельных изданий. Об этом упоминала А. М. Панкратова (Прим. 39) в докладе на международном конгрессе историков в Варшаве «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР» в августе 1933 г.: «На Трехгорной мануфактуре с помощью старых рабочих и активных ударников был собран также богатый материал. <...> Этот материал, преимущественно из

воспоминаний и биографий, был настолько интересен, что оказалось целесообразным напечатать его в отдельных сборниках» (Прим. 40).

Работа писательского коллектива на производстве продолжалась после 1933 г. Бригада историков учла замечание Горького, требовавшего уделить больше внимания быту рабочих, и в 1935 г. при участии рабочих выпустила книгу «Быт рабочих Трехгорной мануфактуры» в серии «Истории фабрик и заводов» (Прим. 41).

В процессе составления рецензий на рукописи историй заводов Горький убедился в необходимости постоянного контроля работы писательских коллективов и определений главных задач при создании ИФЗ. Писатель напомнил об этом авторам истории Трехгорной мануфактуры (Прим. 42).

Включение руководителей ИФЗ не ограничилось призывом Горького, сопровождающим постановления ЦК, и разработкой инструкций. Писатель проводил постоянную работу с исполнителями проекта на разных уровнях. Горький при любой представившейся возможности разъяснял цели и задачи писателей, историков и рабочих, входивших в состав коллективов. Одна из подобных бесед состоялась в 1931 г. Горький встретился с молодыми ударниками, призванными в литературу: «Далее, есть одна тема уже вполне ваша. Тема эта – история старых заводов. <...> Рукопись покажет завод как школу революционера, а иногда и как крепость рабочего класса. <...> от очерков к широкому обобщению, большие картины. Отсюда неизбежна и необходима серьезная учеба» (Прим. 43).

Первые работы по «истории заводов» были раскритикованы Горьким за низкий уровень художественности, сухость, невнимательность к инструкциям. Основное замечание авторы получали за то, что в рукописях не отражен быт рабочих завода. Истории превращались в исторические монографии или сборники воспоминаний рабочих. В основной канве в истории повседневности пролетариата не было месту описанию жизни рабочего. Однако, по мнению Горького, именно в этом материале заключалась уникальность проекта, рассказывающего о становлении производства в СССР и участии в процессе рабочих. Низкий уровень художественности рукописей – показатель недостаточной вовлеченности писателей в дело ИФЗ и подготовки низовых авторов.

В созданном осенью 1931 г. писательском коллективе ИФЗ предстояло образовать, нарастить коммуникационные связи и начать творческую деятельность. Центр системы – Горький – он, исполнители проекта – они. Горький искал помощников для проекта, постоянно держал с ними связь, обсуждал актуальные вопросы и рукописи, давал оценки деятельности писательского коллектива. Он сломал привычную, классическую вертикальную иерархическую структуру взаимодействия акторов. К Горькому напрямую в личных письмах обращались как члены редакции, так и низовые авторы, рабочие. Он устраивал с ними встречи, отвечал на приветствия и письма. Таким образом формировалась параллельная основной коммуникативная системы с формирующей институцией – Горьким – в центре. В симбиозе они позволяли проекту стать более гибким, изменчивым. Постоянный диалог сохранял высокий уровень вовлеченности каждого актора, однако не между собой, а с центром. В итоге доминантными коммуникационными связями стали взаимодействия, действующими осуществляющиеся по модели он – они.

Разногласия между писателями, историками и рабочими при создании ИФЗ сказались на результатах. В отчетах кружков отмечалась неудовлетворительная работа, отзывы на многие «истории фабзаводов» были полны замечаний. Однако деятельность не утихла, авторы правили рукописи, обрабатывали новые материалы, на встречах руководителей кружков и заседаниях райкомов ВКП(б) поднимались вопросы об организации мероприятий, способствующих активной деятельности в писательских коллективах. Заводские редакции оказались «самым действенным звеном горьковского начинания» [Журавлев, 1997, с. 101]: благодаря ним развернулось массовое движение, была создана уникальная источниковая база по ИФЗ. Непрерывный диалог для Горького – необходимая составляющая литературной учебы участников проекта ИФЗ. Модель коммуникации *он – они* способствовала продуктивному труду единственно в случае признания руководящей роли Горького остальными актерами. В противном случае возникало столкновение интересов и резкая критика писателя по отношению к несогласным.

Согласимся с К. Кларк: «Горький являлся самой влиятельной фигурой в литературе 1930-х годов, когда и складывались основные параметры соцреализма» [Кларк, 2000, с. 573]. В данный период формируется массовое литературное движение, «разрастающееся “под надзором” Максима Горького в разных организационных формах: литкружки и рабкоровские активы и печатные органы для начинающих писателей» [Мурашов, 2000, с. 599]. Взаимодействие Горького с руководителями РАППа и низовыми писателями укрепляет связь писателя с организацией, вдохнуло жизнь в кружки, способствует инициативе и энтузиазму авторов в выполнении призывов и проектов. Таким образом, обозначается незаменимость каждого актора, определяется точность его задачи. Путем репрезентации коммуникативных практик Горького, рапповцев и кружковцев удалось уточнить, что организация работы по ИФЗ формируется посредством решений о взаимодействии конкретных субъектов. Писатель разрушает иерархичную вертикальную структуру институций: «Отныне Горький не столько констатирует уже существующие факты, сколько создает новые, не отражает существующую социальную реальность, а получает право ее менять. Он вводит в оборот и хабиутилизует свои понятия и оценки, создает новые исторические нарративы» [Московская, 2020, с. 57]. Писатель коммуницирует не через орган секретариата, а через конкретных членов ассоциации, происходит слом формального характера отношений. Система становится более гибкой, а союз – более крепким. Горький соперничает рапповцам, стремится помочь, интересуется личной жизнью. Сближение носит продуктивный творческий характер. Симпатизируя друг другу, деятели более инициативны в выполнении поставленных задач. Что касается низовых писателей, Горький общается с ними на собраниях, посещает заводы, курирует их публикации, принимает письма. Его авторитет укрепляется, в итоге, кружковцы, выполняя ряд не прямых взаимодействий, касающихся мероприятий, связанных с писателем, получают возможность продолжать деятельность своих организаций после ликвидации РАПП. Ассоциация фактически ликвидирована, но организационные структуры сохраняются, в итоге «разработанные РАППом адекватные литературные практики были взяты на вооружение при формировании Союза советских писателей» [Московская, 2021, с. 92].

Примечания

1. **Статья выполнена в рамках гранта «Максим Горький и низовое литературное движение» Российского научного фонда, грант No 23-28-01158.**
2. Известия ЦК РКП(б). 1925. №25-26. С.8-9.
3. «Вчера и сегодня. Альманах бывших правонарушителей и беспризорных». ГИЗ, 1931, №1.
4. Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. Москва: ИМЛИ РАН, 2005.
5. Горький и советские писатели: Неизданная переписка; ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер; Москва: Изд-во АН СССР, 1963. (Лит. Наследство; ред.: И. И. Анисимов. Т. 70).
6. Федор Васильевич Гладков (1883—1958) — писатель, журналист, военный корреспондент.
7. Ягода Генрих Григорьевич (1891 — 1938) — гос. деятель, генеральный комиссар гос. Безопасности (1935).
8. Неизвестный Горький: (к 125-летию со дня рождения) / РАН. Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького; редкол.: Келдыш В. А. (отв. Ред.). Москва: Наследие, 1994. С. 182-183.
9. Сейфуллина Лидия Николаевна (1889—1954) — писательница, педагог, общественный деятель.
10. Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) — писатель, драматург, журналист, военный корреспондент.
11. АГ. КГ-п 30—1—29. Печатается по: Суматохина Л. В. М. Горький и писатели Сибири. Москва: ИНФРА-М, 2013. С. 85.
12. Горький А.М. Письмо Н. Г. Шушканову. 12 марта 1932 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 47-49.
13. Статья А. М. Горького «История фабрик и заводов». 7 сентября 1931 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 28.
14. Горький А. М. Письмо Н. Г. Шушканову. 12 марта 1932 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 47.
15. Инструкция главной редакции «Как писать «Историю фабрик и заводов» от 28 ноября 1931 г. // А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 42.
16. Постановлении главной редакции «О работе по “Истории заводов”» от 10 апреля 1932 г. // А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 64.
17. ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 2.
18. ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 3.
19. Отзыв о рукописи «История Казанской дороги». [1932]. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 213.
20. Авербах Л.Л. Письмо А. М. Горькому. [конец апреля 1933] //Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 620.
21. Сокращенная стенограмма доклада Вс. Иванова второму пленуму правления союза советских писателей о работе редакции «Истории заводов». 6 марта 1935 г. // А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 168.
22. Сокращенная стенограмма доклада Вс. Иванова второму пленуму правления союза советских писателей о работе редакции «Истории заводов». 6 марта 1935 г. // А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 167.
23. ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 172. Лл. 7-8.
24. Там же.
25. Там же.
26. Письмо кадровых рабочих завода «Красный пролетарий» А.М. Горькому. До 21-го июня 1932 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 91.
27. Имеется в виду рабочие 1-го государственного автомобильного завода им. И.В. Сталина (с 1956 г. предприятие известно как ЗИЛ).
28. Авербах Л.Л. Письмо А.М. Горькому. 20 нояб. 1932 //Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 604.

29. Отзыв на рукопись АМО. 29 сентября 1933 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 224.
30. Там же.
31. ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 435.
32. ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 5.
33. Сокращенная стенограмма доклада Вс. Иванова второму пленуму правления союза советских писателей о работе редакции «Истории заводов». 6 марта 1935 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 167.
34. Протокол заседания секретариата РК ВКП(б) Красной Пресни от 3 апреля 1932 г. см.: ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 1.
35. ОР ИМЛИ Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 5.
36. Авербах Л.Л. Письмо А.М. Горькому. [конец апреля 1933] //Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 7. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. С. 620.
37. Отзыв о рукописи «История Трехгорной мануфактуры», т.1. До 20 мая 1933 г. // А. М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 214-215.
38. Отзыв о рукописи «История Трехгорной мануфактуры», т. 2 [1933-1934]. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 216.
39. Панкратова Анна Михайловна (1897—1957) – историк, партийный и общественный деятель.
40. Доклад А.М. Панкратовой на Международном конгрессе историков в Варшаве «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР». 26 августа 1933 г. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 147.
41. Отзыв о рукописи «История Трехгорной мануфактуры», т. 2 [1933-1934]. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 217.
42. Там же.
43. Из беседы с молодыми ударниками, вошедшими в литературу. 11 июня 1931. // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 200.

Литература

- Балина М. (2000). Дискурс времени в соцреализме. *Соцреалистический канон: сб. ст.* Санкт-Петербург.: Академический проект, 362-376.
- Бочарова И.А. (2009). Коммуникативность – феномен сознания Горького (эпистолярное наследие). *Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. Серия «М. Горький. Материалы и исследования».* Вып. 9. Москва, 356-373.
- Быстрова О. В. (2005). Неизвестная переписка. *Горький и его корреспонденты. Серия «М. Горький. Материалы и исследования».* Вып. 7. Москва: ИМЛИ РАН, 564-579.
- Быстрова О.В. (2016). «История фабрик и заводов»: по материалам переписки М. Горького и Н. Шушканова. *М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 года: Материалы XXXVI Международной научной конференции.* Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 14-25.
- Журавлев С.В. (1997). Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. Москва, 213.
- Кларк К. (2000). Положительный герой как вербальная икона. *Соцреалистический канон: сб. ст.* СПб.: Академический проект, 569-584.
- Московская Д.С. (2021). Пролетарская литература как проект. *Новое литературное обозрение*, 5(171), 92.
- Московская Д.С. (2020). Между философией и жизнью: Горький как институция. Maksim Gor'kij: Ideologie Russe e realtà Italiana. Atti del convegno per il 150° anniversario della nascita di Maksim Gor'kij. *Максим Горький: российские идеологические контексты и итальянские реалии. Сборник материалов конференции к 150-летию со дня рождения Максима Горького.* A cura di / под ред. Michaela Böhmig, Lucia Tonini, Donatella Di Leo, Olga Trukhanova. Testi Tradizione, 43-63.
- Московская Д. С., Бакшаева Н. Ю., Романова О. В. (2022). Массовость и «массовизация» в

- раннесоветском литературном процессе. Т. 7, 4, 10–33. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33
- Мурашов Ю. (2000). Письмо и устная речь в дискурсах о языке 1930х г.: Н. Марр. *Соцреалистический канон: сб. ст.* Санкт-Петербург.: Академический проект, 599-608.
- Примочкина Н.Н. (1998) *Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 1920-х годов.* М., 338.
- Суматохина Л. В. (2013). *М. Горький и писатели Сибири.* Москва: Инфа-М, 237.
- Шешуков С.И. (1970). *Неистовые ревнителы. Из истории литературной борьбы 20-х годов.* Москва, 336.

References

- Balina M. (2000). Diskurs vremeni v socrealizme [Discourse of time in socialist realism]. *Socrealisticheskij kanon: sb. St [Socialist Realism Canon: Collection of Articles]* [under the general editorship of X. Gjuntera and E. Dobrenko]. St. Petersburg. Akademicheskij proekt Publ, 362-376.
- Bocharova I. A. (2009). Kommunikativnost' – fenomen soznaniya Gor'kogo (epistol'yarnoe nasledie) [Communicativeness – a phenomenon of Gorky's consciousness (epistolary heritage)]. *Koncepciya mira i cheloveka v tvorchestve M. Gor'kogo. Seriya "M. Gor'kij. Materialy i issledovaniya" [The concept of the world and man in the works of M. Gorky. Series "M. Gorky. Materials and research."].* Moscow, vol. 9, 10-33.
- Bystrova O.V. (2005). Neizvestnaya perepiska [Unknown correspondence]. *Gor'kij i ego korrespondenty. Seriya "M. Gor'kij. Materialy i issledovaniya" [Gorky and his correspondents. Series "M. Gorky. Materials and research"]*. Moscow, vol. 7, 564-579.
- Bystrova O.V. (2016). "Istoriya fabrik i zavodov": po materialam perepiski M. Gor'kogo i N. Shushkanova ["History of factories and factories": based on correspondence between M. Gorky and N. Shushkanov]. *M. Gor'kij: uroki istorii. Gor'kovskie chteniya 2014 goda: Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [M. Gorky: history lessons. Gorky Readings 2014: Materials of the XXXVI International Scientific Conference]*. N. Novgorod: BegemotNN LLC Publ., 14-25.
- Klark K. (2000). RAPP i institucionalizacija sovetskogo kul'turnogo polja v 1920-h – nachale 1930-h gg. [RAPP and the institutionalization of the Soviet cultural field in the 1920s – early 1930s.]. *Socrealisticheskij kanon: sb. St [Socialist Realism Canon: Collection of Articles]* [under the general editorship of X. Gjuntera and E. Dobrenko]. St. Petersburg. Akademicheskij proekt Publ, 210-225.
- Moskovskaja D. S. (2020). Mezhdru filosofiej i zhizn'yu: Gor'kij kak institucija [Between Philosophy and Life: Gorky as an Institution]. *Maksim Gor'kij: rossijskie ideologicheskie konteksty i ital'janskije realii. Sbornik materialov konferencii k 150-letiju so dnja rozhdenija Maksima Gor'kogo [Maxim Gorky: Russian ideological contexts and Italian realities. Collection of conference materials for the 150th anniversary of Maxim Gorky's birth]* [under the general editorship of Michaela Böhmig, Lucia Tonini, Donatella Di Leo, Olga Trukhanova]. Testi Tradizione, 43-63.
- Moskovskaja D.S. (2021). Proletarskaja literatura kak proekt [Proletarian literature as a project]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* 5, 80-93.
- Moskovskaja D. S., Bakshaeva N. Ju., Romanova O.V. (2022) Massovost' i "massovizacija" v rannesovetskom literaturnom processe [Mass character and "massovization" in the early Soviet literary process]. *Studia Litterarum.* vol. 7, 4, 10-33. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33
- Murashov YU (2000). Pis'mo i ustnaya rech' v diskursah o yazyke 1930h g.: N. Marr [Writing and oral speech in discourses about language in the 1930s: N. Marr]. *Socrealisticheskij kanon: sb. St [Socialist Realism Canon: Collection of Articles]* [under the general editorship of X. Gjuntera and E. Dobrenko]. St. Petersburg. Akademicheskij proekt Publ, 599-608.
- Primochkina N.N. (1998). *Pisatel' i vlast'. M. Gor'kij v literaturnom dvizhenii 1920-h godov.* [Writer and power. M. Gorky in the literary movement of the 1920s]. Moscow, 338.
- Sumatohina L.V. (2013). *M. Gor'kij i pisateli Sibiri.* [M. Gorky and the writers of Siberia]. Moscow: Infa-M Publ., 237.
- Sheshukov S.I. (1970). *Neistovye revniteli. Iz istorii literaturnoj bor'by 20-h godov* [Furious zealots. From the

history of the literary struggle of the 20 s.]. Moscow, 1970. 336.

Zhuravlev S.V. (1997) *Fenomen "Istorii fabrik i zavodov": gor'kovskoe nachinanie v kontekste epohi 1930-h godov* [The phenomenon of "The History of factories and plants": Gorky's undertaking in the context of the era of the 1930s]. Moscow, 213.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 20.12.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторе

Наталья Юрьевна Бакшаева – соискатель, Отдел Рукописей, Институт мировой литературы РАН, Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-1234-7784; nbobresova@gmail.com

Bakshaeva N. Yu.

COMMUNICATIVE PRACTICES OF PARTICIPANTS IN THE PROJECT “HISTORY OF FACTORIES AND PLANTS”: M. GORKY, RAPW AND MAPW

Abstract. The article examines a specific episode in the history of the literary process in the 1920s-1930s – A.M. Gorky's participation in the activities of the Russian Association of Proletarian Writers. In the autumn of 1931, work began on the “History of factories and plants” – the main common cause of the writer and the organization. Within the framework of the project “Maxim Gorky and the grassroots literary movement”, it became possible to study the sources stored in the fund of the Moscow Association of Proletarian Writers (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences). Reports, transcripts of meetings of the literature groups at factories, district committees of the CPSU (The Communist Party of the Soviet Union), RAPW and MAPW members reflected the involvement of the grassroots literary movement in the work on the “History of factories and plants”. The writer's epistolary legacy and published documents supplemented archival sources, which allowed reconstructing the actors' communicative ties with Gorky. The structure of interaction was formed according to *he–they* scheme. Where *he* is Gorky, and where *they* are RAPW, MAPW, literary groups at factories, representatives of the association's board, grassroots authors – participants in Gorky's publishing project. The writer broke the classical vertical hierarchical structure of the actor's interaction. Therefore, a new communication system, parallel to the main one, emerged, headed by the formative institution – Gorky. In this way “History of factories and plants” writing teams were able to expand their creative activities. The literary groups of the MAPW at the factories managed to continue their work until 1933, after the liquidation of the RAPW in the spring of 1932, when the affairs of grassroots literary organizations were transferred to the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers.

Keywords: M. Gorky, Moscow Association of Proletarian Writers, Russian Association of Proletarian Writers, History of factories and factories, communication, proletarian writers' associations, mass writer.

For citation: Bakshaeva N. Yu. Communicative practices of participants in the project “History of factories and plants”: M. Gorky, RAPW and MAPW. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 70-82. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).70-82

Федосеева Т. В., Тимофеев Н. К.

СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ СЮЖЕТНО-СОБЫТИЙНЫХ СТРУКТУР НАРРАТИВНОЙ ЛИРИКИ Я. П. ПОЛОНСКОГО ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В статье анализируется нарративная лирика Я. П. Полонского 1880–1898 годов. Обозначены типы сюжетно-событийных структур лирических произведений в функции выражения творческого сознания автора. В ходе структурно-семиотического анализа выявлена включенность творчества Полонского в широкий литературный и культурный контекст. Сделаны наблюдения за рецепцией фольклорно-мифологических и религиозно-философских мотивов, формирующих в мире поэта универсальные онтологические смыслы и духовно-нравственные ценности. Из мотивно-тематического анализа выведены сюжеты о духовном несовершенстве человечества, жизненном цикле человека и страдающей от несовершенства мира душе. Сделаны выводы о том, что творческое сознание Полонского последнего периода творчества сосредоточено на проблемах духовной нищеты человечества, отчужденности современного ему общества от христианских ценностей: Бог, бытие, бессмертие, человек, душа, свобода воли, вера, надежда, любовь, спасение, соборность, человечество – в его картине мира имеющих первостепенное значение.

Ключевые слова: поздняя лирика Я. П. Полонского, структура лирического сюжета, мотивно-тематический анализ, внутреннее событие, творческое сознание автора.

Для цитирования: Федосеева Т. В., Тимофеев Н. К. Содержательность сюжетно-событийных структур нарративной лирики Я. П. Полонского позднего периода творчества // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 83-91. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).83-91

На современном этапе развития литературоведческой науки постоянно возрастает исследовательский интерес к личности и творчеству Я. П. Полонского. Появляется всё больше работ, специально посвященных анализу лирического наследия поэта, однако до настоящего времени остаются недостаточно разработанными вопросы, его позднего творчества. Ранее было справедливо замечена характерная для речевого оформления лирических текстов Полонского нарративность. О. В. Зыряновым лирические нарративы в творчестве поэта сведены к трём типам жанрово-родового высказывания: «драматизированного монолога», «жанровой сценки», «лирической (стихотворной) новеллы» [Зырянов, 2015, с. 148]. Данная классификация, направленная на типологизацию лирических нарративов, на наш взгляд, ограничивает выход на уровень ценностно-содержательного анализа лирики, при том, что именно этот уровень и позволяет, прежде всего, сформировать представление о характере творческой личности автора. Как уже было замечено ранее, лирический нарратив является одним из способов выражения творческого сознания автора [Чаркин, 2016]. Уточнение диапазона воплощенных в нарративной лирике Полонского смыслов и ценностей позволит прояснить до настоящего времени лишь частично изученный ценностно-содержательный мир позднего периода творчества поэта [Федосеева, 2022].

Таким образом, целью настоящего исследования является определение сюжетно-событийной структуры малоисследованной нарративной лирики Я. П. Полонского 1880–1898 годов с точки зрения выраженного автором содержания.

Опираясь на современные теории сюжета и нарратива в лирике, мы выделяем

сюжетно-событийную структуру лирических произведений исходя из значения понятий «лирическое событие» и «лирический мотив». Лирическое событие определяем как материальную основу поэтического текста, функционально отличающуюся от события в эпическом или драматическом произведении. Если образуемое в последовательности событий сюжетное действие эпического или драматического произведения объективировано и является следствием поступков героя, и последовательность событий складывается в результате его перемещения между позициями в пространственно-временной структуре произведения (хронотопами), то в лирическом произведении сюжет представляет собой последовательность изменений внутреннего состояния субъекта. По А. Н. Веселовскому, сюжетная сторона лирического текста формируется из мотивов («простых схем»), а их комбинации в качестве структурных элементов образуют системы – «сложные схемы» [Веселовский, 1989, с. 24]. В. Шмид назвал лирическое событие «ментальным» [Шмид, 2003, с. 10], а Н. Д. Тамарченко указал на сюжетную функцию лирического мотива в смене «тематического поля» изображенного в лирическом произведении мира [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 184]. Нами лирический мотив рассматривается как «комплекс чувств и переживаний, выраженных в художественной речи и повторяющихся в произведении или творчестве писателя», наделенный «структурообразующей функцией» [Федосеева, 2011, с. 136]. Применяя сложившуюся на настоящий момент методологию, мы приравняем определенные Веселовским «сложные схемы» к мотивным комплексам, структурирующим лирический текст, а их повторяемость считаем фактором выражения авторского сознания. «Сложная схема» или сюжет в лирике, составленный из «простых схем» – мотивов, поддаётся описанию, статистический подсчет показывает их повторяемость в произведениях автора.

Из девяноста восьми лирических произведений, написанных Я. П. Полонским в 1880–1898 годах, для анализа было отобрано тридцать одно стихотворение с нарративной структурой, что составило более 31% от общего объёма учтённых текстов и указывает на их высокую частотность. Классификация видов сюжетно-событийной структуры анализируемых произведений осуществляется средствами структурно-семиотического метода, их функции выявляются в ходе аксиологического комментария. В результате мотивного анализа отобранные для анализа тексты разделены на три группы, соответственно выстроенному нарратором сюжету как способу структурирования лирического содержания. Сформировано три содержательных группы, с сюжетами о духовном несовершенстве человечества, о жизненном цикле человека и о страдающей от несовершенства мира душе.

Многие из привлеченных к исследованию произведений позволяют говорить о влиянии сюжетно-мотивного балладного комплекса, попытка классификации которого была предпринята современным исследователем на материале русской поэзии более позднего периода [Куликова, 2021]. В нашей работе учитываются лишь те виды сюжетно-мотивного комплекса баллады, которые функционируют в избранных для рассмотрения лирических произведениях Полонского.

К балладному жанру восходит сюжетная группа стихотворений о духовном несовершенстве человечества, в которую включены обличительные мотивы

греховности или духовной нищеты людского рода. Схема организации сюжетов данной категории включает следующие мотивы: Божий замысел о человеке – греховность и духовная нищета человечества – искупление греха и надежда на спасение. В эту группу входит десять стихотворений, составляющих более 32% отобранного для анализа материала: «Струйка», «Эрот», «На снежной равнине...», «Золотой телец», «На мотив одной старой французской легенды», «Фантазия», «Живая статуя», «Тени и сны», «В засуху», «У храма».

Проанализируем сюжетно-событийное строение наиболее характерных поэтических текстов этой группы. Сюжет стихотворения «Золотой телец» восходит к ветхозаветному тексту и в нем открывается Божественный замысел о людском роде: «Свершалось чудо. Был отверст / Край неба, и небесный перст / Писал на каменных досках: / «Аз есмь Господь, – иного нет». / Так начал Бог святой завет» [Полонский, 1896, Т. 2, 401]. Однако люди греховны, отвергнув Бога и нарушив заключенный с Ним завет, они сотворили жертвы для тельца из золота и сберегли его даже после того, как он был свергнут. По мысли автора, этот соблазн сохраняется в человеческой истории до сего дня. В последней части стихотворения проявляется вера в преодоление этого соблазна и надежда, что Бог пошлёт на землю «нового Моисея» [Полонский, 1896, Т. 2, 405], чтобы тот сразил сохранённого идола. В стихотворении «Фантазия» используется аналогичная сюжетная схема. Во тьме веков жил человек: «с душой ребёнка зверь двуногий» [Полонский, 1896, Т. 2, 444]. С небес человеческому роду была послана Фантазия, чтобы приблизить его к Богу: «Фантазия нашла тот камень, – тот гранит, / И придала ему необычайный вид» [Полонский, 1896, Т. 2, 450], но люди, показывая свою духовную нищету, отнеслись к творению Фантазии как к идолу: «И долго дикари на чудище косились... / Вдруг, ужасом объятые, взмолились / И поползли к нему. – И взвыли: ты наш бог! / – Помилуй нас!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 450]. Заключительная часть сюжета этого стихотворения наполнена значительно большей верой в спасение человеческого рода и торжество христианства, чем в стихотворении «Золотой телец»:

И, водворяя власть любви, и красоты
И человечности, Фантазия страданью
Даст высший смысл и поведет
От созерцанья к мирозозерцанью;
И воплотится дух, и много раз умрет
И будет воскресать, и человек воздвигнет
Иной алтарь, и Сущего постигнет [Полонский, 1896, Т. 2, 452].

Сюжетно-событийная сторона другого произведения – «На мотив одной старой французской легенды» – тоже соответствует мотивному комплексу, определенному для данной группы. Сюжет построен на взаимодействии мотивов бедности, демонического и ангельского начал в мире людей. Голодный мальчик, разочаровавшись в людях и убедившись в их духовной скудости, грезит о крыльях, чтобы подняться в небо и там найти «краюшку хлеба» [Полонский, 1896, Т. 2, 410]. Искушающий ребенка демон дает ему такую возможность, чтобы убедить в том, что в небе ему не помогут. Через столетия бесплодных скитаний мальчик спустился на землю, где увидел человечество повергнутым в прах. Надежду отчаявшемуся страннику даёт ангел, который забрал его с собой – к «человеку», в место, недоступное

для демона: «Тайны этой не постигнет / Мир, возникнувший из праха, / Только демон ею бредит, / Но земля его не слышит» [Полонский, 1896, Т. 2, 412].

Таким образом, в группе лирических произведений с сюжетом о духовном несовершенстве человечества проявлено религиозно-философское содержание: автором показана тщета земных устремлений и привязанностей и утверждаются ценности Бога, соборного бытия человечества, надежды, животворящей силы любви.

Группа произведений с сюжетом о жизненном цикле человека включает в себя семнадцать стихотворений, составляющих 55% отобранного материала. В составе группы нами выделено несколько подгрупп: о взрослении, любовных испытаниях и духовном прозрении.

Строение лирических произведений, объединённых сюжетом взросления, подчиняется общей схеме: стабильное существование – переломный момент и переоценка ценностей – новый этап жизненного пути. Поэтика этого сюжетно-событийного комплекса, по нашим наблюдениям, включает мотив утренней зари как символа новой жизни [Федосеева, 2022]. В эту подгруппу включено шесть стихотворений, составляющих 20% отобранного материала: «Старик», «Аллегория», «Подросла», «Деревенский сон», «Дни изменчивы», «В новом доме».

Разберём наиболее показательные примеры сюжетно-событийной основы произведений этой подгруппы. Стихотворение «Старик» построено на циклической схеме подтипа, в нём представлена оппозиция мотивов: молодость/старость – старость/молодость, воплощенных в образах старика и девушки. Вначале старик шёл «с трудом одолевая / Ступеньки лестницы крутой», а «чудо-девушка, наверх за ним взбегая, / Казалось, веяла весной». В этот момент героиня находится в начале очередного жизненного цикла. Перелом, способствующий переоценке ценностей, содержится в реплике, утверждающей смену поколений как вечный закон бытия: «чтоб кто-нибудь / Мог перегнать тебя, когда тебя измучит / Крутой подъем, – житейский путь!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 330]. Автор утверждает неизбежность перехода от молодости к старости, где молодость со временем занимает место старости, а кто-то молодой двигается вперёд в очередном жизненном цикле. Герой стихотворения «Аллегория» тоже находится в пути, его дорога лежит через ночной мрак, лишь изредка озаряемый мелькающим вдали огоньком. Наблюдая ночной пейзаж, путник в своих мыслях обращен к общим вопросам земного существования, им овладевает стремление к переоценке своего жизненного пути – он хотел бы вернуть прошедшие годы: «Чтоб мог прижать я к сердцу вновь / Всё, что вперёд умчал злой рок: / Свободу, молодость, любовь...». Сюжет о ночном странствии цикличен, осознавая невозвратность связанных с молодостью радостей бытия, герой выражает надежду на то, что «новый день» даст утешение открытием иных жизненных ценностей, «Чтоб загоревшийся восток / Открыл мне даль, – чтоб новый день / Рассеял этой ночи тень, / Не так, как этот огонек!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 342]. О переломном моменте в судьбе юной девушки говорится в стихотворении «Подросла». Жизнь героини была спокойной и безмятежно радостной до момента возникновения любовного чувства. Потеряв душевный покой, она пребывает в сомнениях, не понимая, как соединить безмятежность прошлой жизни с теперешним состоянием: «Ворочусь я домой. / Что мне делать с родной!? / Как сказать ей: не знаю, родная, /

Что со мной!..» [Полонский, 1896, Т. 2, 414]. В ходе переосмысления себя и своего положения героиня стихотворения переходит на новую ступень осознания жизни.

В состав второй подгруппы данного мотивного комплекса входят девять стихотворений, объединяющих 29% отобранного материала: «На каланче», «У двери», «Зимой, в карете», «Неотвязная», «Вдова», «Гитана», «Хуторки», «Вот и ночь...», «Они». Каждое из них построено на сюжете несчастной любви, позволяющей герою или героине выйти на новый уровень самосознания.

Сюжет стихотворения «Вдова» начинается с загадки истовой молитвы и тусклого безжизненного взгляда «чернобровой вдовы» и намек на супружескую измену: «Страшно ей, говорят, / В образнице своей; / Где же ей замолить / Чары грешных ночей?...» [Полонский, 1896, Т. 3, 26]. Грех героини сокрыт от внешнего взгляда, но из речи автора-рассказчика следует, что он состоит не только в обмане и неверности, но и в убийстве – «покойный мой муж / Принял медленный яд» [Полонский, 1896, Т. 3, 30]. Наказанием для вдовы стал призрак покойного мужа, который ей является в метели и в погасшем свете луны, а обвинение в преступлении слышится в церковном звоне, лае пса и крике петуха. Сюжет этого стихотворения подсказан мистическим балладным комплексом, включающим мотивы супружеской неверности, смерти одного из супругов и мести мертвеца. Мотивы балладного жанра выделяются и в стихотворении «Гитана», сюжетно-событийная сторона которого построена на рассказе о неверности в любви и мести за измену. Пылкая любовь Гитаны и Дона-Педро оказалась мимолётной со стороны кавалера. Он не прошёл испытания любовью, обманув страстную испанку, и та страшно отомстила ему за предательство: «Она бредит, а всё ж за бесчестье / Нанесла она страшный удар, / Тот удар, что дворцы и базар / Называют кровавою местью» [Полонский, 1896, Т. 3, 51]. В стихотворении «У двери» представлен иной вариант сюжетной схемы непостоянства в любви. Герой ожидает свидания с возлюбленной, стоя у двери её комнаты и переживая тайну так и не открытой ему двери. В этой тайне ему мнится измена, и начинается стадия испытания чувств, которую герой не в силах пройти. Он осознает невозвратность потери, когда становится ясным, что новая встреча с возлюбленной невозможна: «С тех пор я, как потерянный, / Куда ни заходил, / Всё было пусто, холодно... / Чего-то след простыл...» [Полонский, 1896, Т. 2, 388].

Третья подгруппа произведений объединена сюжетом духовного прозрения субъекта, подводящего итог прожитой жизни, умирающего или близкого к смерти. Сюжетно-событийная структура текстов этой подгруппы основана на схеме: относительность жизненного благополучия – болезнь – воспоминания о прошлом или грёзы о будущем – уход в иной мир. Исповедальный характер высказывания субъекта речи в стихотворениях этого подтипа продиктован охлаждением перед лицом смерти ко всему земному. Остановимся на двух стихотворениях подтипа: «Умирающий» и «Лебедь», составившие более 6% отобранного материала.

Герой стихотворения «Умирающий» живет, как и большинство людей, не задумываясь о смерти. Он эгоистичен в отношении к людям, пользуется всеми возможными благами жизни, до тех пор, пока его не настигает внезапная и приносящая тяжкие физические страдания болезнь. Вспоминая о прошлом, «умирающий» понимает, что одинок, но не тяготится своим одиночеством. В

переживаемых страданиях он винит собственную телесность, рабом которой сознает себя и всех других людей: «...все мы – жалкие рабы, / Рабы бесчувственной природы, / Рабы изменчивой судьбы, / Рабы измышленной свободы / И плоти собственной рабы!» [Полонский, 1896, Т. 2, 335]. Монологу героя Полонский придает значение исповеди, в том смысле, который был определен В. И. Далем. Это выражение «искреннего и полного сознания, объяснения убеждений своих, помыслов и дел» [Толковый словарь..., 1955, с. 54]. «Умиравший» как бы со стороны видит не только свою жизнь, но и жизнь человечества. Подводя итоги, он спокоен и глубокомыслен, и уходит в иной мир, удивив слушателя как «мудреной речью» о духе и материи, так и сознанием того, что для человека возможен другой исход, только если он не становится рабом плоти:

«Блажен, кто верит до конца,
Кого не тешит временная слава,
И чья любовь ко всем дает святое право
Сказать: — “Я сын Небесного Отца” ...
Но я не из числа блаженных ...» [Полонский, 1896, Т. 2, 336].

В стихотворении «Лебедь» духовное прозрение явлено в предсмертных грёзах умирающей в одиночестве птицы. Отрешенный от суеты житейского благополучия толпы, развлекающейся музыкой и фейерверками в саду, лебедь угнетен духовно, его болезненное состояние вызвано разочарованием в земной жизни и полным охлаждением чувств. Всеми своими мыслями он устремлен к небу, мечтает подняться выше облаков, спеть последнюю, «вдохновенную» песню не о том, что временно и бренно, а о вечном, и быть услышанным: «Как на всё, на всё святое, / Что таил он от людей, / Там откликнутся родные / Стаи белых лебедей» [Полонский, 1896, Т. 2, 397].

Таким образом, сюжеты второй группы проанализированных нами стихотворений содержат размышления автора о превратностях и перипетиях земного пути человека и оценку его этапов через категории духовного, божественного и вечного. Лирический субъект Полонского утверждает антропологические ценности христианства: бессмертие души, свободу воли, надежду на исправление жизненного пути и духовное прозрение человека.

Третья группа стихотворений объединена сюжетом о страдающей от несовершенства мира душе. Лирическое содержание в них разворачивается из мотива угнетения духовного существа человека телесностью и неблагополучием внешних обстоятельств жизни. Построение сюжетов этой группы стихотворений состоит в последовательности мотивов скитания (реального или духовного) – поиска или обретения правды (свободы или веры) – победы духовного начала над телесным. В эту группу включено четыре стихотворения, которые составляют немногим менее 13% отобранного для анализа материала: «Прометей», «Я – чадо природы...», «Орёл и голубка», «Памяти В. М. Гаршина».

Рассмотрим лирические произведения этой группы с точки зрения сюжетно-событийной структуры. В мир стихотворения «Прометей» включены реминисценции на известные античные образы и мифологический сюжет, которые служат воссозданию лирического события оригинального авторского текста. Герой Полонского находится в пути, он обрёл свою правду в любви к людям и вступает в

борьбу за неё и свой «бессмертный дух» [Полонский, 1896, Т. 2, 318]. Подобно Прометею, подвергнутому богами жестоким физическим страданиям за любовь к людям, герой стихотворения Полонского болью искупает обретенную правду, одерживает духовную победу над «не вечными» богами и стесняющими дух формами физического существования: «Ведь то, что я создал / Любовью моей, / Сильнее железных / Когтей и цепей!!» [Полонский, 1896, Т. 2, 318]. Полонским трансформирован миф о Прометее, образ орла, посланного Зевсом для постоянной пытки героя, заменен образом чёрного ворона, в духе балладной традиции, когда inferнальные существа или животные вмешиваются в жизнь людей. Герой стихотворения преодолевает власть богов и обретает духовную свободу: «И что тогда, боги! / Что сделает гром / С бессмертием духа, / С небесным огнем?..» [Полонский, 1896, Т. 2, 320]. Абсолютная свобода духа и слабость плоти утверждается и в стихотворении «Я – чадо природы...», текст которого сопровождается державинским стихом в качестве эпиграфа: «Я червь – я бог». Духом герой стихотворения устремлен к Богу, а плотью прикован к земле: «А ты, дух мой, волен / Как птица, и – мне ли угнать за тобою?!..» [Полонский, 1896, Т. 3, 77]. В противостоянии телесности и духовности человека разворачивается внутренний сюжет о заточении свободного духа в несвободной природной оболочке и возможности для её преодоления: «Какая темница / Тебе помешает носиться высоко, / Беседовать с Богом / И смерти, на зло, видеть путь свой далёко!», но тут же утверждается невозможность полного освобождения: «Как чадо природы, – / Я раб: – я покорен всему, чем живу я...» [Полонский, 1896, Т. 3, 78]. По общей для третьей группы анализируемых в статье текстов схеме, но со сменой последовательности мотивов, построен внешний сюжет стихотворения «Орёл и голубка». Голубка лишена свободы, она оказалась во власти орла, молит похитителя о снисхождении и помилована им: «И внял мольбам великодушный» [Полонский, 1896, Т. 2, 361]. Обретя временную свободу, голубка улетела навстречу буре, чтобы где-то далеко обрести свободу постоянную, но погибла – телесная форма оказалась слабее душевного стремления к свободе. В развитии сюжета о пленении и освобождении героини просматривается балладный нарратив о попытке преодоления действия inferнальной силы, не приведшей к исполнению желания. Сюжет, представленный в стихотворении «Памяти В.М. Гаршина», как и рассмотренный выше, построен на изменённом мотивном порядке. Он развернут из мотива больной души поэта, заточённой в теле человека и одиноко противостоящей порокам общества. Обладатель «больной души» не может жить вне общества, равно как и «заодно брести с толпой». Его земная жизнь обрывается, и душа освобождается от мира, который «... был теплицей, / Где гордой пальме места нет» [Полонский, 1896, Т. 2, с. 371].

Итак, сюжетно-событийная структура стихотворений о страдающей душе актуализирует двойственную природу человека, поврежденную грехом. Выраженный ими смысл близок Посланию апостола Павла: «...плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал. 5: 16–18). В нарративе объективированного персонажа произведений третьей группы реализуется лирическое событие: угнетенное состояние страдающего от несвободы субъекта, выраженное мотивом ограниченности духа телесностью и

стесняющими свободу внешними обстоятельствами, разрешается ожиданием духовного освобождения за пределами земного существования.

Обобщая вышесказанное, заметим, что проанализированный в статье литературный материал распределен среди сюжетно-содержательных типов следующим образом: о духовном несовершенстве человечества составили более 32%, о жизненном цикле человека – 55% (взросление – 20%, любовные испытания – 29%, духовное прозрение – 6%), о страдающей душе – менее 13%. Такое соотношение позволяет сделать вывод о преобладании в сознании Я.П. Полонского последнего периода творчества онтологической и антропологической проблематики. Проведённый анализ проясняет представление о ценностном мире поэта, в котором выражается скорбь о духовной нищете современников. Авторский взгляд направлен в сторону осмысления незначительности земного бытия перед божественным, вечного противостояния плоти и духа. Обозначен и путь преодоления этого конфликта, он в пренебрежении суетными целями «временной славы» и обретении «любви ко всем».

Литература

- Веселовский А. Н. (1989). Историческая поэтика. Москва: Высш. шк., 404.
- Зырянов О. В. (2015). Своеобразие лирического нарратива в поэзии Я. П. Полонского. *Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха*. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 148–160.
- Куликова Е. Ю. (2021). Сюжетно-мотивные комплексы баллады акмеизма. *Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология»*, 3, 551–563.
- Полонский Я. П. (1896). Полное собрание стихотворений. В 5 т. Т. 2. Санкт-Петербург.: Изд. А. Ф. Маркса, 460.
- Полонский Я. П. (1896). Полное собрание стихотворений. В 5 т. Т. 3. Санкт-Петербург.: Изд. А. Ф. Маркса, 484.
- Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. (2004). *Теория литературы*: В 2 т. Т. 1. Москва: Изд. центр «Академия», 512.
- Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (1955): в 4 т. Т. 2. Москва: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 779.
- Федосеева Т. В. (2011). *Введение в литературоведение*. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 212.
- Федосеева Т. В. (2022). Ценностное наполнение мотивного комплекса зари в лирике Я.П. Полонского. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. Т. 10, 2(20), 135–155.
- Чаркин В. В. (2016). Лирический нарратив как способ выражения авторского сознания в лирике С. Я. Надсона. *Ученые записки ОГУ*, 1(70), 141–145.
- Шмид В. (2003). *Нарратология*. Москва: Яз. славян. культуры, 311.

References

- Charkin V. V. (2016). Liricheskiy narrativ kak sposob vy`razheniya avtorskogo soznaniya v lirike S.Ya. Nadsona [Lyrical narrative as a way of expressing the author's consciousness in the lyrics of S.Ya. Nadson]. *Ucheny`e zapiski OGU [Scientific notes of OSU]*, 1(70), 141–145.
- Fedoseeva T. V. (2011). Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Studies]. Ryazan, RSU named after. S. A. Yesenina, 212.
- Fedoseeva T. V. (2022). Cennostnoe napolnenie motivnogo kompleksa zari v lirike Ya.P. Polonskogo [The value content of the motivic complex of dawn in the lyrics of Ya.P. Polonsky]. *Issledovatel`skij zhurnal russkogo yazy`ka i literatury` [Research Journal of Russian Language and Literature]*. Vol. 10, 2(20), 135–155.
- Kulikova E. Yu. (2021). Syuzhetno-motivny`e komplekсы` ballady` akmeizma [Plot-motive complexes of the ballad from Acmeism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of

Udmurt University. Series: "History and Philology", 3, 551–563.

- Polonskij Ya. P. (1896). *Polnoe sobranij stixotvorenij* [Complete collection of poems]: in 5 vols, vol. 2. Saint Petersburg, Publishing house A.F. Marx, 460.
- Polonskij Ya. P. (1896). *Polnoe sobranij stixotvorenij* [Complete collection of poems]: in 5 vols, vol. 3. Saint Petersburg, Publishing house A.F. Marx, 484.
- Shmid V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Languages of Slavic culture, 311.
- Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Brojtman S. N. (2004). *Teoriya literatury* [Literary theory]: in 2 vols, vol. 1. Moscow, Publishing center "Academy", 512.
- Tolkovyj slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka V.I. Dalja [*Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl*] (1955): in 4 vols, vol. 2. M.: State Publishing House foreign and the national dictionaries, 779.
- Veselovskij A. N. (1989). *Istoricheskaya poe`tika* [Historical poetics]. Moscow, Higher School, 404.
- Zy`ryanov O. V. (2015). *Svoeobrazie liricheskogo narrativa v poe`zii Ya.P. Polonskogo* [The originality of the lyrical narrative in the poetry of Ya.P. Polonsky]. Ya.P. Polonskij: tvorchestvo, sud`ba, e`poxa [Ya.P. Polonsky: creativity, fate, era]. Ryazan, RSU named after. S.A. Yesenina, 148–160.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.11.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Татьяна Васильевна Федосеева — доктор филологических наук, доцент, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; ORCID: 0000-0002-5540-5051; t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

Николай Константинович Тимофеев — аспирант, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; ORCID: 0009-0006-2363-7129; russiacrafter@yandex.ru

Fedoseeva T. V., Timofeev N. K.

THE CONTENT OF THE PLOT AND EVENT STRUCTURES JA. POLONSKY'S NARRATIVE LYRICS OF THE LATE PERIOD OF CREATIVITY

Abstract. The article analyzes the narrative lyrics of Ya. Polonsky 1880–1898. The types of plot-event structures of lyrical works in the function of expressing the creative consciousness of the author are indicated. In the course of structural-semiotic analysis, the inclusion of Polonsky's work in a broad literary and cultural context was revealed. Observations are made of the reception of folk-mythological and religious-philosophical motifs that form universal ontological meanings and spiritual and moral values in the poet's world. From the motive-thematic analysis, plots about the spiritual imperfection of humanity, the life cycle of a person and the soul suffering from the imperfections of the world are derived. Conclusions are drawn that Polonsky's creative consciousness of the last period of creativity is focused on the problems of spiritual poverty of humanity, the alienation of his contemporary society from Christian values: God, being, immortality, man, soul, free will, faith, hope, love, salvation, conciliarity, humanity – is of paramount importance in his picture of the world.

Keywords: late lyrics by Ya. Polonsky, structure of the lyrical plot, motive-thematic analysis, internal event, creative consciousness of the author.

For citation: Fedoseeva T. V., Timofeev N. K. The content of the plot and event structures Ja. Polonsky's narrative lyrics of the late period of creativity. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 83-91. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).83-91

Дорофеева Л. Г., Макарова О. Ф.

МОТИВЫ ДУХОВНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры внутренней борьбы героев Киево-Печерского патерика со своими страстями. Тексты новелл исследуются в герменевтическом ключе в их соотношении с религиозно-дидактическими целями произведения и с Евангельским контекстом повествования. В новеллах Киево-Печерского патерика отражены христианские представления о грехе, среди которых – сребролюбие, зависть, сладострастие и другие. В изображении духовной борьбы монаха в Патерике делается акцент на свободе его выбора и направленности своей воли к воле Божией. Следуя Евангельским заповедям Христа, монахи достигают главной цели монашеской жизни – победы над страстями и уподобления Христу. Автор приходит к выводу о том, что «невидимая брань» становится доминантой образов героев патериковых новелл, а мотивы духовного подвижничества являются основными в системе топосов Киево-Печерского патерика, организуя композиционную структуру новелл и выполняя агиологическую функцию.

Ключевые слова: древнерусская литература, Киево-Печерский патерик, мотив, топос, герменевтический анализ, монашество, духовный подвиг, библейская цитата.

Для цитирования: Дорофеева Л. Г., Макарова О. Ф. Мотивы духовного подвижничества в Киево-Печерском патерике // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 92-100. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).92-100

Киево-Печерский патерик – это первый на Руси оригинальный сборник рассказов религиозного характера о жизни, чудесах и подвигах святых отцов, созданный по византийским переводным образцам. Такие рассказы мы вслед за Л. А. Ольшевской и М. Е. Башлыковой можем назвать «патериковыми житиями» [Ольшевская, 1999; Башлыкова, 2010]. Они представлены в форме коротких новелл, в центре повествования которых – самые яркие и значимые события из жизни монахов-насельников Киево-Печерской лавры, чьи духовные подвиги и стойкость веры поражают читателя драматизмом и экспрессией своего художественного воплощения.

Рассмотрим некоторые аспекты духовного подвижничества героев Киево-Печерского патерика. В своей работе мы используем мотивный метод исследования, а также опираемся на герменевтический метод, одним из принципов которого является изучение текста в ценностно-смысловом взаимодействии частей и целого, где пересекаются и сосуществуют культурные, исторические, религиозные концепты и коды, «смысловые ключи» [Дорофеева, 2013]. Мы соотносим текст Патерика с его историческим контекстом в его принадлежности к церковно-религиозной культуре: это произведение положило начало освещению истории русской святости изображением подвигов первого русского монашества и созданием образов святых, что связывает его со Священным преданием.

Исследуя житийные мотивы в структуре Киево-Печерского патерика как агиографического произведения, поясним, что в литературоведении нет единой концепции значения термина «мотив» [Непомнящих, 2019]. Одно из первых определений мотива как «простейшей повествовательной единицы, образно ответившей на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения», дал А. Н. Веселовский, разграничивая мотив и сюжет как комплекс мотивов: «Под сюжетом

я разумею тему, в которой снуются разные положения-мотивы» [Веселовский, 1989]. Анализируя поэтику Киево-Печерского патерика, мы следуем теории Т. Р. Руди о том, что в житийных произведениях мотив является содержательной составляющей текста и может быть отнесен к топике произведения, где главными характеристиками литературного топоса являются «устойчивость (в диалектическом единстве с развитием), закреплённость за определенным элементом композиции памятника, <...>, повторяемость и действенность» [Руди, 2005]. Руди отмечает, что система топосов в поэтике жития определяется типом подвига святого и чином святости, к которому относится подвижник, а также ориентацией автора агиографического текста и описываемого им святого на образцы (*imitatio Christi*, *imitatio angeli* и т.п.) [Руди, 2005; Руди, 2006]. В Киево-Печерском патерике мы рассматриваем краткие жития преподобных отцов и мучеников за христианскую веру, в этой связи мотивы духовных подвигов монахов будут особенно значимы в повествовании.

В данной статье мы обращаемся ко второй Кассиановской редакции, опубликованной по списку конца XV – начала XVI века [БЛДР, 1997]; основу ее составляют переписка между Владимирским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом, а также послания Поликарпа к игумену Акиндину, к которым прилагаются рассказы о печерских святых (девять рассказов Симона и одиннадцать Поликарпа). В состав этой редакции также входят Житие Феодосия, «Похвала преподобному отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому», «Слово о преподобном Исакии Пещернике», «Вопрос благоверного князя Изяслава о латинянах» и многочисленные летописные включения. Ограниченные рамками статьи, мы не сможем рассмотреть здесь Житие Феодосия и все тексты этой редакции, уделим внимание некоторым новеллам Киево-Печерского патерика.

Г. П. Федотов пишет: «Общее впечатление от Патерика: здесь веет совсем иной дух, нежели в житии Феодосия. Почти непонятной представляется связь Феодосия с этими духовными детьми его. Скажем сразу: здесь все сурово, необычайно, чрезмерно: и аскетизм, и тавматургия, и демонология...» [Федотов, 2000].

Многие новеллы Патерика посвящены борьбе насельников монастыря со своими страстями, преодолению искушений и исполнению главных заповедей Христа, данных Им в Евангелии. Это тяжелая борьба, зачастую не всегда удачная, с внутренними врагами, – «невидимая брань» каждого из героев с самим собой. Как пишет прп. Никодим Святогорец, «это та наша брань, какую каждый христианин воспримлет с того часа, как окрестится и даст пред Богом обет – воевать за Него во славу божественного имени Его даже до смерти» [Прп. Никодим Святогорец, 2013]. «Поприще брани, бранное поле, где происходит самая борьба, – объясняет Никодим Святогорец, – есть собственное наше сердце и весь внутренний человек; время брани – вся наша жизнь. <...> Враги же – «бестелесные и неявные, кои суть различные страсти и похотения плоти и демоны злые и человеконенавистные...» [Прп. Никодим Святогорец, 2013].

Примеры такой внутренней битвы с самим собой, когда иноки сталкиваются с искушениями и преодолевают их, находим в истории об Иоанне и Сергии, которые «увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе Богородицы, и в духовное братство вступили» (с. 310) (Прим. 1). Когда Иоанн разболелся, то завещал часть своего

имущества другу, «яко брату вѣрну», чтобы он передал его впоследствии ребенку своему Захарию, отданному на воспитание Сергию. Сергей же, подстрекаемый дьяволом и собственной страстью, трижды отказался вернуть чужое золото и серебро. Спасти черноризца от греха сребролюбия помогла икона Богородицы: глядя на икону, Сергей не смог дать ложную клятву, что у него нет спрятанного имущества, преодолел искушение и покаялся прямо перед иконой, – за что и был вознагражден удвоением богатства: «Та бо усугуби Господь, отдатель милостивымъ» [БЛДР, 1997, т. 4, с. 312] (с. 312) (Прим. 1). Вспомним, что Иоанн Лествичник упоминал грех сребролюбия как одну из страстей: «Сребролюбец есть хулитель Евангелия и добровольный отступник» [Преп. Иоанн Лествичник, 2013]. О том, что между текстами Киево-Печерского патерика и «Лествицей Духовной» Иоанна существует соответствие, и авторы-монахи были знакомы с этим произведением, уже писали исследователи [Дорофеева, Рябец, 2022]. Отметим, что речь в этом рассказе идет именно об опасности *погибели души*: «Сий же, уязвень бывъ от диавола, и мнѣвъ приобрѣсти богатество, и хоте живот съ душею погубити» (с. 312). Страсти здесь, как и везде в Патерике, часто связаны с образами бесов, бесовской силы и врага-дьявола. Полем битвы, таким образом, оказывается душа послушника.

Как мы помним, христианская картина мира теоцентрична: все находится во власти Бога. Однако в результате грехопадения человек утратил свою божественность, и чтобы возвыситься, вернуться к Образу Божию в себе, он должен совершить выбор: отойти от греха и преодолеть искушения – то есть спасти свою душу; либо остаться на пути соблазна, погубив ее. То, как человек воспользуется своей свободой выбора, – «одна из главнейших тем древнерусской литературы» [Ужанков, 2022]. Когда герой повествования, Сергей, принимает божественную сторону, он удостоивается помощи Господа и Богородицы.

Борьбу с грехом сребролюбия и победу над ним с Божией помощью мы видим также в рассказе об Арефе-черноризце, у которого воры украли серебро. Страсть к материальному богатству героя этой истории невероятно сильна. Господь помогает Арефе противостоять ей, послав к нему ангелов, которые спорят с бесами за душу Арефы. Когда монах осознает, что нельзя держаться за богатство, а лучше с благодарением Господу отдать все нуждающимся, то обретает радость победы над самим собой: «И ту абие бѣси изъчезоша, и аггели възрадовашася, и вписаше въ милостыню погыбшее сребро» (с. 388). Новелла имеет назидательный характер, объясняя читателю необходимость понимания греховности материальных привязанностей для души. Повествование отсылает нас к Библии, включая героя в контекст Священного предания – Арефа сравнивается с Иовом, на которого Бог насылал невзгоды. Иов благодарил Господа за все, что выпало на его долю, и был вознагражден (Иов 42, 10-17).

Герои Патерика находятся в эпицентре теургии, Священной истории – Бог, Богородица, ангелы с одной стороны, и с другой стороны – «ненавидящий добро дьявол» (с. 389); в центре драматического конфликта повествования – душа монаха, совершающего свой нравственный выбор. Согрешившие, но покаявшиеся иноки заслуживают прощение, ведь они ведут тяжелый бой со своими страстями, они воины Христовы, которые делают свой выбор – принимают божественную сторону добра. В

новелле о Моисее Угрине, замученном в плену знатной женщиной, искушавшей его грехом сладострастия, стойкость духа приравнивается именно к стойкости воина: «Преподобный же, възмогъ от ранъ, прииде ко святѣй Богородици в Печерский святы монастырь, нося на собѣ мученическыя раны и венець исповѣдания, яко победитель и храборъ Христовъ. Господь же дарова ему силу на страсти» (с. 426).

В истории, произошедшей между двумя братьями монастыря, очень дружившими, но сильно рассорившимися, – Евагрии-диаконе и Тите-попе – мы видим противоположные полюса битвы – ненависть и любовь, гнев и смирение: «Два брата бѣста по духу: Евагрий-дияконъ, Тить же попъ. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмъ дивитися единоумию их и безмѣрней любви. Ненавидяй добра диаволь, иже всегда рыкаеть, яко левъ, ища кого поглотити, и сътвори им вражду, и таку *ненависть* вложи има, яко и в лице не *хотяху* видѣти другъ друга, и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смирится има съ собою, они же ни слышати хотяше» (с. 388). Сюжет рассказа отсылает нас к Евангелию, где Христос говорит: «Аще убо принесуши даръ твой ко олтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой» (Мф. 5: 23-24). Евагрий же не смирился: он так и не смог простить Тита и умер во грехе. А Тит сумел преодолеть вражду и был избавлен Богом от смертельной болезни: «Болный же скоро въставъ, яко николиже болѣвъ» (с. 390). В простом, на первый взгляд, рассказе о раздоре герои также оказываются в центре дихотомии добра и зла, противостоянии божественного и греховного в человеке. Автор рассказа, Симон, предупреждает Поликарпа, что необходимо опасаться страстной вражды и «беса гнева»: «От неа же и ты, брате, блюдися, да не дай же мѣста гнѣвному бѣсу, емуже бо кто повинется, тому и поработится» (с. 390). Автор приводит соответствующие назидательные примеры из Библии: «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повинень есть суду» (Мф. 5, 22); «Оставьте – оставятся вам» (Ср.: Лк. 6, 37–38; Мф. 7, 1) (с. 390).

Рассматривая Киево-Печерский патерик как произведение религиозного, церковного назначения, необходимо отметить его многоуровневую организацию. Авторы патериковых рассказов – Нестор, Симон, Поликарп – не только описывали духовные подвиги святых отцов, но иллюстрировали их цитатами из Библии. Как отмечает М. Е. Башлыкова, для стилистики текстов древнерусской литературы характерно «наличие кратких и развернутых уподоблений, аллюзий и перифразов, прямых и скрытых цитат в качестве обязательных элементов» [Башлыкова, 2010]. Они «вплетаются в авторскую речь» и, будучи «встроены в повествование», выполняют важную роль: отсылают нас к своему прямому источнику – библейскому тексту, подключая повествование о простом к семантически более сложному плану. Такая особенность агиографической литературы призвана была продемонстрировать связь изображаемого героя с христианскими идеалами и следование спасительному пути [Башлыкова, 2010]. Герои Киево-Печерского патерика действуют в едином сакральном пространстве-времени Священного предания. Они совершают свою личную битву, свой духовный подвиг во имя веры, при этом их персональные жития одновременно включены в «универсальный и панхронический план» Священной истории [Топоров, 1995], отсюда многоплановость древнерусского текста и художественных образов.

Так, в новелле «О многотерпеливом Иоанне Затворнике» также реализуется устойчивый и характерный для Киево-Печерского патерика мотив духовной битвы героя со своей греховной страстью и победы над ней. При этом в повествовании об аскетическом подвиге черноризца возникают многочисленные аллюзии и соответствия, включающие образ святого во вневременной контекст Священного предания. Желания плоти и стремления к наслаждениям мучали Иоанна, персонифицируясь в образе дьявола – страшного змея. Мотив искушающего дьявола прямо отсылает нас и к истории грехопадения Адама, и к искушению Христа в пустыне. Иоанн, борясь со своим соблазном, не уступая змею, взмолился к Господу о спасении своей грешной души, и его словесная молитва к Богу: «Господи Боже, Спасе мой! Въскую мя еси оставилъ?» (с. 414) – напоминает нам мольбу Иисуса, страдающего на кресте. Преподобный смог побороть свою греховную страсть – «злую муку», на него снизошел Святой Дух.

Мы видим, как монахи ведут тяжелую битву со своими страстями, преодолевая невероятные искушения. Их подвиги разные. Многие из подвижников терпят страшные физические и нравственные мучения, всей своей жизнью стараясь следовать Христу и Его заповедям. В повествовательной структуре новелл Киево-Печерского патерика реализуется принцип «imitatio Christi». Как отмечает А.Н. Ужанков, «Иисус Христос закончил земной путь страданиями – страстями. Одиннадцать из двенадцати апостолов были страстотерпцами, т. е. мучениками за веру (μάρτυς, μάρτύρος)» [Ужанков, 2022]. Мученичество – «это следование путем Христовым, повторение страстей и искупительной жертвы Христа. Христос выступает как первообраз мученичества...» [Живов, 1994]. Библейские корни этого находятся в словах самого Иисуса: «Научитесь от Меня» (Мф.11:29) и «Будьте совершенны как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48), «Я есть путь, истина и жизнь» (Ин.14:6).

Показательны в этой связи новеллы о Евстратии-постнике и черноризце Никоне «Сухом», которые приняли муки за христианскую веру. Евстратий был распят на кресте и, подобно Иисусу, проткнут копьём. В поминовении его стали звать «Протостратор» (с. 368), что по-гречески означает «первоподвижник». Никон, прозванный «Сухим», истек кровью от пыток язычников. Преподобные Григорий Чудотворец, Феодор и Василий, другие герои новелл Киево-Печерского патерика, также мученически гибнут, жертвуя собой ради идеалов христианской веры.

Как мы уже отмечали, в христианской антропологии утверждается несовершенство человеческой природы, ставшей таковой после грехопадения. Христос пришел на землю, чтобы своим примером показать образец нравственной жизни – путь спасения души. Тема спасения души в произведении неотделима от темы духовного подвижничества. А. Н. Ужанков пишет: «Мировоззрение древнерусских писателей (по преимуществу монахов) основывалось на православной вере, согласно которой цель жизни человека – спасение души. Отсюда *основная тема* всей древнерусской словесности – спасение души. Каждое житие святого дает конкретный пример такого спасения. Но кто явил первый образ и указал путь ко спасению? Ответ здесь очевиден: Иисус Христос – в своем учении, отраженном в Его земном подвиге. За Спасителем идут его ученики – апостолы» [Ужанков, 2022].

Тема спасения души выражена в Патерике имплицитно – в сюжетных коллизиях,

в скрытых библейских аллюзиях и соответствиях, и эксплицитно, что можно увидеть на примере переписки епископа Симона и инока Поликарпа. В своем назидательном послании Симон пишет: «Брате! Съд в безмолвии, събери си умъ свой и рци к себѣ: «О, убозей иноче, неси ли мира оставил и по плоти родитель Господа ради?» Аще же и здѣ, пришед *на спасение, не духовнаа твориши*, и что ради в чернеческое имя облъкъся еси?» (с. 354).

Автор послания сообщает Поликарпу о важности именно *духовной стороны* жизни и необходимости смирения: «Въспряни, брате, и попецися мыслено о своей *души*! Работай Господеви съ страхом и съ всякою смиреною мудростию!» (с. 354). Симон пишет о чувстве обиды Поликарпа как о недоброй страсти: «А еже въписаль ми еси досаду свою, — люте тебѣ: *погубил еси душу* свою! Въпрошаю же тя, чимъ хоцещи спастися?» (с. 358) Печерский черноризец получает и прямое наставление – нужно исправить в себе прегрешения и так «победить всю силу вражью» (с. 356). Таким образом, внимание автора сосредоточено на необходимости для монаха работы над собой – борьбы со своими страстями.

Т. И. Ковалева отмечает, что в Киево-Печерском патерике выделяется ряд новелл о так называемых «грешных святых» – покаявшихся в грехе и достигших святости монахов [Ковалева, 2016]. По мнению исследовательницы, авторы выстраивают тексты новелл по аналогии с евангельскими притчами, в которых реализация темы «греха – покаяния – спасения», соответствующей «богословской триаде», является приемом дидактического воздействия на читателя и организует весь патериковый ансамбль [Ковалева, 2016]. Мотивы духовного подвижничества преподобных, их внутренней борьбы с искушениями и победы над своими страстями глубоко связаны с этими темами, они выполняют агиологическую функцию в произведении, являясь основными в системе топосов Киево-Печерского патерика.

Ограниченные рамками статьи, мы не можем рассмотреть все примеры духовных подвигов, представленных в Киево-Печерском патерике. Отметим главное: герои патериковых житий, по сути, являются первыми христианами Русской земли. Изображенные в Патерике монахи – самые разные люди: Иоанн и Сергей, Тит и Евагрий, Моисей Угрин, Иоанн Затворник и многие другие, которые приходят в монастырь, трудятся и служат Богу и ближним, преодолев искушения и выиграв свою собственную битву со страстями. Некоторые мученически гибнут за веру (как Евстратий, Никон «Сухой», Григорий Чудотворец, Василий и Феодор), уподобляя свою жизнь Христу. Первые русские подвижники стали добровольными и совершенными Его последователями, следуя Евангельским заповедям, осознанно принимая страдания за веру. Праведным житием и молитвами спасали они не только свою душу, но помогали всем, кто обращался к ним за помощью в трудные времена. Г. В. Федотов писал: «В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути...» [Федотов, 2000]

По словам иеромонаха Иоанна Кологривова, «русская религиозная совесть никогда не удовлетворялась зрелищем личного спасения одной индивидуальной души, она всегда была озабочена общим спасением. Все души связаны между собою и ни одна не приходит к Богу без того, чтобы не увлечь за собою других.

Следовательно, спастись надо вместе, а не каждому в отдельности» [Кологривов, 1991]. В связи с этим необходимо отметить непреходящее значение и важность Киево-Печерского патерика как сборника монастырских рассказов и житий святых отцов, связанных с историей подвижничества на Руси. Недаром Киево-Печерский монастырь считался центром духовной жизни в течение многих веков.

Таким образом, основными мотивами духовного подвижничества в Киево-Печерском патерике, связанными с особенностями раннего этапа становления русского монашества, являются битва с собственными страстями, борьба с искушениями и стремление к спасению души. Эти мотивы отражают религиозные представления авторов Патерика о греховности человеческой природы и необходимости преодоления ее: герои патериковых житий приближаются к Евангельскому идеалу, стараясь соблюдать Божественные заповеди, во всем подражая Христу. Безусловно, духовным подвигом является в Патерике смиренное принятие на себя добровольного мученичества ради идеалов христианской веры. Во многих новеллах «невидимая брань» и победа над искушениями как результат собственного духовного выбора и самоограничения являют суть подвига монаха. Таким образом, мотивы духовного подвижничества, составляя систему агиографических топосов, организуют содержательную структуру Киево-Печерского патерика, выполняя смысловую, дидактическую и агиологическую функции.

Примечания

1. Здесь и далее страницы указываются в круглых скобках в тексте рядом с цитатой по этому изданию.

Литература

- Башлыкова М.Е. (2010). Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года. *Герменевтика древнерусской литературы*. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 15, 201-202; 190-191.
- БЛДР (Библиотека литературы Древней Руси) (1997). В 19 т. Т.4. Санкт-Петербург : Наука.
- Веселовский А. Н. (1989). Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 305.
- Дорофеева Л. Г. (2013). *Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI - первая треть VII века)*. Калининград, 15-28.
- Дорофеева Л. Г., Рябец В. А. (2022). Киево-Печерский патерик в контексте «Лествицы» Иоанна Синайского: функция цитаты. *Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского (23–24 сентября 2022 года. Ярославль: «Филигрань»*), 112-119.
- Живов В.М. (1994). Святость. *Краткий словарь агиографических терминов*. Москва, 58.
- Ковалева Т.И. (2016). Тема покаяния грешника в Киево-Печерском патерике. *Universum Humanitarium*, 2 (1), 136, 140.
- Кологривов Иоанн, иеромонах. (1991). *Очерки по истории русской святости*. Editrice ISTINA, Siracusa, 11-12.
- Непомнящих Н.А. (2019). Житийные сюжеты и мотивы в новой литературе: к вопросу об изучении и классификации. *Сюжетология и сюжетография*, 1, 123. DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-123-138.
- Ольшевская Л.А. (1999). «Прелесть простоты и вымысла...» *Древнерусские патерики*. Москва, 244-245.

- Прп. Иоанн Лествичник. (2013). *Лествица, возводящая на небо*. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 230.
- Прп. Никодим Святогорец. (2013). *Невидимая брань*. Изд-во Почаевской Лавры, 2-3.
- Руди Т. Р. (2005). Топика русских житий (вопросы типологии). *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*. Санкт-Петербург, 59-102, 62. Портал Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/топика-русских-житий-вопросы-типологии> (дата обращения: 31.10.2023).
- Руди Т. Р. (2006). О композиции и топике житий преподобных. *Труды отдела древнерусской литературы*, Т.57, 431-500. Портал Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/о-композиции-и-топике-житий-преподобных> (дата обращения: 31.10.2023).
- Топоров В. Н. (1995). Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. Москва, 618.
- Ужанков А. Н. (2022). Картина мира древнерусского книжника. *Категории русской средневековой культуры*. [Электронное сетевое издание]. Москва, 8, 82. DOI 10.34685/NI.2022.86.40.004.
- Федотов Г. П. (2000). Собр. соч. в 12-ти т. Т.8. Святые Древней Руси. Москва, 44, 5.

References

- Bashlykova M. E. (2010). Topika zhitij v Kievo-Pecherskom paterike redaktsii 1661 goda. [Topics of hagiographies in the Kievo-Pechersky Paterikon of 1661 edition]. *Germeneytika drevnerusskoy literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 15, 201-202, 190-191.
- Biblioteka literatury Drevney Rusi. (1997). V. 19 t. T.4. [Library of the Literature of Ancient Russia. In 19 vols. V.4.] Saint Petersburg. (Pages from this edition are in round brackets).
- Veselovskiy A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]*. Moscow, 305.
- Dorofeeva L. G. (2013). Chelovek smirennyy v agiografii Drevney Rusi (XI - pervaya tret' XVII veka) [The Humble Man in the Hagiography of Ancient Russia (11th – the first third of the 15th century)]. Kaliningrad, 15-28.
- Dorofeeva L. G., Ryabets V. A. (2022). Kievo-Pecherskiy paterik v kontekste «Lestvitsy» Ioanna Sinayskogo: funktsiya tsitaty. [Kievo-Pechersk Paterik in the context of the "Lestvitsa" of John of Sinai: the function of quotation]. *Filologicheskie chteniya. Chelovek. Tekst. Diskurs: V Vserossiyskaya s mezhdunarodnym uchastiem nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 80-letiyu so dnya pamyati Alekseya Alekseevicha Ukhtomskogo, 23–24 sentyabrya 2022 goda [Philological Readings. Man. Text. Discourse: V All-Russian with international participation scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the memory of Aleksei Alekseevich Ukhtomsky, 23-24 September 2022]*. Yaroslavl', 112-119.
- Kovaleva T. I. (2016). Tema pokayaniya greshnika v Kievo-Pecherskom paterike [The theme of repentance of a sinner in the Kievo-Pechersky Paterikon]/ *Universum Humanitarium*. V.2, no 1, 136,140.
- Kologrivov Ioann, ieromonakh. (1991). Ocherki po istorii russkoy svyatosti [Essays on the history of Russian sainthood]. Siracusa, 11-12.
- Nepomnyashchikh N. A. (2019). Zhiitnyye syuzhety i motivy v novoy literature: k voprosu ob izuchenii i klassifikatsii [Hagiographic plots and motives in new literature: towards a question of study and classification]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya [Plotology and Plotography]*, 1, 123-138] Novosibirsk, 1, 123. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-123-138
- Ol'shevskaya L. A. (1999). «Prelest' prostoty i vymysla...» *Drevnerusskie pateriki* [«The charm of simplicity and fiction...» *Old Russian Pateriks*] Moscow, 244-245
- Prepodobnyy Ioann Lestvichnik. (2013). *Lestvitsa, vozvodyashchaya na nebo* [The ladder that leads up to heaven]. Moscow, 230.
- Prepodobnyy Nikodim Svyatogorets. (2013) *Nevidimaya bran'* [The invisible fight]. Pochaevskaya Lavra, 2-3.

- Rudi T.R. (2005). Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii). [Topics of russian hagiographies (questions of typology)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography. Studies. Publications. Polemika], St-Petersburg, 59-102, 62. Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Available at: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/топика-русских-житий-вопросы-типологии> (accessed: 31.10.2023)
- Rudi T. R. (2006). O kompozitsii i topike zhitiy prepodobnykh [About the composition and topics of the hagiographies of the Venerables]. *Trudy otдела drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], T.57, 431-500. Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Science. Available at: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/o-композиции-и-топике-житий-преподобных> (accessed: 31.10.2023)
- Toporov V.N. (1995). Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture. T.1. Pervyy vek khristianstva na Rusi [Sainthood and saints in Russian spiritual culture. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia]. Moscow, 618.
- Uzhankov A. N. (2022). Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [The world picture of the Old Russian Scribe. Categories of Russian medieval culture]. Moscow, 8, 82. DOI: 10.34685/HI.2022.86.40.004.
- Fedotov G. P. (2000). Sobr. soch. v 12-ti t. T.8. Svyatye Drevney Rusi [Collected Works in 12 vols. Vol. 8. Saints of Ancient Russia.]. Moscow, 44, 5
- Zhivov V. M. (1994). Svyatost'. *Kratkiy slovar' agiograficheskikh terminov Holiness*. [A brief dictionary of hagiographical terms]. Moscow, 58.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.10.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Людмила Григорьевна Дорофеева – доктор филологических наук, доцент, профессор; ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Россия, Калининград); ORCID: 0000-0002-3622-8379; lgdorofeeva@mail.ru.
Ольга Феликсовна Макарова – аспирант; ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; ORCID: 0009-0003-7117-4374; olga.feliksovna@gmail.com.

Dorofeeva L. G., Makarova O. F.

MOTIVES OF SPIRITUAL ASCETICISM IN THE KIEVO-PECHERSKY PATERIKON

Abstract. The article examines examples of the internal struggle of the heroes of the Kiev-Pechersk paterik with their passions. The texts of the short stories are examined in a hermeneutical way in their relation to the religious and didactic goals of the work and with the Evangelical context of the narrative. The short stories of the Kiev-Pechersk Paterik reflect Christian ideas about sin, among which are avarice, envy, voluptuousness and others. In the depiction of the spiritual struggle of a monk in the Paterica, emphasis is placed on the freedom of his choice and the orientation of his will to the will of God. Following the Gospel commandments of Christ, monks achieve the main goal of monastic life – victory over passions and assimilation to Christ. The author comes to the conclusion that the "invisible battle" becomes the dominant image of the heroes of the Paterican novels, and the motives of spiritual asceticism are the main ones in the system of toposes of the Kiev-Pechersk pateric, organizing the compositional structure of the novels and performing an agiographical function.

Keywords: Old Russian literature, Kiev-Pechersky Paterikon, motive, topos, hermeneutical analysis, monasticism, spiritual feat, biblical quotation.

For citation: Dorofeeva L. G., Makarova O. F. Motives of spiritual asceticism in the Kiev-Pechersky Paterikon. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 92-100. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).92-100

Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф.

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ЧЕХОВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ОПЫТ Д. В. ДРАГУНСКОГО

Аннотация. В современных литературоведческих исследованиях тема «Чеховские претексты в русской литературе XX-XXI годов» одна из самых популярных, что связано с очевидностью используемого материала. Однако анализ часто останавливается на этапе констатации чеховских реминисценций, цитат, ремейков чеховских сюжетов и пр. За этим постоянным присутствием Чехова в поле современной литературы и декларируемой любовью к нему скрывается постоянная внутренняя полемика, отношение к Чехову – любовь и раздражение одновременно, что невозможно понять, не обратившись к истории рецепции Чехова, в том числе в начале XX века. Ситуация, когда писатель использует Чехова в своей литературной полемике, анализируется на примере творчества Д. В. Драгунского. Позиция писателя репрезентативна для современной картины мира и помогает вскрыть причины, по которым современные авторы ведут постоянный внутренний разговор с Чеховым.

Ключевые слова: Чехов А. П., Драгунский Д. В., переписывание классики, социальные сети, претекст.

Для цитирования: Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф. 2024). Переписывание Чехова в современной прозе: опыт Д. В. Драгунского. // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52), 101-110. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).101-110

В литературе конца XX-XXI вв. часто трансформируются тексты классической русской литературы. Для описания этих случаев используются термины «псевдоклассика», «переписывание классики» и подобные.

Одним из тех русских писателей, которые постоянно «тревожат» современных авторов, как прозаиков, так и драматургов, является А. П. Чехов. Вспомним только самые известные произведения, и это повести и рассказы, новеллы, а также циклы рассказов, очерки, эссе и пьесы, которые содержат прецедентные тексты: «Русская тема. О нашей жизни и литературе», «Человек в углу» и «Крыжовник», «Чехов с нами» В. Пьецуха, «Картинки» С. Солоуха, «С горы» и «Дама с собаками» Л. Петрушевской, «Чайка» Б. Акунина, «Дама с собачкой: апокриф» Э. Дрейцера, «Полонез Огинского» Н. Коляды, «Фирсиада» В. Ливанова, «Ворона» Ю. Кувалдина, «Мой вишневый садик» А. Слаповского, «Русское варенье» Л. Улицкой, «Область слепящего света» и «Большеглазый император, семейство морских карасей» Д. Рубиной, «Антон, надень ботинки» В. Токаревой, «Большая дама с маленькой собачкой» Л. Улицкой, очерк «Русский характер» из «Затесей» В. Астафьева, рассказы Г. Щербаковой, «Пятьдесят два буквых древа» и цикл «Рассказы о любви» Ю. Буйды, эссе «Окунаясь в Чехова» А. Солженицына, повесть «Настя», романы «Роман» и «Голубое сало» В. Сорокина, «Любовь и море» Т. Толстой и пр. и пр., что свидетельствует о масштабности явления. Прецедентный чеховский текст становится основой самых разных «переделок»: это может быть пастиш, стилизация, сиквел, приквел, ремейк... Переделываются обычно «школьные», абсолютно узнаваемые произведения: «Дама с собачкой», «Человек в футляре», «Душечка», «Лошадиная фамилия», «Смерть чиновника», «Спать хочется», «Чайка», «Вишневый сад», реже «Ионыч» и несколько других.

Соответственно, огромное число статей и диссертаций посвящено исследованию этой ситуации в современной литературе. Материал очевиден, узнаваем и легко систематизируется: современные авторы цитируют чеховские названия, имена героев, используют фабулу и ситуации, композиционные приемы, диалоги, отсылают к

известным фактам чеховской биографии и вставляют дословные и слегка измененные цитаты из чеховских произведений [только несколько примеров: Адамович, 2001; Ермолин; Кучина, 2004; Михина, 2021; Михина, 2007; Катаев, 2002; Катаев, 2004; Петухова, 2005; Степанов, 2003; Савельева, 2002; Щербакова, 2003]. Объясняется подобная ситуация исследователями и самим авторами несколькими причинами, при том, что современный автор чаще всего заявляет «о любви всей моей жизни к Антону Павловичу Чехову»: 1) постмодернистским мироощущением, что осмысляется как положительное явление (игра с чужими текстами) или отрицательное (нет «ничего святого», деформация разрушает смыслы), 2) отсутствием собственного воображения («В этом производстве смешались неспособность литераторов придумать оригинальный сюжет и обусловленное потребностями издательств промышленное создание ухудшенных копий» [Золотоносов, 2002, с. 43], 3) соперничеством с предшественником и желанием его «переиграть», 4) «раздражением» и несогласием с предшественником, часто это раздражение не от самих произведений классика, а их хрестоматийной интерпретацией, 5) стремлением проверить, как герои прошлого проявят себя в ситуации современности.

Как бы то ни было, главная причина в том, КАК понимается Чехов и его картина мира, а дальше уже возникает согласие с ним или несогласие, стремление «привлечь» его на свою сторону или, наоборот, спорить с ним. К сожалению, именно этот самый важный вопрос остается после констатации «деконструкции» и «деструкции» Чехова нерассмотренным.

Одним из тех, кто постоянно упоминает имя Чехова как своего литературного учителя, является Д. В. Драгунский. Писатель не только постоянно «переписывает» Чехова (у него даже есть литературная программа «Чехов. Версии и вариации», в которой он читает рассказы-вариации на темы «Ионыча», «Дамы с собачкой», «Дома с мезонином» и пр.), Чехов является предметом его постоянных размышлений. Потому его рефлексия может стать ключом к пониманию более общей ситуации в осмыслении современной литературы.

Прежде всего, Чехов становится для него самооправданием в связи с кажущейся новой формой бытования литературы – в социальных сетях. Рассказы Драгунского ориентированы на публикацию в Интернете и быстрый отклик со стороны читателей: «"Ваши записи в «Фейсбуке» (Прим.1) – это просто блог, творческая лаборатория, из которой потом выходят сборники рассказов, или какой-то особый жанр?" – "И то, и другое, и третье. Блог – это не просто! Прежде всего это платформа для публикации моих рассказов, непременно с обратной связью. У меня более 60 тысяч подписчиков, поэтому отклики бывают быстрые и разнообразные. Далее, это читательская конференция, где я отвечаю на вопросы и, бывает, на ходу редактирую сам себя. Ну и наконец, сам формат блога заставляет писать коротко и внятно"» [Поздеева, 2021]. Практически все произведения, входящие в новые издаваемые сборники, автор сначала публиковал в социальных сетях, и финалы обсуждались многочисленными читателями, предлагавшими в комментариях свои концовки и истолкования. Правда, со временем автор стал чаще резко отвечать на замечания о психологической достоверности персонажей и не соглашаться с комментаторами. В бумажных книгах остаются «следы» читательских обсуждений, например, к рассказу «Поэт и муза» автор

дает еще пять вариантов концовок.

Критика назвала этот жанр микроновеллы (рассказы в стиле «iPhone», на одну-две прокрутки на экране) уникальным. Однако эта форма бытования литературы восходит к так называемым «тонким» журналам чеховского времени, а комментарии напоминают «Почтовый ящик» журнала «Стрекоза». Требование социальных сетей писать «коротко и внятно» вполне соответствует требованиям тонких журналов, которые, к тому же, выходили раз в неделю (современный блогер должен не менее чем раз в день появиться на просторах Интернета). Отсюда же пришли и специфические короткие жанры и интернетовская тематика (например, в тонких журналах каждый год повторялись темы, связанные с календарем: святки, масленица, весна в городе, пасхальные рассказы, переезд на дачи и пр. – вспомним обязательное «Февраль. Достать чернил и плакать» каждый год первого февраля во всех социальных сетях). «Жизнь в вопросах и восклицаниях» Чехова продолжается в рубрике Драгунского «Восклицания и ответы», он пишет 27 сентября 2023 года: «"Самое страшное, что..." – "А вы уверены, что это на самом деле самое страшное, что нет ничего страшнее?". "Весь ужас в том, что..." – "Если в этом весь ужас, то значит, во всем остальном ужаса нет, и это утешает". – "Я только одного не могу понять..." – "Вы только одного не можете понять? Счастливый человек!"» (Прим. 2).

Форма бытования определяет и обращение к жанру новеллы: социальные сети ориентируют на публикацию короткого остроумного рассказа с удерживающим внимание сюжетом и элементами притчи. Новелле, как утверждает Драгунский, он учится у Чехова, сознательно овладевая мастерством: «Хочется, чтоб современная русская литература была... Великой? Гениальной? Открывающей миру неведомую ему правду? Да нет, куда там. Снизим градус пафоса и скажем так: глобально конкурентоспособной. <...> Главным стало не «как написано», а «что написано». Даже не «что», а «о чем» – и, далее, «за кого» или «против кого». Говорили: «эта книга против крепостного права», «вскрывает язвы уездной жизни», «безыдейный светский романчик», «любование помещичьим бытом». Отсюда – из стремления к важной теме, к глубокой мысли и к пресловутой «честности» – пренебрежение сюжетом и общей увлекательностью», а потому, надо овладевать навыками литературного ремесла» [Драгунский, 2007].

Но следование тем или иным приемам (новеллы Драгунского вслед за Чеховым – крепко сбитая конструкция) не может не быть обусловленным диалогом с Чеховым на более высоком уровне, когда речь идет о главном, о картине мира.

В новелле мастерство проявляется в концовке, и Драгунский – мастер парадоксальных и неожиданных концовок. Как отметил один из сетевых читателей: «Он умеет в коротком рассказе зацепить внимание и часто при этом идёт на провокацию» [Каширских]. Эта провокация строится на беспощадных антропологических наблюдениях, ставших предметом минижанра, – «*Этнография и антропология*». Например: «Чувство общности. В 1970-м примерно году дело было. Тогда как раз выпустили водку по новой цене! Я за ним. Вбежал, там к прилавку уже очередь. Длинная. Встал. Люди берут по две, по три бутылки... Кто-то без очереди лезет, его гонят. Кто-то кричит, чтоб больше двух в одни руки не давали. Долго стоял. Полчаса, наверное. Но достоялся! – Сколько взял? – Да нисколько. – ??? – У меня денег

совсем не было. Совсем, понимаешь? Но я все-таки купил коробок спичек» (Прим.3). А вот новелла, построенная как дневник пожилого негодяя – жанр, популярный и в чеховское время: «Из старинных воспоминаний. Рассказывал господин Вертихватов, чиновник особых поручений при министре внутренних дел: “В 186-каком-то уж точно не упомню году ехал я из Петербурга в Царское село первым классом <...> Рядом со мной на диване, к окну ближе, оказался сухощавый и весьма разговорчивый старик. <...> “Эх, молодой человек...” – вздохнул старик, и стал мне рассказывать о своих женах и детях. Дескать, от первой покойной жены у него их трое, от второй тоже трое, да еще от недавно скончавшейся любовницы еще трое, я уж со счета сбился, а он признался, что с дипломатической службы прихватил с собою немочку, которая ему еще двоих детишек родила. <...> От растерянности и изумления я только и мог ему насвистеть вторую тему из увертюры к “Севильскому цирюльнику”, ну вот эту, как мы в корпусе напевали: “Пора по бабам, пора по бабам, пора по бабам по бабам бам-бам...” А он негромко подпел мне, потом вздохнул и сказал: “Умом Россини не понять!” Мы раскланялись. А когда я Егорушке фон Бумпелю рассказал, он аж воскликнул: “Батюшки! Так это ж был Тютчев! Эх. Надо было его порасспросить о судьбах России и Европы”» (Прим.4)).

Ради этих «антропологических наблюдений» можно пожертвовать условной правдой жизни, и «защитником» этой позиции снова становится Чехов: «Чехов и нет ему конца. О правде жизни, правде характеров и проч. У Чехова есть рассказ “Месть женщины” (1884). <...> Что здесь вызывает вопросы придирчивого читателя? 1. Как это могло случиться, что в небедной семье вдруг подчистую нет денег, “муж взял всё”? 2. Как она могла целый час развлекаться с незнакомым человеком, не зная точно, когда вернется муж? Он мог прийти в любой момент. 3. Да еще зимой, когда доктор (как описано в рассказе) в медвежьей шубе? Да и под шубой непременно сюртук, суконные брюки. Возможно даже подштанники. Ботинки. Надо же раздеться! И последнее. Неужели в 1884 году в России творилось такое всеобщее <...>? Впору воскликнуть: “Не верю! Так не бывает!”» (5 февраля 2023 в 16:50). Новеллы Драгунского строятся как конструктор: сначала придумывается парадоксальный финал, не всегда возможный в повседневной жизни, но парадоксально и жестко вскрывающий человеческие слабости, а к нему подстраивается начало.

Жесткость взгляда Драгунского на своих героев вызывает споры: «Его персонажи – парадоксальны и обыденны. Часто они – слабые, пошлые и жалкие, но есть в этих несчастных героях что-то такое, что делает невозможным прервать чтение, и забыть об оставшихся за кадром хитросплетениях.<...> Специальная метка некоторых рассказов – “Этнография и антропология», и там автор с изумлением и любопытством рассматривает самый частый, распространенный, страшный тип бытовой пошлости и жлобства – в том их изводе, которому люди обычно не придают значения, объясняя это вечной человеческой слабостью. <...> А его взгляд – острый, лукавый и хищный – направлен на каждого читателя, просвечивая его, подобно рентгену. Читать прозу умного и порядочного, но циничного человека – сплошное наслаждение [Аксенова, 2020].

Этот жесткий взгляд на человека, определенный критиком как цинизм, отрефлексирован самим автором в статье «Соседи. Конспект о Чехове» и выведен

именно из чеховской традиции: «Если говорить коротко, Чехов был левым автором – политически и художественно. <...> Он критиковал моральное бессилие образованного сословия. Насмехался над властями предрассудками. Был атеистом. Презирал пошлость буржуазного быта, ненавидел прописные истины, тупое законопослушание, регулярность, заданность, определенность. Он мечтал о том, чтобы покончить с рабством слабых и зверством сильных, и единственный выход видел в переустройстве общества на началах равенства и разума. Идеал Чехова – радикальная левая утопия. <...> Утопия не только этическая, но эстетическая. <...> Рассуждения о Чехове важны прежде всего для меня. Речь идет о двух моментах. Моя проблема <...> – это проблема левого тупика. Страсть к справедливости, любовь к “страдающему брату” – и понимание того, насколько все это смешно. Глупо, неосуществимо, а если вдруг осуществляется – то смертельно опасно. Здесь же, в левом тупике, живет и вечная попытка освободиться от нагрузок семейной традиции (другой традиции не бывает). Освободиться радикально – то есть не восстановить ее в своей новой семье, а “просто освободиться”. Оставить мертвым хоронить своих мертвецов. Разорвать связь – уничтожить оторванное, чтоб не прилипало и не грызло, – и тем самым уничтожить себя. В результате такого разрыва остается безопорное существование (не жизнь, а “экзистирование” – Господи, тоска-то какая!), остается пустое внутритекстовое рассуждательство для человека, чьи левые амбиции не осуществились. Возникает та самая “опустошенность”, исчерпание всего возможного. <...> Опыт Чехова – попытка вырваться из левого тупика, минуя и доктринальную правизну, и пошлость обыденного существования. <...> В какой-то момент умственного развития (неправильный термин, но зато все поняли, о чем я) некоторые люди начинают ощущать несправедливость мира и невозможность жить по-прежнему. И попадают в левый тупик. <...> Из левого тупика возвращаются усталые люди. Опустошенные. Потому что никто, кроме отдельных фанатиков-харизматиков, не может в своем личном переживании переработать и преодолеть разрыв человеческих связей» [Драгунский, 2007].

Потому ремейки Драгунского усиливают в Чехове именно цинично-нигилистическую составляющую. Как, например, в «переписанной «Даме с собачкой»: «Ко дню рождения Антона Павловича Чехова. "Господин с кошкой". На террасе отеля появилось новое лицо: господин с кошкой. Он сидел один за столиком, пил кофе и читал местную газету. Кошка сидела на стуле напротив. «Кис-кис-кис», - позвала Анна Сергеевна и протянула ей кусочек цыпленка. Кошка мягким дроботом прыгнула со стула на дощатый пол и подбежала к ней. Съела угощение, стала тереться об ноги. Анна Сергеевна погладила ее. <...> В разговоре выяснилось, что русский господин – его звали Дмитрием Дмитриевичем – был адвокатом из Москвы, а Анна Сергеевна – женою местного гостиничного магната. То ли совладельца, то ли топ-менеджера здешних курортов. <...> Она стала приезжать к нему в Москву раз в два-три месяца, якобы по делам своей фирмы; муж даже не проверял, есть ли у нее фирма в России. <...> Они сели в кресла и посмотрели друг на друга, радостно улыбаясь. Она думала, что этот обыкновенный пожилой господин в прошлогоднем костюме, с сидящим редким ежиком – самый дорогой человек в ее жизни, и что это и есть счастье. А он просто любовался ею. Зазвонил ее мобильник. Она ответила по-немецки. Потом ушла в другую комнату. Куда-то звонила сама. Вернулась насупленная. «Катался на лыжах,

разбился, сейчас в реанимации. Самолет в восемь, – сказала она. – У нас есть еще часа три», – и сняла свитер. Потом он получил смс: *"фон дидериц умер позвоню через 40 дн"*. Через три недели после похорон мужа она познакомилась с аргентинским актером и улетела с ним в Буэнос-Айрес.» (Прим.5).

Проблема, поднятая Д. Драгунским, обсуждалась в связи с Чеховым еще при его жизни. Полемика о Чехове как нигилисте (или левом анархисте) была постоянной и однажды развернулась особенно остро в связи с заметкой К-и-н «Маленький фельетон. Толстой – Чехов – Горький. Настроения трех поколений» в 1901 г. Первый нигилист – Толстой, но он не замечает своего нигилизма, надеется, что «выпутается из затруднения», а вот отчаяние досталось на долю следующего поколения: «<...> нигилизм для “чеховцев” уже не отрицание старого, соединенное с надеждой найти новое, а уныние и “самогипноз посредством пессимизма” и Чехов, – крайний, окончательный вывод из Толстого. Удивляясь таланту Чехова, читатель страдает, видя длинную процессию его больных, полумертвых героев, – хоть чем-нибудь жить, да жить, говорит себе читатель, истомленный хандрою и нытьем. И, наконец, это стало невыносимым: живые люди просят жизни, работы, действия. Первый, кто произнес бы это слово, показался бы исцелителем, чародеем, вождем. Им и стал Горький» [К-и-н, 1901]. Об этом же писал Ю. Александрович (А. Н. Потеряхин). Он спрашивал: что же сказал Чехов за свою недолгую жизнь? И отвечал: он дал только «разлад ума и сердца, холодного анализа и чувства». В основе его отношения к жизни автор видит нигилизм, отсутствие традиций и внутренних связей с предшествующими поколениями, толстовская критика действительности соединилась у него с ницшеанством – и Чехов «стал петь акафисты самоценной личности» [Александрович, 1911, с. 271], «Так мещански пошлы были, в сущности, идеалы того, кто так много писал против мещанства и пошлости, клеймя этими словами даже тех активных борцов против того и другого, к которым менее всего они применимы<...> И как все мещанское, эти принципы прикрывались у Чехова ницшеанскими выкриками <...> жизнь страшна, так не церемонься же с нею, ломай ее, и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать от нее» [Александрович, 1911, с. 254]. К той же проблеме обратился и мыслитель намного более высокого уровня – Л. Шестов в статье «Творчество из ничего», которая широко известна.

Переписывая Чехова, современные авторы используют чеховские темы и мотивы, стилизуют (часто через пародию) узнаваемые чеховские приемы. Но это поверхностные черты, главное – отношение к миру и к героям: согласиться с чеховским беспощадным взглядом на героев (как Д. Драгунский), осудить чеховскую жалость к героям с позиций еще более безжалостных, чем Чехов (как Л. Улицкая в «Русском варенье» или Г. Щербакова) или защитить маленького человека от Чехова (как Ю. Буйда в «Химиче»)? При переносе действия в современность всеми авторами используется главный прием – эффект обманутого читательского ожидания, когда система оценок героев парадоксально меняется и «человек в футляре» становится героем положительным, сильной героиней становится чеховская слабая «дама с собачкой» и пр.

Между тем еще те же современники Чехова отметили удивительную двуплановость Чехова. Критик Е. Колтоновская полагала: «Он трудно уловим

вследствие своей многогранности и исключительности» [Колтоновская, 1912, с. 209]. Именно потому герои Чехова освещены тем, что наиболее внимательные современники называли «двуединым мирозерцанием». В 1900 г. М. Горький писал: «Все чаще слышится в его рассказах грустный, но тяжелый и меткий упрек людям за их неумение жить, все красивее светит в них сострадание к людям и – это главное – звучит что-то простое, сильное, примиряющее всех и вся. Его скорбь о людях очеловечивает и сыщика, и грабителя-лавочника, всех, кого она коснется; «Понять – значит простить» – это давно сказано, и это сказано верно. Чехов понимает и говорит – простите! <...> Осветить так жизненное явление – это значит приложить к нему меры высшей справедливости. Чехову это доступно, и за этот его глубоко человеческий объективизм называли бездушным и холодным» [Горький, 1900]. А в мемуарах Горький высказался еще яснее: «...но, презирая, он сожалел...» [Горький, 1905, с. 22]. Это двуединство художественного мирозерцания определяет полифоническое звучание чеховских рассказов, т.е. одновременное сосуществование и равноправие противоположных точек зрения, синтеза прозы и величия жизни, суровости и сочувствия к человеку, требования свободы личности и антииндивидуализм, лирическое и эпическое.

Во всех случаях современные писатели, прожив опыт XX века, оказываются сами в позиции «левого тупика», что было великолепно отражено Д. Драгунским. Творчество рождено эпохой разочарований, когда «Пустоту преодолевает литература – неразрывное соседство всего написанного ранее, написанного сейчас, написанного после» [14]. Потому в этих произведениях нет ночи в Ореанде у «дамы с собачкой», нет океана в «Гусеве» и странников из «В овраге», нет того Чехова, который стоит НАД бессмысленной жизнью. Потому «раздражает» современных авторов и неясность (на самом деле многоплановость) чеховских финалов, в современных вариантах фабула всегда завершена, и, например, в «переписанных» «Дамах с собачкой» финал комичен или драматичен, но однозначен: в конце рассказа Дрейцера Гуров вновь готов к любовным приключениям, у Рубиной любовь разрушена падением самолета, у Петрушевской любовь растворилась в быте, у Токаревой мужчина оказался слишком слаб.

Опыт современной литературы говорит об отчаянии современного человека и пока неудавшейся попытке найти что-то, на что можно было бы опереться. В отличие от Чехова.

Примечания

1. Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена».
2. Здесь и далее тексты Д. Драгунского цитируются по публикации в Telegram (<https://t.me/DDragunsky>) с указанием даты публикации.
3. Пост от 26 сент. 2023 в 20:30.
4. Пост от 14 сентября 2023 в 12:23
5. Пост от 29 января 2024 г.

Литература

- Адамович М. (2001). Юдифь с головой Олоферна. Псевдоклассика в русской литературе 90-х. *Новый мир*, 7. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/7/yudif-s-golovoj-oloferna.html. (Дата обращения 15.12.2023).
- Аксенова А. (2020). Они читают твой Фейсбук. *НГ-EXLIBRIS* 19.02.2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-02-19/13_1018_dragunskyi.ht (дата обращения: 15.12.2023).
- Александрович Ю. (1911). *История новейшей русской литературы*. 1880-1910. М. 1911, 288.
- Горький М. (1900). По поводу одного рассказа А. П. Чехова «В овраге». *Нижегородский листок*, 30 янв.
- Горький М. (1905). А. П. Чехов: Отрывки воспоминаний. *Нижегородский сборник*. Санкт-Петербург: Изд-во т-ва «Знание», 11-24.
- Драгунский Д. (2007). Соседи. Конспект о Чехове. Октябрь, 1. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/october/2007/1> (Дата обращения: 15.12.2023).
- Ермолин Е. А. *Антон Чехов и русская проза начала XXI века*. [Электронный ресурс] <http://www.auditorium.ru> (Дата обращения 15.12.2023).
- Золотоносов М. (2002). Игра в классики: ремейк как феномен новейшей культуры. *Московские новости*, 23, 27 августа.
- Катаев В. Б. (2002). *Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма*. Москва: Изд-во МГУ, 2002, 252.
- Катаев В. Б. (2004). *Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники*. Москва: Языки славянской культуры, 392.
- Каширских К. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall25360593_7872 (Дата обращения: 15.12.2023).
- К-и-н. (1901). Маленький фельетон. Толстой – Чехов – Горький. Настроения трех поколений. *Новое время*. 9030, 20 апр.
- Колтоновская Е. (1912). *Критические этюды*. [Рец. на: Чеховский юбилейный сборник. – Москва, 1910]. Санкт-Петербург, 292.
- Кучина Т. Г. (2004). «Дама с собачкой/с собаками»: чеховский подтекст в рассказе Л. Петрушевской. *100 лет после Чехова*. Ярославль, 136–139.
- Михина Е. В. (2007). Полемика интерпретация классики как «парадигма эпохи». *Вестник ЮУрГУ. Серия: социально-гуманитарные науки*. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 8(80), 70–74.
- Михина Е. В. (2021). Вторичные тексты как вариант «перекодировки» классики. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 23(80), 86–90.
- Петухова Е. Н. (2005). *Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века*. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 118.
- Поздеева Ю. (2021) Денис Драгунский о Чехове, блоге и языке современных подростков. *Южноуральская панорама*. 13.09.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://up74.ru/articles/kultura/133908/> (Дата обращения: 15.12.2023).
- Савельева В. В. (2002). «Чайка» Б. Акунина – «чисто английское убийство». *Русская речь*, 6, 36–41.
- Степанов А. Д. (2003). *Чехов и постмодерн*. Санкт-Петербург: Нева, 11, 221–226.
- Щербакова А. А. (2003). Чеховский текст в драматургии Н. Коляды. А. П. Чехов: байкальские встречи: Сб. науч. трудов / под ред. А. С. Собенникова. Иркутск, 83–88.

References

- Adamovich M. (2001.) Judif' s golovoj Oloferna. Pseudoklassika v russkoj literature 90-h [Judith with the head of Holofernes. Pseudoclassics in Russian literature of the 90s]. *Novyj mir*, 7. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/7/yudif-s-golovoj-oloferna.html. (accessed: 15.12.2023).

- Aksenova A. (2020). *Oni chitajut tvoju Fejsbuk* [They read your Facebook]. NG-EXLIBRIS 19.02.2020. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-02-19/13_1018_dragunskiyi.ht (accessed: 15.12.2023).
- Aleksandrovich Ju. (1911). *Istorija novejshej russkoj literatury. 1880–1910* [History of modern Russian literature. 1880–1910]. Moscow, 288.
- Gor'kij M. (1900). Po povodu odnogo rasskaza A. P. Chehova «V ovrage» [Regarding one story by A.P. Chekhov "In the Ravine"]. *Nizhegorodskij listok*, 30janv.
- Gor'kij M. (1905). A. P. Chehov: Otryvki vospominanij [A. P. Chekhov: Memoirs, Fragments]. *Nizhegorodskij sbornik. SPb.: Izd-vo t-va «Znanie», 11-24.*
- Ermolin E. A. *Anton Chehov i russkaja proza nachala XXI veka* [Anton Chekhov and Russian prose of the early 21st century]. Available at: <http://wwwv.auditorium.ru> (accessed: 15.12.2023).
- Kataev V. B. (2002). *Igra v oskolki. Sud'by russkoj klassiki v jepohu postmodernizma* [Game of fragments. The fate of Russian classics in the era of postmodernism]. Moscow: Izd-vo MGU, 252.
- Kataev V. B. (2004) *Chehov plus... Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus... Predecessors, contemporaries, successors]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 392.
- Kashirskih K. Available at: https://vk.com/wall25360593_7872 (accessed: 15.12.2023).
- K-i-n (1901). Malen'kij fel'eton. Tolstoj – Chehov – Gor'kij. Nastroenija treh pokolenij [Small feuilleton. Tolstoy – Chekhov – Gorky. Moods of three generations]. *Novoe vremja*, 9030, 20 apr.
- Kuchina T. G. (2004). «Dama s sobachkoj /s sobakami»: chehovskij podtekst v rasskaze L. Petrushevskoj [“Lady with a dog/with dogs”: Chekhovian subtext in the story by L. Petrushevskaya]. 100 let posle Chehova. Jaroslavl', 136–139.
- Mihina E. V. (2021). Vtorichnye teksty kak variant «perekodirovki» klassiki [Secondary texts as an option for “recoding” the classics]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologičeskie nauki*, 23 (80), 86–90.
- Mihina E. V. (2007). Polemicheskaja interpretacija klassiki kak «paradigma jepohi» [Polemical interpretation of the classics as a “paradigm of the era”]. *Vestnik JuUrGU. Serija: social'no-gumanitarnye nauki. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU*, 8 (80), 70–74.
- Petuhova E. N. (2005). *Pritjazhenie Chehova: Chehov i russkaja literatura konca XX veka* [Chekhov's Attraction: Chekhov and Russian Literature of the End of the 20th Century]. St. Petersburg : Izd-vo SPb. gos. un-ta jekonomiki i finansov, 118
- Pozdeeva Ju. (2021). *Denis Dragunskij o Chehove, bloge i jazyke sovremennyh podrostkov* [Denis Dragunsky about Chekhov, blog and the language of modern teenagers]. *Juzhnoural'skaja panorama*. 13.09.2021. Available at: <https://up74.ru/articles/kultura/133908/> (accessed: 15.12.2023).
- Shherbakova A. A. (2003). *Chehovskij tekst v dramaturgii N. Koljady* [Chekhov's text in the dramaturgy of N. Kolyada]. A. P. Chehov: bajkal'-skievstrechi: Sb. nauch. trudov / pod red. A. S. Sobennikova. Irkutsk, 83–88.
- Stepanov A. D. (2003). Chehovi postmodern [Chekhov and postmodernity]. *Neva*, 11, 221–226.
- Savel'eva V. V. (2002). «Chajka» B. Akunina – «chisto anglijskoe ubijstvo» [“The Seagull” by B. Akunin – “a purely English murder”]. *Russkaja rech'*, 6, 36–41.
- Koltonovskaja E. (1912). [Rec. na: Chehovskij jubilejnyj sbornik. M., 1910] [Rec. on: Chekhov's anniversary collection. – M., 1910]. *Kritičeskie etjudy*. St. Petersburg, 292.
- Zolotonosov M. (2002). Igra v klassiki: remejk kak fenomen novejshej kul'tury [Hopscotch: a remake as a phenomenon of modern culture]. *Moskovskie novosti*. 23, 27 avgusta.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 17.01.2024.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук (10.01.01), профессор, доцент, Казанский федеральный университет; музей Л.Н. Толстого (филиал Национального музея РТ); ORCID 0000-0002-3581-6320; lika_kzn@mail.ru.

Иванова Наталья Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Научно-образовательный Центр; ORCID: 0000-0002-2211-4880; nfi@inbox.ru.

Bushkanets L. E., Ivanova N. F.

THE REWRITING OF CHEKHOV IN MODERN PROSE: THE EXPERIENCE OF D. V. DRAGUNSKY

Abstract: In modern literary studies, the topic "Chekhov's pretexts in Russian literature of the XX-XXI years" is one of the most popular. That is due to the simplicity and the evidence of the material used. However, the analysis often stops at the stage of stating Chekhov's reminiscences, quotations, remakes of his plots, etc. However, we should not take at face value this constant presence of Chekhov in the consciousness of modern literature and the declared love for him, there is a constant internal controversy, the attitude towards Chekhov is love and irritation at the same time. It is impossible to understand that situation without referring to the history of Chekhov's reception, including the beginning of the twentieth century. The situation when a writer uses Chekhov in his literary polemic is analyzed using the example of D. V. Dragunsky's work. The writer's position is representative of the modern situation and helps to reveal the reasons why modern authors have a constant internal conversation with Chekhov.

Keywords: Chekhov, D. V. Dragunsky, rewriting classics, social media, pretext

For citation: Bushkanets L. E., Ivanova N. F. (2024). The Rewriting of Chekhov in Modern Prose: The Experience of D. V. Dragunsky. *Memoirs of NovSU*, 1(52), 101-110. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).101-110

Семенова А. Л.

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Т. Д. БЕЛОВОЙ «ГОРЬКИЙ. «РАССКАЗЫ
1922-1924 ГОДОВ»: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ СМЫСЛЫ.
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ»**

Аннотация. Рецензия посвящена учебному пособию Т. Д. Беловой, изданному в Саратове в 2022 году, в котором анализируется книга М. Горького «Рассказы 1922-1924 годов». Прочтение и анализ небольших горьковских текстов исследователь строит на привлечении различных контекстов: биографического, творческого, социально-культурного. При этом и сборник рассказов, и каждый отдельный текст рассмотрены с использованием научно-критических работ разного времени. Как подчеркивается в рецензии, автор пособия предлагает новый взгляд на горьковское издание, подготовленное и изданное за границей, но в котором речь идет о современной Горькому России, и где он стремится осмыслить как прошлое родной страны, так и ее настоящее.

Ключевые слова: М. Горький, рассказы, жанр, художественные особенности, поэтика, язык

Для цитирования: Семенова А. Л. Рецензия на учебное пособие Т. Д. Беловой «Горький. «Рассказы 1922-1924 годов»: мотивы, образы смыслы. Проблемы современного прочтения» // Ученые записки НовГУ. 2024.1(52). 111-117. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).111-117

Тама́ра Дми́триевна Бело́ва – известный исследователь истории русской литературы XX века, прекрасный знаток текстов А. М. Горького. С 1965-го года начала заниматься творчеством М. Горького. В 1971 г. в Московском областном педагогическом институте защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблема интеллигенции и ее художественное решение в творчестве М. Горького 1890-х – начала 1900-х гг.». В 2001 году там же защитила докторскую диссертацию на тему «Эволюция эстетических взглядов М. Горького 1900-1910-х гг. в контексте культурологических исканий эпохи».

С 1975 года преподает в Саратовском государственном университете, является профессором кафедры русской и зарубежной литературы СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского. Т. Д. Белова занимается исследованиями о творчестве М. Горького, К. А. Федина. Она постоянный участник Горьковских чтений (Москва, Нижний Новгород) с середины 1990-х гг. Рецензируемое пособие – итог многолетней и обстоятельной работы исследовательницы над рассказами М. Горького начала 1920-х годов.

М. Горький – «буревестник революции», «первый пролетарский писатель»... Долгие послеоктябрьские годы над творческим наследием писателя дамокловым мечом были эти шаблонные характеристики. Только в конце XX века начался процесс нового прочтения произведений писателя: возвратили из спецхрана те произведения, которые были неведомы советскому читателю, начался активный процесс изучения эпистолярного наследия, причем без купюр и идеологических рамок. Все это позволило по-новому понять творчество одного из крупнейших русских писателей первой половины XX века.

Учебное пособие Тамары Дмитриевны Беловой посвящено одному из самых проблематичных в горьковедении изданий Горького: сборнику рассказов, написанных в начале 1920-х годов, когда Горький находился в вынужденной эмиграции и

странствовал по Европе. Этот сложный период жизни писателя стал своеобразным подведением итогов, завершением тем, и, с другой стороны, рождением новых творческих замыслов. Автор пособия прослеживает развитие горьковских идей в тесной взаимосвязи со всем творчеством писателя, от созданных – уже классических текстов «На дне», «окуровских повестей», – до замыслов эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Подобный подход позволяет исследовательнице дать глубокий и объемный анализ образной структуры горьковских рассказов. Несомненной заслугой стало рассмотрение этой темы в широком историко-культурном, социально-политическом, биографическом контекстах, что делает предлагаемое пособие весьма убедительным по тем выводам, к которым приходит автор.

В пособии девять глав, введение и заключение. Такое построение вполне объяснимо структурой горьковского сборника рассказов. Во введении Тамара Дмитриевна обстоятельно объясняет особенности того положения, в котором оказывается писатель, покинув Советскую Россию осенью 1921 года. И подчеркивает своеобразие книги: «**"Рассказы 1922-1924 годов"** (выделено Т.Б.) – в столь определенном тематическом порядке, четко обозначенном времени их написания (как известно, Горький строго следил за расположением рассказов в книге, готовящейся в Берлинском издании в 1925 году) – не случайно объединены автором как цикл, как книга знакомств автора с разными людьми, судьбы которых позволяют говорить об определенных особенностях русской жизни, ее быта, об определенных исторических событиях, явлениях, связанных с религиозно-философской полемикой, политической борьбой, культурной жизнью, нравственными отношениями, моральной атмосферой в российском обществе» [Белова, 2022, с. 7].

Автор учебного пособия делает обзор мнений критиков, исследователей, которые очень по-разному оценивали этот сборник рассказов: неожиданная новизна, совершенство живописания были отмечены Пришвиным и К. Фединым, «ложное историческое обобщение» увидели исследователи 1960-х годов, «непрочитанный Горький» – для исследователей 2000-х годов [Белова, 2022, с. 11]. Надо отметить, что разбор каждого из рассказов дополнен обзором научно-критических работ, в которых дается оценка анализируемого текста.

Глава первая **«"Отшельник" как художественная полемика с учением Л.Н. Толстого: трансформация идеи странничества, "неделания" и утешительства в рассказе»** раскрывает смысл одного из самых загадочных текстов Горького. Т.Д. Белова рассматривает этот текст в контексте творчества писателя: пьеса «На дне» (1902), очерк «Лев Толстой» (1919) и биографии – личное знакомство Горького с Толстым. Автор пособия приводит спектр отзывов о рассказе как современников писателя, так и критиков, исследователей. Этот спектр мнений чрезвычайно противоречив. Главный герой Савел Пильщик представляется читателю человеком много повидавшим, мудрым, понимающим. Он готов утешить и помочь. По мнению Т.Д. Беловой, образ главного героя основан «на симбиозе красоты и уродства, безобразия, добра и зла, суеты и сосредоточенного покоя...» [Белова, 2022, с. 19].

Название, как убеждает исследовательница, иронично, так как герой совершенно не отрешен от мирской жизни, и даже место его обитания сделано основательно и по-хозяйски. Горький сравнивает главного героя с ужом и хорьком,

следовательно «изоморфное в облике старика <...> прямое доказательство атавизма, тяги к покою и радостям телесной жизни, доминанты физиологического кода» [Белова, 2022, с. 19]. Тема любви – ключевая в этом рассказе, и при поверхностном прочтении Савел Пильщик кажется исключительно положительным героем, но при анализе сюжета, портретных характеристик, художественных деталей открывается истинный смысл этого образа: «хитроумного старца, избравшего форму одинокой, свободной от всех обязательств жизни...» [Белова, 2022, с. 25]. Подобного второстепенного персонажа Горький выводит и в заключительном рассказе сборника «Рассказ о необыкновенном».

Вторая глава **«Концепция "любви женщины к миру" и авторская оппозиция фанатизму, "вакханалии сердца" в "Рассказе о безответной любви"»**. В начале приводится мнение самого Горького, считавшего, что «нормально чувствующий человек не должен поступать так, как эти два Петра – мой Торсуев и купринский Желтков!» [Белова, 2022, с. 27]. И второй горьковский текст о любви. Эта вечная тема получает у Горького совершенно иное звучание, по мнению автора пособия. Она предлагает «иной опыт прочтения..., выявления ... общечеловеческого, "нетленного" как в области частной, так и общественной, социокультурной жизни России» [Белова, 2022, с. 29]. Текст Горького прочитывается в сопоставлении с «Крейцеровой сонатой» Л.Н. Толстого и как результат полемики с его представлениями о семье, браке, любви. Для раскрытия смысла образов Петра Торсуева и Ларисы Добрыниной Т. Д. Белова очень внимательно анализирует художественные детали в этом рассказе. По ее мнению, «образ Петра Торсуева, как тип русской жизни, – один из тех, кто воплощал балласт в ее [революции – А.С.] подготовке и осуществлении...», а «свет новой жизни, новых мыслей доверен автором Ларисе Добрыниной...» [Белова, 2022, с. 42]. Думается, что более глубоко смысл рассказа раскрывается, если учесть важный биографический контекст творчества писателя – сложные отношения Горького с М.Ф. Андреевой, М.И. Будберг, роковыми женщинами в судьбе писателя.

Сложно согласиться с Т. Д. Беловой, когда она размышляет об инстинкте и интеллекте и отношении к ним Горького, говорившего о разрушительности «вакханалии сердца» [Белова, 2022, с. 31]. Горький верил в силу науки и высоко ценил разум человека, его способности к познанию мира, но сам он, сформировавшийся на рубеже эпох, когда иррациональная философия была чрезвычайно популярна и идеи Фрейда открыли в человеке не только рациональные мотивы поведения, не мог не понимать важности инстинктивного, стихийного, природного в человеке. Именно это привлекает в героях его ранних рассказов. И к тому же, по моему убеждению, Торсуевым движет не инстинкт как природное, естественное, а собственническое: он хочет обладать этой женщиной, а после ее смерти – памятью о ней – для удовлетворения своего эго. Но одно несомненно – в этом раскрывается полная несостоятельность героя: «Драматическая замкнутость жизненного круга Петра Торсуева композиционно обозначена букетом мертвых цветов, "торчащим" в бронзовой вазе в начале и рассыпающихся в прах – в финале рассказа» [Белова, 2022, с. 35].

«"Рассказ о герое" как "сжатая схема" "Жизни Клим Самгина": проблематика, образы, смыслы». Название этой главы концептуально раскрывает позицию автора

учебного пособия: «Сюжет ... основан как будто на событиях частной жизни интеллигента, современника исторического времени в России 1900-1910-х гг.» [Белова, 2022, с. 47].

По мнению Т. Д. Беловой, «... автор, как повествователь, отводит себе боковое, до времени невидимое место в рассказе. Но его присутствие чувствуется в отборе материала, в его компоновке...» [Белова, 2022, с. 46]. Этот прием сближает рассказ с итоговой книгой писателя о Климе Самгине, как и сюжет, который основан как будто «на событиях из частной жизни интеллигента» [Белова, 2022, с. 47]. В этом тексте автор показывает человека «деформированного сознания» (Т.Д. Белова), его личную судьбу, вплетающуюся в судьбу России. И это был важный период для Горького, стремившегося осмыслить кардинальные социальные перемены на родине, и в то же время пребывающего в поиске новых художественных приемов для воплощения замыслов.

Название очередной главы концептуально и раскрывает научный подход исследовательницы к горьковскому тексту – **«"Рассказ об одном романе": проблема писательства, границы искусства и действительности. Мужское и женское в рассказе»**. Для Горького были важны как проблемы творчества, его пределы и возможности, так и «автор и герой, писатель и читатель, ... мужчина и женщина в дружбе, любви, браке» [Белова, 2022, с. 59]. Автор учебного пособия очень точно характеризует творческую установку писателя, который «неизменно видел в художественной литературе важный рычаг воздействия на сознание сограждан, на социализацию их психологии путем освобождения от вековых предрассудков в межличностных и внутрисемейных отношениях» [Белова, 2022, с. 60]. Но необходимо отметить, что речь Волкова о сущности искусства – это отчасти спор писателя самого с собою. Достаточно вспомнить его письмо А. П. Чехову, где молодой писатель выступает за «приукрашивание жизни» в творчестве, чтобы она и на деле становилась ярче, динамичнее.

Как считает Т. Д. Белова, вопрос о пределе произвольности решается Горьким в этом рассказе однозначно: «Совершив ... небольшой экскурс в женскую психологию, приоткрыв тайну внутреннего мира вполне реальной героини, автор-реалист завершает рассказ в соответствии с правдой жизни» [Белова, 2022, с. 68]. В этом произведении писатель, ставя женщину в центр повествования, показывает «ее мыслительное и эмоциональное превосходство» [там же].

Один из самых загадочных рассказов Горького «Карамора» оказывается в центре сборника рассказов, и пятая глава пособия раскрывает **«Художественное развенчание шаткости убеждений и комплекса предательства в рассказе "Карамора"»**. Думается, что это сюжет отсылает к значимой для начала XX века проблеме предательства. Достаточно вспомнить нашумевшего «Иуду Искарюта» Л. Андреева, а вот свою «Жизнь ненужного человека» сам Горький оценивал весьма скептически. Возвращение к этой теме в 1920-е годы стало весьма глубоким по смыслу и ярким по художественному воплощению. Красный террор, развернувшийся в России после октября 1917, не мог не напоминать события 1908-1910 годов, когда «бытовым явлением» (В.Г. Короленко) стала смертная казнь.

Главный герой рассказа Петр Каразин, в котором автор раскрывает близкую ему

идею «дробления человека» (А. Богданов). Причинами этого стала неспособность главного героя постичь всю глубину социализма, его гуманистическую и интернациональную сущность. Нестойкость в убеждениях привела героя на путь предательства. Он стал осведомителем охраны. Исповедуется он перед товарищами «предельно откровенно, безжалостно извлекая собственные слабости и подлости» [Белова, 2022, с. 79]. Подобные типажы Горький изобразит и в итоговом своем произведении. Нельзя не согласиться с Т.Д. Беловой, что герой «привлекает сложностью и тонкостью психологических характеристик, системой аргументаций, которые позволяют предположить, что Горький видел за образом героя явление типическое, ... имевшее место среди борцов за новую социалистическую жизнь» [Белова, 2022, с. 81].

«Социокультурная проблематика, мотив кровного родства и трагедия идейного конфликта в рассказе "Анекдот"». Психология хозяина, собственника всегда вызывала негативное отношение Горького, потому что она неизбежно разделяет людей. Как пишет автор пособия, «повествователь неторопливо, но последовательно ведет развенчание собственника, уверенного в незыблемости своей жизненной философии. ... Ушибленный неизлечимой болезнью... все еще надеется обратить племянника в свою веру...» [Белова, 2022, с. 87]. Но строительство баррикад из своего имущества главный герой перенести не может. Бунтарский порыв племянника не получает поддержки у хозяина, что приводит к трагическому финалу: он содействует гибели своего родственника, посягнувшего на святое – нажитое годами имущество. В начале 1920-х годов Горький понимал, сколь сильны собственнические инстинкты и сколь трудно они преодолимы в новой стране Советов.

«Драма как явление искусства: характеры и конфликты, полемический пафос рассказа "Репетиция" (М. Горький и Леонид Андреев)». По убеждению Т.Д. Беловой, этот рассказ надо прочитывать в контексте взаимоотношений двух драматургов: Горького и Андреева. Их расхождение во взглядах более глубоко проявилось после скоростной смерти Андреева, что дало повод Горькому высказаться об этом в очерке «Леонид Андреев». Перерыв в репетиции из-за конфликта актеров с режиссером – основа сюжета рассказа. Он дополняется спором с автором посредственной пьесы, считающим себя подобным Богу. При этом «трагикомическое в рассказе уступает место серьезным вопросам» [Белова, 2022, с. 101], проблеме кризиса искусства, который остро ощущался как на рубеже XIX-XX веков, так и после первой мировой войны – в начале 1920-х годов. Дискуссия героев рассказа передает полифонию идей модернистской эпохи. Но драматург не сумел переубедить актеров в том, что мир – это плод его воображения и нет пределов авторскому своеволию, и просто покидает репетицию своей пьесы. Это рассказ «о нравственных отношениях людей искусства» (с. 106).

"Голубая жизнь" как антитеза "русской жизни": "серое" и "голубое" в рассказе» – предпоследний рассказ горьковского сборника. В тексте раскрывается самобытность «авторского видения серой русской жизни, русского быта с его устойчивыми деформациями, властными притязаниями городского мещанства, враждебного ко всему новому, иному» [Белова, 2022, с. 108]. Глубину авторского замысла этого небольшого художественного текста, как считает автор пособия, раскрывает

социально-исторический контекст: письма Горького этого периода, новости, которые он получал с Родины, находясь в невольной эмиграции. «Образ столяра с говорящей фамилией Крюков, рабочего или ремесленника многозначен, отражает ситуацию гонения на интеллигенцию в стране» [Белова, 2022, с. 116]. Главный герой оказывается во власти «черта», «дьявольский расчет лежит в основе сближения Крюкова с осиротевшим хозяином крепкого дома» [Белова, 2022, с. 117]. Автор в этом рассказе развенчал «изъяны русского провинциального быта» [Белова, 2022, с. 118], но в более широком контексте прослеживалось опасение Горького за будущее страны, за ее интеллектуальный потенциал.

«М. Горький о "простоте" и "упрощении" русской жизни: крестьянство и революция в "Рассказе о необыкновенном"». Роль крестьянства в революции – тема весьма важная и неоднозначная для Горького. Он выразил ее в статье 1922 года «О русском крестьянстве». В контексте этого горьковского текста более глубоко прочитывается последний рассказ Горького. Как пишет Т.Д. Белова, «субъектная организация текста, рассказ от первого лица,... нацелена на возможную правдивость изложения героем-очевидцем судьбоносных явлений истории» [Белова, 2022, с. 123]. России начала XX века. Однако Горький представляет читателям «человека, пришедшего к большевикам, но не сумевшего разобраться в сути Октябрьской революции» [Белова, 2022, с. 133], это «пестрый» человек, который «балансирует между темным и светлым, добром и злом» [Белова, 2022, с. 137]. Последний рассказ сборника, по утверждению Т. Д. Беловой, наиболее сложный «по содержанию, по мотивам, по языку, по сложности характера героя и способам авторского самовыражения» [Белова, 2022, с. 144]. В этом тексте можно обнаружить смысловые переключки со всеми рассказами сборника.

В «Заключении» автор пособия пишет о том, что «автор избегает прямых характеристик. Сложное время сумятицы, переломов во всем с особенной отчетливостью дало понять: люди пестры...» [Белова, 2022, с. 151]., и предлагает обобщение художественных особенностей горьковских рассказов, их поэтики и языка.

Подводя итог, нельзя не согласиться с Т. Д. Беловой, что ценность горьковского сборника рассказов в том, что «она отражает заветное: комплекс мыслей и чувств писателя, задумавшего большую работу о нас, русских людях, о предреволюционной России, ее истории, месте в мире» [Белова, 2022, с. 7].

Значимость учебного пособия Т. Д. Беловой в том, что она рассматривает рассказы Горького 1920-х годов как в широком контексте научно-критических работ, так и социально-историческом и биографическом контекстах. Эта книга помогает более масштабно постигнуть смысл, казалось бы, небольших текстов, в которых писатель сконцентрировал все свои художественные и идейные искания, при этом намечая перспективу дальнейших творческих замыслов.

Литература

Белова Т. Д. (2022). М. Горький. «Рассказы 1922-1924 годов»: мотивы, образы, смыслы. Проблемы современного прочтения. Учебное пособие, Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 155.

References

Belova T. D. (2022). M. Gor'kij. «Rasskazy 1922-1924 godov»: motivy, obrazy i smysly. Problemy sovremennogo prochteniya [M. Gorky. "Stories of 1922-1924": Motives, Images and Meanings. Problems of Modern Reading]. Textbook. Saratov: Saratovskij istochnik Publ., 155.

*Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.11.2023.
Принята к публикации 01.02.2024.*

Об авторе

Александра Леонидовна Семенова — доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8963-3888; Alexandra.Semenova@novsu.ru

Semenova A. L.

REVIEW OF THE TEACHING MANUAL BY T. D. BELOVY "GORKY. "STORIES OF 1922-1924": MOTIVES, IMAGES OF MEANING

Abstract. The review is devoted to the textbook by T.D. Belova, which analyzes the publication of M. Gorky "Stories of 1922-1924". The researcher builds the reading and analysis of short Gorky texts on the involvement of various contexts: biographical, creative, socio-cultural. At the same time, both the collection of stories and each individual text are considered with the assistance of scientific and critical works from different times. The author of the manual offers a new look at Gorky's publication, prepared and published abroad, but it concerns Russia contemporary to Gorky, and he seeks to comprehend both the past of his home country and its present.

Keywords: M. Gorky, stories, genre, artistic features, poetics, language

For citation: Semenova A. L. (2024). Review of the teaching manual by T. D. Belovy "Gorky. "Stories of 1922-1924": motives, images of meaning. *Memoirs of NovSU*, 1(52), 111-117. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(52).111-117

Александрова А. А.

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В НИЗКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ БУРЛЕСКЕ СЭМЮЭЛА БАТЛЕРА «ГУДИБРАС»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос субъективной авторской модальности в художественном произведении, обосновываются интерпретации термина, делается обобщающий вывод с выделением универсальных типов авторской модальности – героическая, трагическая, комическая и романтическая. С целью выявления конкретных особенностей авторской модальности анализируется бурлеск – комический вторичный жанр (имитирующий определенную текстотипологическую модель), комический эффект которого определяется резким контрастом между предметом описания и стилем выражения. Проводится лингвостилистический и литературоведческий анализ англоязычного низкого поэтического бурлеска Сэмюэла Батлера «Гудибрас», написанного в 1678 году и имитирующего текстотипологическую модель рыцарского романа. В рассматриваемом произведении выявляются маркеры героической и иронической авторской модальности. Описывается функционирование двух параллельных планов модальности «Гудибраса» и делается вывод о наличии ироикокомической авторской модальности в рассматриваемом художественном произведении.

Ключевые слова: авторская модальность, бурлеск, низкий бурлеск, гудибрастический стих, ироикокомическая поэма, ироикокомическая модальность

Для цитирования: Александрова А. А. Авторская модальность в низком поэтическом бурлеске Сэмюэла Батлера «Гудибрас» // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52).118-124. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).118-124

Если наука направлена на нахождение объективной истины, то «искусство, связанное с личностью творца, открыто заявляет свою субъективность» [Щирова, Гончарова, 2007, с.150]. «При этом реальный мир во всем его разнообразии пропускается через «творческое «я» создающей произведение искусства личности и отражается в том или ином виде в художественном произведении. Переосмысляя и интерпретируя реальность, художник трансформирует ее закономерности в образное «инобытие», придает им статус фикции» [Щирова, Гончарова, 2007, с.151]. Трансформация реальности творческим субъектом происходит через призму его картины мира, определяющейся его воззрениями, убеждениями, идеалами и жизненным опытом. Исходя из этих позиций, переосмысляя и преломляя через свою картину мира реальные ситуации и сюжеты, творческая личность создает произведение с характерной авторской модальностью.

Понятие авторской модальности человекоориентировано и актуально для современной текстолингвистики и литературоведения в силу сфокусированности на творческом субъекте, личности и интенциях автора литературного произведения, что координируется с антропоцентрической парадигмой современных гуманитарных исследований. При этом для репрезентации особенностей актуализации авторской модальности интересным и иллюстративным объектом рассмотрения являются вторичные жанры, и в данной статье анализируется вторичный имитационный жанр бурлеска.

Методы исследования включают метод сплошной выборки лексем из анализируемого произведения, сравнительно-сопоставительный анализ, а также лингвостилистический и литературоведческий анализ.

В качестве вводного замечания сконцентрируемся на обзоре интерпретаций

термина авторской модальности в признанных литературных источниках. Вопрос авторской модальности и в целом модусов художественности не имеет единого толкования в лингвистике, и авторитетные исследователи при описании данного феномена представляют разные его интерпретации. Так, Г.Н. Пospelов в труде по теории литературы трактует авторскую модальность как «пафос литературного произведения и выделяет такие разновидности пафоса как 1. возвышенное, 2. драматизм, 3. героика, 4. трагизм, 5. сентиментальность, 6. романтика и 7. юмор и сатира» [Пospelов, 1978, с. 188]. В. Е. Хализев говорит о наличии типов авторской эмоциональности в произведении и делит эту эмоциональность на пять типов: «1. героическое, 2. благодатное приятие мира и сердечное сокрушение, 3. идиллическое, сентиментальность, романтику, 4. трагическое, 5. смех, комическое, иронию» [Хализев, 2013, с. 110]. И.Ф. Волков для описания феномена авторской модальности использует термин «тип художественного содержания» и фиксирует следующие типы: «1. героика, 2. этологический («нравоописательный») тип, 3. интеллектуальность, 4. романтика, 5. трагизм, 6. драматизм, 7. романтическое и 8. комическое» [Волков, 1995, с. 101]. Неизменным в разных трактовках выступает наличие таких модусов как героический, трагический, комический и романтический.

При анализе наиболее авторитетных источников по данной тематике можно выявить разную интерпретацию понятия авторского отношения к описываемой в произведении ситуации, разный фокус восприятия модуса – понимание «от автора» – если рассматривать модус как тип авторской эмоциональности; или понимание «от текста» – как свойство художественного содержания произведения как такового. Однако, уходя от полемики о терминологии, логичным кажется тезис о невозможности воплощения текстом какого-либо модуса самого по себе, без участия автора. Именно творческая личность является носителем субъективного отношения к описываемым событиям и наделяет нарратив модальностью, идущей от личного переосмысления автором явлений реальной действительности. Таким образом, модальность выступает как инструмент выражения авторской интенции передачи реципиенту определенного смысла и отношения, и является неотъемлемой составляющей литературного произведения.

Несомненным видится тот факт, что как правило в едином художественном произведении сосуществуют несколько типов авторской модальности. При кажущейся однозначности описания модальности комических текстов, в рамках их глубинного текстового анализа обнаруживается многомерная картина. Обратимся к бурлеску – имитационному комическому тексту, который традиционно строится на базе исходного текстотипологического шаблона – но при этом кардинально меняется манера изложения оригинала – на чем и строится комический эффект нового вторичного произведения. Суть комизма бурлеска выражается в ярком контрасте между предметом повествования и манерой изложения – низкий предмет может описываться высоким стилем или высокий предмет описывается низким стилем. В связи с этим сами бурлески можно называть низкими или высокими, в зависимости от того, каким стилем актуализировано содержание.

Проведем анализ реализации авторской модальности в таком жанре как бурлеск на примере низкого поэтического бурлеска Сэмюэла Батлера «Гудибрас» (Hudibras).

Сочинялся он Сэмюэлом Батлером с 1663-1678 гг., так и остался незаконченным, однако виртуозность техники бурлескного письма и колоритные образы без сомнения позволяют причислять данное произведение к самым знаменитым образцам бурлеска в английской литературе. *Настолько знаменитым, что авторитетные исследователи жанра бурлеска Р. Бонд и Д. Джамп в своих разных классификациях бурлесков оба выделили отдельный тип комического текста – гудибрасик.* Р. Бонд описывает «низкий бурлеск, возвышенная тема в котором излагается подчеркнуто низким стилем (гудибрасик)» (перевод здесь и далее мой, Александрова) [Bond, 1932, p. 4]. Д. Джамп также выделяет «гудибрасик – низкий бурлеск, в котором сниженный стиль используется для описания героического сюжета» [Jump, 1972, p. 2].

При этом основой его написания и имитируемым шаблоном выступает рыцарский роман, пришедший в 12 веке на смену героическому эпосу. Жанр преимущественно был стихотворным, и довольно быстро пришел в упадок. По утверждению исследователя «Гудибраса» Дж. Донована, «к моменту его написания, то есть к середине 17 века, рыцарские романы уже перестали считаться серьезными произведениями, а рыцари и их оруженосцы в целом воспринимались как комические персонажи» [Donovan, 1972, p. 86].

Подобное видение рыцарских романов вкупе с оригинальной дуалистической комической эстетикой того времени не могло не вызвать желания использовать их как шаблон для создания комических переложений и имитаций. Поэтому появление в европейской литературе 17 века таких произведений как «Дон Кихот» и «Гудибрас» целиком отвечало эстетике эпохи. Происходило переосмысление как исторической и социальной роли персонажей рыцарей, так и в целом места рыцарского романа в литературе. Доподлинно неизвестно, послужил ли «Дон Кихот», написанный полвека ранее, вдохновением для создания «Гудибраса», однако в основе сюжета последнего также лежит история об ещё одном «истинном рыцаре» - пресвитерианском судье сэре Гудибрасе и его оруженосце Ральфо.

С одной стороны, лингвистический анализ «Гудибраса» позволяет говорить о реализации в произведении героической авторской модальности, изначально свойственной рыцарскому роману. Обратимся к языковому материалу с целью выявления маркеров данного типа модальности и проанализируем их в контексте целостного произведения и передачи авторской точки зрения.

Прежде всего важно отметить тот факт, что доминантный смысл бурлеска и авторское отношение реализуется через речь персонажей. Героический пафос монологов и диалогов актуализируется через «обилие изречений из латинского языка (*dictum factum; velis et remis, omnibus nervis; vere adeptus*), устаревших поэтических форм английского языка (*'tis, doth, steed, quoth, by't*), лексики, относящейся к религиозному дискурсу (*martyrdom, unchristian, gospel-preaching, Reformation, church-discipline*), риторических восклицаний и вопросов (*What rage, o citizens! What fury, Doth you to these dire actions hurry?*)» [Butler, 1859, p. 1-27].

В плане архитектоники и формальной связности произведения можно проследить, что при написании «Гудибраса» автор досконально следовал канонам написания рыцарского романа в рамках сюжета, а также тематического и структурного наполнения. Структурно произведение имитирует построение традиционных

рыцарских романов Средневековья, так как единицей композиции и там и там является песнь – поэтическая конструкция, близкая к оде, воспевающая подвиги и начинания главного героя рыцаря. Тематически «Гудибрас» также отсылает читателя к характерным для рыцарского романа темам и ситуациям – рыцарские сражения и подвиги, служение Прекрасной Даме, схватки со сверхъестественными силами, волшебниками и т.д.

Все эти формальные и содержательные маркеры являются средством выражения героической авторской модальности. Через них автор рисует героический образ протагониста, героический сюжет, вкладывает всю необходимую героическую атрибутику в содержание текста. То есть, проанализировав все необходимые разноуровневые маркеры, сложно отрицать интенцию автора воспроизвести героический нарратив.

Однако, с первых страниц текста очевидно, что произведение не является рыцарским романом, а лишь имитирует его с определенной целью. Вдумчивое чтение заставляет увидеть в тексте второй план – то есть то, что на самом деле подразумевается в отношении к героям и ситуациям. Как известно, художественный прием, при котором постулируется один тезис, а подразумевается другой – противоположный по смыслу – называется иронией. Анализ текста позволяет выявить четкий иронический план и наличие иронической авторской модальности.

Рассмотрим далее маркеры реализации иронической модальности в анализируемом тексте. На лексическом уровне в яркий контраст с рассмотренной ранее возвышенной поэтической лексикой входит окказиональное использование вульгаризмов и просторечно-разговорной лексики, низводящее всё повествование до несерьезной языковой игры, шуток (а само слово бурлеск восходит к итальянскому *burla* – шутка). Автор таким образом показывает, что ко всему нарративу не нужно относиться с серьезностью – это ирония, в рамках которой описывается одно, а подразумевается противоположное. Цель – демонстрация личных взглядов писателя и дискредитация пуританского общества. Сэмюэл Батлер жил в эпоху Реформации в Англии и критически относился к пуританам, в связи с чем главным героем произведения стал пресвитерианский судья, как собирательный образ негативных по мнению автора характеристик данной социальной группы и отражение пуритан в целом. Возможно, Батлер, как и другие критики пуритан, усматривал в них наличие определенного лицемерия, что прослеживается в характере Гудибраса, красноречивые и набожные речи которого не коррелируют с его поступками.

На синтаксическом уровне элементы иронии прослеживаются в использовании язвительных насмешек в форме комических сравнений, направленных против главного героя Гудибраса. Так, например, за его положительным именованием «Зеркалом Рыцарства» (*Mirror of Knighthood*) исходя из контекста скрывается ирония, так как отношение автора предполагает противоположное суждение. Песнь первая, в целом оформленная как песнь хвалебная, содержит серию сравнений Гудибраса с представителями животного мира (лошадь, крыса, свинья), функционирующих как маркеры реализации иронической модальности.

*"Sir Hudibras his passing worth,
The manner how he sallied forth,
His arms and equipage are shown;
His horse's virtues, and his own"* [Butler, 1859, p. 1].

Далее при описании личности Гудибраса рисуется возвышенный и изначально положительный по своей семантике образ – «он преуспевал как на войне, так и в мирной жизни». Однако в следующих строках автор приравнивает эту способность к способности некоторых крыс быть одновременно наземными и водоплавающими животными. Семантически сравнение рыцаря с крысой нивелирует серьезность исходной мысли, придавая ей иронический смысл. Аналогичное ироническое сравнение видим при описании лингвистических навыков Гудибраса в греческом языке, которые приравниваются к естественной способности свиньи визжать.

*"We grant, although he had much wit,
H' was very shy of using it;"* [Butler, 1859, p. 6].

В качестве ещё одного примера иронических синтаксических конструкций выделим фразу выше, характеризующую умственные способности Гудибраса. Фраза «он был довольно умен, но стеснялся это показать» оформленная как невинное оправдание, содержит явную иронию и подразумевает совершенно противоположный смысл. Таким образом, обилие в тексте иронии на синтаксическом уровне в формате иронических сравнений указывает на ироническую модальность и тот факт, что герой рыцарского романа становится антагонистом в бурлеске.

В плане архитектоники следует отметить такой важный элемент как искажение традиционного стиха рыцарского романа и применение в тексте нового поэтического построения – «гудибрастического стиха (*hudibrastic verse*) – представляющего собой определенную манеру письма смежными рифмами в восьмистишьях. С одной стороны, гудибрастический стих подчас оперирует нарочито избитыми рифмами, что создает иллюзию «плохой поэзии», с другой стороны остроумие и находчивость стихосложения Батлера сделали его выдающимся образцом «низкой сатиры» [Cuddon, 2013, p. 342]. Для иллюстрации примеров гудибрастического стиха приведем следующие строки:

*"A squire he had, whose name was Ralph,
That in th' adventure went his half:
Though writers, for more stately tone,
Do call him Ralpho; 'tis all one;
And when we can with metre safe,
We'll call him so; if not, plain Ralph.
(For rhyme the rudder is of verses,
With which like ships they steer their courses)"*
[Butler, 1859, p. 22].

*"But its great grandsire, first o' the name,
Whence that and Reformation came;*

Both cousin-germans, and right *able*
T' inveigle and draw in the *rabble*.
But Reformation was, some *say*,
O' th' younger house to Puppet-*play*.
He could foretel whats'ever *was*
By consequence to come to *pass*;"
[Butler, 1859, p. 27].

В приведенных отрывках, как и по всему ходу текста бурлеска, наблюдаем смежные рифмы в соседствующих строках. Интересным видится факт резкого контраста между в целом искусно написанным стихотворным текстом и нарочито примитивными рифмами – для построения, которых, как кажется, не требуется обладания выдающимся поэтическим талантом. В этой детали видится яркая характеристика гудибрастического стиха и лингвистический механизм создания им комического эффекта в произведении.

Из вышеприведенного анализа можно сделать заключение об однозначном формальном и содержательном дуализме «Гудибраса», но не просто сосуществовании разных типов авторской модальности в разных отрезках произведения, а наличие двух параллельных планов – первого – героика, и второго – ирония. Видится, что подобный дуализм логично описывать в рамках уже существующей литературоведческой терминологии, со смещением фокуса на вопрос авторской модальности.

Так, литературоведы выделяют наличие смежного с бурлеском жанра – ироикомиической поэмы (*mockheroic*) жанра поэзии классицизма, пародирующего приемы эпической (героической, «иронической») поэмы» [ЛЭС, 1987, с. 131].

Объектом имитации для ироикомиической поэмы традиционно является эпос, однако сама внутренняя форма термина иллюстрирует наличие двух контрастирующих элементов содержания – героической и комической – как в целом и типов авторской модальности. Подобную картину можно наблюдать и в анализируемом произведении «Гудибрас».

Таким образом, сделаем вывод, что представленный выше анализ позволяет говорить о дуализме модальностей, проявлении как героического, так и иронического взгляда на мир, окружающую действительность и описываемую ситуацию. В целом такой анализ позволяет говорить о наличии в «Гудибрасе» и в других подобных произведениях ироикомиической авторской модальности.

Литература

- Волков И. Ф. (1995). *Теория литературы: учеб. пособие*. Москва, 101.
- ЛЭС. *Литературный энциклопедический словарь* (1987). Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, Москва: Советская энциклопедия, 131.
- Поспелов, Г. Н. (1978). *Теория литературы: учебник для ун-тов*. Москва, 188.
- Хализев В. Е. (2013). *Теория литературы*. Москва, 110.
- Щирова И. А., Гончарова, Е. А. (2007). *Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие*. Санкт-Петербург: Книжный Дом, 150-151.
- Bond R. (1932). *English Burlesque Poetry, 1700-1750 / R. Bond*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 4.
- Jump J.D. (1972). *Burlesque: The Critical Idiom / J.D. Jump*. London: Methuen, 2.

- Donovan J. (1972). Hudibras and its Literary Context / J. Donovan. – Birmingham: University of Birmingham, 86.
- Butler S. (1859). Hudibras. London: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1, 2, 5, 6, 22, 27.
- Cuddon J. A. (2013). A dictionary of literary terms and literary theory. 5th ed. John Wiley & Sons Ltd, Chichester, 342.

References

- Schirova, I.A., Goncharova, E.A. (2007) Mnogomernost` teksta: ponimanie i interpretaciya: Uchebnoe posobie / I.A. Schirova, E.A. Goncharova. – SPb.: Knizhny`j Dom, 150-151.
- Pospelov, G.N. (1978) Teoriya literatury`: uchebnik dlya un-tov / G.N. Pospelov. – M., 188.
- Halizev, V.E. (2013) Teoriya literatury` / V.E. Halizev. – M., 110.
- Volkov, I.F. (1995) Teoriya literatury`: ucheb. posobie / I.F. Volkov. – M., 101.
- Bond, R. (1932) English Burlesque Poetry, 1700-1750 / R. Bond. – Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 4.
- Jump, J.D. (1972) Burlesque: The Critical Idiom / J.D. Jump. – London: Methuen, 2.
- Donovan, J. (1972) Hudibras and its Literary Context / J. Donovan. – Birmingham: University of Birmingham, 86.
- Butler, S. (1859) Hudibras / S. Butler. – London: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1, 2, 5, 6, 22, 27.
- Cuddon, J. A. (2013) A dictionary of literary terms and literary theory / J.A. Cuddon. – 5th ed. John Wiley & Sons Ltd, Chichester, 342.
- Literaturny`j e`nciklopedicheskij slovar` (1987) - M.: Sovetskaya e`nciklopediya. Pod redakciej V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva, 131.

*Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.01.2024.
Принята к публикации 10.02.2024.*

Об авторе

Анастасия Андреевна Александрова – кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-7035-4515; anastasia.a.alexandrova@gmail.com

Alexandrova A. A.

AUTHORIAL MODALITY IN LOW POETIC BURLESQUE BY SAMUEL BUTLER "HUDIBRAS"

Abstract. The article deals with the question of subjective authorial modality in fictional texts. Different interpretations of the term are analyzed, and universal types of authorial modality are distinguished – heroic, tragic, comic and romantic. In order to reveal peculiarities of authorial modality, burlesque is analyzed. Burlesque is a comic secondary genre (imitating a certain text-typological model), comic effect of which is determined by sharp contrast between the subject of description and the style of expression. English-language low poetic burlesque by Samuel Butler "Hudibras" is subjected to linguistic and literary analysis. This burlesque was written in 1678 and it imitates text-typological model of chivalric novel. Markers of heroic and ironic authorial modality in "Hudibras" are revealed. Two parallel plans of modality of "Hudibras" are described and it is concluded that in the given text one can observe mock-heroic authorial modality.

Keywords: authorial modality, burlesque, low burlesque, hudibrastic verse, mock-heroic poem, mock-heroic modality

For citation: Alexandrova A. A. Authorial modality in low poetic burlesque by Samuel Butler "Hudibras". *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 118-124. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(52).118-124

Фабинский М. В.

В. А. ШТУКИН (1894–1923): ЮРИСТ, ЧЕКИСТ, АГИТАТОР

Аннотация. На основе московских (ГАРФ, РГАСПИ) и новгородских (ГАНО, ГАНИНО) архивов показаны основные этапы деятельности Василия Александровича Штукина и его вклад в общественную и политическую жизнь Новгородской губернии. Сразу же после окончания юридического факультета Петроградского университета он связал всю жизнь с Новгородом. Благодаря своим талантам ему удалось реализовать в ряде профессий. В. А. Штукин не только прошел путь от народного судьи до заведующего подотделом юстиции Новгородского губисполкома — его привлекали к работе в ВЧК и губЧК. При этом он был активным членом РКП(б). Губком назначает его редактором партийного журнала «Известие» и ответственным за проведение агитационной пропаганды. Через всю жизнь В. А. Штукина проходит антирелигиозная деятельность. Он становится «наблюдающим за проведением декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», руководителем «особой тройки», отвечавшей за данный вопрос. После своей безвременной кончины он первым из советских общественных деятелей был погребен в сквере у Кремлёвской стены, открыв таким образом пантеон борцов за революцию. Статья посвящена 100-летию со дня кончины Василия Александровича Штукина (11.05.1923).

Ключевые слова: В. А. Штукин, народный судья, сотрудник ВЧК, заведующий карательным подотделом, «наблюдающий за проведением Декрета об отделении церкви от государства», погребенные у кремлевской стены Новгородского Кремля.

Для цитирования: Фабинский М. В. В. А. Штукин (1894-1923): юрист, чекист, агитатор // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 125-132. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).125-132

У новгородцев особый интерес всегда вызывали имена захороненных у кремлевской стены. Первым из захороненных здесь в мае 1923 г. стал В. А. Штукин.

Он родился в Санкт-Петербурге в русской семье. Его дед был торговцем, «хозяином-одиначкой». Отец работал наборщиком, мать была домохозяйкой [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11]. Среднее образование получил в Санкт-Петербургской гимназии № 12. В 1911–1916 гг. обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. Как свое достижение он всегда отмечал, что получил высшее образование без поддержки родителей. [Некролог] Для того, чтобы учиться на свои средства, он начал работать еще в гимназистские годы — в 13 лет. На протяжении 9 лет он являлся секретарем, а затем помощником присяжного поверенного И. А. Шпицберга [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11]. Во многом эта встреча определила судьбу молодого человека. До революции И. А. Шпицберг был одним из известных юристов столицы. Привлекался он на определенные мероприятия под эгидой Священного Синода. Однако революционные события 1917 г. дали ему возможность реализовать себя на другом поприще. Наибольшую известность он получил, вступив на атеистическую стезю и став «...одним из ведущих советских конфессиональных специалистов», ведущих борьбу с Церковью [Петров, 2000, с. 35]. Одно его имя внушало огромную неприязнь у всех верующих. Несомненно, свои антихристианские идеи он сумел внедрить и своему ученику, во многом подготавливая его к подобной стезе.

Свою учебу и работу В. А. Штукин совмещал с активной революционной деятельностью: состоял в двух студенческих движениях и в подпольном кружке, был

делегатом на партийных конференциях [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11об]. Он участвовал в многочисленных политических стачках, демонстрациях, нелегальных митингах, маевках, а также в «вооруженном восстании». В 1917 г. вступил в большевистскую партию.

При этом ему удалось избежать не только тюрьмы или высылки, но и благополучно окончить университет. Причем ввиду того, что он учился достаточно успешно, ему было предложено остаться на кафедре торгового права Санкт-Петербургского университета для подготовки диссертации.

Но в это сложное время более всего нужна была финансовая составляющая. Появилась семья — необходимо ее содержать. С февраля 1918 г. по октябрь 1920 г. В. А. Штукин работал народным судьей в Новгородском уезде [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11]. Первым местом его службы стал 8-й участок, расположенный при почтовом отделении «Струбинское» Тесовского волысполкома. Здесь он являлся активным членом волостной большевистской организации и одновременно исполнял обязанности представителя Новгородской земельной губернской управы. Вел активную общественную деятельность, участвуя в культурно-просветительной комиссии Тесовской волости [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 168. Л. 244].

Уже тогда стало ясно, что В. А. Штукин, и как его наставник, обладал сложным характером. Губернскому отделу юстиции постоянно приходилось разбирать связанные с ним различные скандальные случаи. Так, уже в сентябре 1919 г. от него потребовали объяснений в связи с оскорблением на суде адвоката Н. М. Раевского [ГАОУ Ф. Р-268. Д. 38. Л. 18]. В ноябре 1919 г. отдел юстиции вообще был вынужден приостановить судебную деятельность на 8-м участке ввиду... исчезновения В. А. Штукина. В Тесовский волостной исполком были посланы запросы о местонахождении... народного судьи [ГАОУ. Ф. Р-268. Д. 38. Л. 29]. Лишь отсутствие квалифицированных кадров и заступничество из Москвы оставили В. А. Штукина в системе народного судопроизводства.

Его наставник И. А. Шпицберг, став в мае 1919 г. ответственным сотрудником, экспертом, а затем и следователем «по особо важным делам» VIII ликвидационного отдела НКЮ (органа, ведавшего антирелигиозными мероприятиями в стране в данный период времени), всеми силами старался поддержать своего ученика. Уже тогда у него возникла идея сделать его руководителем антирелигиозной деятельности в Новгородской губернии. Ведь здесь констатировалось полное отставание в данном направлении. Наличие многочисленных монастырей и авторитетных священнослужителей (в первую очередь митрополита Арсения (Стадницкого) и епископа Алексея (Симанского)) делало Новгородскую губернию «самой поповской» в России. Местная атеистическая группа как таковая отсутствовала. Губернская власть антицерковные мероприятия, по сути дела, игнорировала, выпрашивая специалиста из Москвы. В. А. Штукин по совместительству начинает вести активную пропагандистскую работу как лектор-агитатор [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11об.]. Однако подобные планы пришлось на время отложить. ЦК РКП(б) в апреле 1920 г. на должность заведующего церковно-ликвидационным подотделом юридического отдела Новгородского губисполкома назначил более опытного штатного сотрудника VIII отдела НКЮ Н. Н. Левендаля (Копейщикова) [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 757. Л. 89].

Но это решение не заставило И. А. Шпицберга отказаться от своих планов. Он продолжал осуществлять своеобразное кураторство Новгородской губернии. Предполагая, что командировка Н. Н. Левендаля не будет продолжительной, И. А. Шпицберг подготавливал сменщика на его пост. На эту должность он предполагал назначить именно В. А. Штукина, о чем извещал заведующего отделом юстиции И. А. Куприянова, давая более чем положительную характеристику своему ученику: «В. Штукина я знаю с детства как честного и трудоспособного человека и не имею оснований сомневаться в преданности советскому строительству» [Ф. А. 353. Оп. 3. Д. 757. Л.112 – 112об.]. Предполагалось изначально устроить В. А. Штукина в губернский отдел юстиции, а после налаживания дел в церковно-ликвидационном подотделе и отъезда Н. Н. Левендаля переместить его на место заведующего.

Кроме этого, документы НКЮ свидетельствуют, что за подобным лоббированием стояли близкие родственницы В. А. Штукина: Александра Васильевна Штукина [ГА РФ Ф А 353. Оп. 4. Д. 10. Л. 213об.] и Надежда Николаевна Штукина — работники центрального аппарата НКЮ в Москве [ГА РФ Ф А 353. Оп. 4. Д. 10. Л. 211.]. Видимо, они также всеми силами оказывали поддержку через И. А. Шпицберга, так как проживали в Москве в одном доме с ним [ГА РФ Ф А 353. Оп. 4. Д. 10. Л. 2].

Однако изначально данный план не удалось воплотить в жизнь. Н. Н. Левендаль неожиданно решил задержаться в Новгороде на более продолжительный срок. Руководитель VIII отдела НКЮ П. А. Красиков согласился с его мнением, желая реализовать здесь проект расширения антирелигиозной деятельности. Было решено провести целую серию показательных процессов над священнослужителями и епархиальным советом. Естественно, эти мероприятия мог провести только достаточно опытный исполнитель.

Вместе с тем идея о назначении В. А. Штукина в церковно-ликвидационный подотдел не могла быть реализована потому, что он попал под... следствие по обвинению в получении взятки. Лишь благодаря лояльности губревтрибунала дело было прекращено [ГАНО. Ф. 268. Д. 109. Л. 20.]. Несмотря на то, что В. А. Штукина оправдали и восстановили в правах народного судьи, «...в интересах дела» он был переведен из 8-го в 9-й участок [ГАНО. Ф. 268. Д. 109. Л. 20.]. Вскоре на время вынужден был уйти из юстиции. В октябре — декабре 1920 г. являлся заведующим Тесовской заготовительной конторой [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11].

После оправдательного приговора В. А. Штукин в январе 1921 г. отправился в Москву, где в течение полугода работал в ВЧК [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11]. Подобный ход связан с тем, что его наставник И. А. Шпицберг был переведен из НКЮ на ответственную должность, связанную с борьбой с церковью в ВЧК, став в январе 1921 г. уполномоченным (в должности начальника VII отделения («церковники и сектанты»)) СО СОУ ВЧК [Крапивин, 2017]. После увольнения И. А. Шпицберга 7 июня 1921 г. по дискредитирующим для сотрудника обстоятельствам вынужден был покинуть ведомство и его ученик [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11].

В июне 1921 г. В. А. Штукин возвратился в Новгород и был назначен заведующим карательным подотделом (исправтрудом) и членом коллегии отдела юстиции [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531.]. Одновременно В. А. Штукин стал лектором на

Новгородских командирских курсах, входил в ячейку курсов комсостава при 73-м пехотном Новгородском полке (парт. билет № 492215) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 624. Л. 13].

На новом посту В. А. Штукин сразу же развернул активную деятельность. В частности, он требовал передать карательному подотделу земли Саввино-Вишерского монастыря [ГАО. Ф. Р -268. Оп. 1. Д. 203. Л. 14]. Возникла идея создать при данном ведомстве исправительную сельскохозяйственную колонию [ГАО. Ф. Р -268. Оп. 1. Д. 203. Л. 14]. Причем он был согласен, в случае отказа в просьбе о данном монастыре, предъявить просьбу о другом монастыре – Отенском, который можно также приспособить для подобной цели [ГАО. Ф. Р -268. Оп. 1. Д. 203. Л. 14].

Между тем вожде́ленным для него оставался пост руководителя антирелигиозного ведомства. Поводом к этому послужило ширившиеся недовольство губернских властей деятельностью «засидевшегося» на своем посту Н. Н. Левендаля. Не имея возможности самостоятельно уволить назначенца Москвы, они вызвали заместителя заведующего VIII отделом НКЮ М. В. Галкина. В его отчете от 18 ноября 1921 г. было предложено не только сместить Н. Н. Левендаля, но и вообще прекратить функционирование церковно-ликвидационного подотдела Новгородской губернии, деятельность которого была признана неудовлетворительной [ГА РФ Ф. А 353 Оп. 4. Д. 378. Л. 50]. Всю практическую работу по проведению в жизнь Декрета следовало передать в отдел управления, сохранив за отделом юстиции лишь общее консультирование [ГА РФ Ф. А 353 Оп. 4. Д. 378. Л. 50].

5 декабря 1921 г. коллегия отдела юстиции на своем заседании приняла официальное решение считать Н. Н. Левендаля выбывшим из губюста ввиду ликвидации возглавляемого им ранее подотдела [ГАО. Ф. Р -268. Оп. 1. Д. 181. Л. 86.]. Взамен президиуму губисполкома для дальнейшего решения религиозного вопроса предлагалось утвердить «особую тройку», состоящую из коммунистов отделов юстиции, управления и губЧК. Своим представителем отдел юстиции назначил В. А. Штукина [ГАО. Ф. Р -268. Оп. 1. Д. 181. Л. 86.]. Именно ему предписывалось принять в свое ведение общее руководство мероприятиями по проведению в жизнь декрета [ГАО. Ф. Р -268. Оп. 1. Д. 181. Л. 86.]. Он должен был устранить все выявленные недостатки: истребовать описи храмов, которые еще не предоставили отдельные группы верующих граждан, провести проверку всех договоров с прихожанами, довести до конца процесс ликвидации всех домовых церквей [ГАО. Ф. Р - 268. Оп. 1. Д. 181. Л. 86.].

10 января 1922 г. губисполком утвердил состав «ответственной тройки» для решения религиозного вопроса под общим руководством В. А. Штукина. Интересна прописываемая в документе его полуофициальная должность: «наблюдающий за проведением декрета» [ГА РФ. Ф. А 353 Оп. 4. Д. 378. Л. 98.]. Так спустя значительное время воспитанник И. А. Шпицберга всё же получил вожде́ленный пост. Однако время уже было другое – ситуация значительно изменилась. Он уже не являлся полноправным руководителем в этой сфере.

Следует подчеркнуть неопределенность положения В. А. Штукина: с одной стороны, он продолжал оставаться сотрудником отдела юстиции, членом его коллегии и заведующим карательным подотделом (исправтрудом). Кроме этого, как

ответственный за проведение в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, он отчитывался перед руководителем ликвидационного отдела НКЮ [ГА РФ. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 378. Л. 98]. Но, с другой стороны, он стал руководить мероприятиями, которые теперь перешли в ведение губернского отдела управления, и ввиду этого вынужден был непосредственно подчиняться заведующему. Сложность положения усугублялась тем, что не только не были разграничены полномочия между двумя органами, но и фактически решающую роль стали играть чекисты.

Наступивший 1922 год стал одним из печальных для новгородской церкви. Одной из основных задач, поставленных властью перед В. А. Штукиным, стало обеспечение «пропагандистского аспекта» начинающегося процесса изъятия церковных ценностей. С этой целью руководство большевиков губернии 1 января 1922 г. назначает его лектором-агитатором губкома РКП(б) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11об]. Уже 10–13 января произошло изъятие церковных ценностей из Юрьевского монастыря и Софийского собора. Не доверяя новгородским сотрудникам, практически всё мероприятие провели представители Москвы.

Между тем В. А. Штукин вскоре становится заместителем заведующего агитпропом. Причем для придания «статусности» его также включили в состав губЧК. Проведение лекций и митингов, преисполненных нападок на Церковь, вызвало протест не только верующих, но даже советских служащих. В документах партийного архива сохранились материалы жалобы от директора одной из школ г. Новгорода после агитационных мероприятий В. А. Штукина. Причем губком был вынужден не только согласиться с претензиями, но и объявить строгий выговор своему пропагандисту [ГАНИНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 2об.].

Но все же его напористость удовлетворяла власть. Он соответствовал духу времени. Расширялась пропагандистская деятельность. Проводились судебные кампании над защитниками церковных ценностей. Из Новгорода был изгнан управляющий епархией митрополит Арсений (Стадницкий). В городе появился кружок безбожников. Руководство местных коммунистов, начав издавать журнал «Известие Новгородского губкома РКП(б)», редактирование данного издания доверило именно В. А. Штукину. Перед ним маячили широкие карьерные перспективы. Однако этому не суждено было сбыться.

В начале мая 1923 г. он отправился на Вишеровские заводы для агитационной работы, простудился и заболел крупозным воспалением легких. 11 мая 1923 г. В. А. Штукин скончался. Журнал «Известие», публикуя некролог о своем редакторе, в первую очередь отмечал его не столько заслуги по партийной, чекистской и литературной деятельности, сколько то, что он был «лучшим антирелигиозником Новгородской губернии» [Некролог].

Главная губернская газета «Звезда» опубликовала не только некролог, но стихи «Памяти дорогого товарища» (На смерть В.А. Штукина), написанные его бывшим коллегой Н.Н. Левендалем. [Левендаль, 2013, с. 2].

Его смерть в таком молодом возрасте стала определенным ударом для руководства губернии. Было решено создать новое кладбище, специально организованное для погребения наиболее выдающихся «борцов за укрепление диктатуры пролетариата и завоеваний Октябрьской революции» [ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1.

Д. 706. Л. 103]. Его значимость подчеркивало то, что оно находилось в Новгородском Кремле. 13 мая 1923 г. после гражданской панихиды во Дворце труда (бывшем здании Дворянского собрания) В. А. Штукин первым был похоронен в новом некрополе. Парадоксально, но борец с религией нашел свой покой рядом с главной Новгородской святыней – собором святой Софии.

Литература и источники

- ГАНИНО. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 2об. Реестр регистрации дел о лицах, привлеченных к партийной ответственности. 23 декабря 1921 г.
- ГАНИНО. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 706. Л. 103. Список выбывших из РКП(б) по Новгородской губернии. 1923 г.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-268. Д. 38. Л. 18.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-268. Д. 38. Л. 29. Журнал заседаний отдела юстиции Новгородского губисполкома. 27 сентября 1919 г.
- ГАО. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 268. Д. 109. Л. 20. Журнал заседания коллегии отдела юстиции Новгородского губисполкома от 23 декабря 1920 г.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 203. Л. 14. Письмо карательного подотдела отдела юстиции Новгородского губисполкома заведующему отделом юстиции Г. П. Плюхину. 4 октября 1921 г.
- ГАО. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 181. Л. 86. Постановление коллегии отдела юстиции Новгородского губисполкома. 5 декабря 1921 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 168. Л. 244. Анкетный лист В. А. Штукина. НКЮ. 1920 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 757. Л. 8. Письмо ЦК РКП(б) в VIII отдел НКЮ. № 5140. 13 апреля 1920 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А. 353. Оп. 3. Д. 757. Л. 112 – 112об. Письмо эксперта VIII-го отдела НКЮ И.А. Шпицберга заведующему отделом юстиции Новгородского губисполкома И.А. Куприянову. 20 мая 1920 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 10. Л. 213об. Список служащих НКЮ с указанием их родины и местожительства
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 10. Л. 211. Список сотрудников НКЮ на момент проверки особой комиссии по проверке личного состава центральных учреждений республики
- ГА РФ. – Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 10. Л. 2. Список служащих НКЮ. 1 октября 1920 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 378. Л. 50. Заключение М. В. Галкина об обследовании деятельности Новгородского церковно-ликвидационного подотдела. 18 ноября 1921 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 378. Л. 98. Постановление Новгородского губисполкома по церковному вопросу. 10 января 1922 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 378. Л. 97. Письмо члена коллегии отдела юстиции Новгородского губисполкома В. А. Штукина в VIII отдел НКЮ. 10 февраля 1922 г.
- ГА РФ. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 353. Оп. 4. Д. 378. Л. 114. Инструкция по разграничению полномочий отделов управления и юстиции при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства.
- Крапивин М. Ю. (2017). Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. [Рецензия]. *Вестник Церковной истории*, 47–48(3–4), 355–364.
- Левендаль Н. Н. «Памяти дорогого товарища» (На смерть В.А. Штукина). «Звезда». 13 мая 1923 г. с.2
- Некролог Василия Александровича Штукина (1023). *Известия Новгородского губкома*. 7–8, 3.
- Петров М. Н. *Крест под молотом*. Великий Новгород, 2000, 446.
- РГАСПИ. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 8. Д. 531. Л. 11. Анкета В. А. Штукина. Бланк «А» Всероссийской переписи членов РКП(б). 31 января 1922 г.
- Л. 13. Анкета Всероссийской переписи членов РКП(б). Бланк «Б». Ячейка 73-го пехотного полка. Новгородские советские курсы комсостава 26 января 1922 г.

References

- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A-353. Op. 3. D. 168. L. 244. Anketnyy list V. A. Shtukina. NKYU. 1920 g. [Questionnaire sheet of V. A. Shtukin. NKYU. 1920].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Pis'mo TSK RKP(b) v VIII otel NKYU. № 5140. 13 aprelya 1920 g. [Letter of the Central Committee of the RCP (b) to the 8th department of the NKYU. № 5140. April 13, 1920].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Pis'mo eksperta VIII-go otela NKYU I.A. Shpitsberga zaveduyushchemu otelom yustitsii Novgorodskogo gubispolkoma I.A. Kupriyanovu. 20 maya 1920 g. [Letter of the expert of the 8th department of the NKYU I.A. Shpitsberg to the head of the Department of Justice of the Novgorod Gubernatorial Executive Committee I.A. Kupriyanov. May 20, 1920].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Spisok sluzhashchikh NKYU s ukazaniyem ikh rodiny i mestozhitel'stva [List of NKJ employees indicating their homeland and place of residence].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Spisok sotrudnikov NKYU na moment proverki osoboy komissii po proverke lichnogo sostava tsentral'nykh uchrezhdeniy respubliki [List of employees of the NKJ at the time of inspection by the special commission for inspection of personnel of the central institutions of the republic].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Spisok sluzhashchikh NKYU. 1 oktyabrya 1920 g. [List of employees of the NKJ. October 1, 1920].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Zaklyucheniye M. V. Galkina ob obsledovanii deyatel'nosti Novgorodskogo tserkovno-likvidatsionnogo podotdela [Conclusion of M.V. Galkin on the examination of the activities of the Novgorod church liquidation subdepartment. November 18, 1921].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Postanovleniye Novgorodskogo gubispolkoma po tserkovnomu voprosu. 10 yanvarya 1922 g. [Resolution of the Novgorod provincial executive committee on the church issue. January 10, 1922].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Pis'mo chlena kollegii otela yustitsii Novgorodskogo gubispolkoma V. A. Shtukina v VIII otel NKYU. 10 fevralya 1922 g. [Letter from V. A. Shtukin, a member of the board of justice department of the Novgorod provincial executive committee, to the VIII department of the People's Commissariat of Justice. February 10, 1922].
- GA RF. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Instruksiya po razgranicheniyu polnomochiy otelov upravleniya i yustitsii pri provedenii v zhizn' dekreta ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva [Instructions for the delimitation of powers of the departments of administration and justice when implementing the decree on the separation of church and state].
- GANINO. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of Novgorod Region]. F. 2. Op. 1. D. 8. L. 20b. Reyster registratsii del o litsakh, privilechennykh k partiynoy otvetstvennosti. 23 dekabrya 1921 g. [Register of registration of cases of persons brought to party responsibility. December 23, 1921].
- GANINO. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of Novgorod Region]. F. 1. Op. 1. D. 706. L. 103. Spisok vybyvshikh iz RKP(b) po Novgorodskoy gubernii. 1923 g.
- GANO. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State Archive of Novgorod Region]. F. R-268. D. 38. L. 18.
- GANO. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State Archive of Novgorod Region]. F. R-268. D. 38. L. 29. Zhurnal zasedaniy otela yustitsii Novgorodskogo gubispolkoma. 27 sentyabrya 1919 g. [Journal of meetings of the justice department of the Novgorod provincial executive committee. September 27, 1919].
- GANO. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State Archive of Novgorod Region]. F. 268. D. 109. L. 20. Zhurnal zasedaniya kollegii otela yustitsii Novgorodskogo gubispolkoma ot 23 dekabrya 1920 g. [Journal of the meeting of the board of the justice department of the Novgorod provincial executive committee dated December 23, 1920].
- GANO. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State Archive of Novgorod Region]. Pis'mo karatel'nogo podotdela otela yustitsii Novgorodskogo gubispolkoma zaveduyushchemu otelom yustitsii G. P. Plyukhinu. 4 oktyabrya 1921 g. [Letter from the punitive subsection of the justice department of the Novgorod provincial executive committee to the head of the justice department G. P. Plyukhin. October 4, 1921].
- GANO. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State Archive of Novgorod Region]. Postanovleniye kollegii otela yustitsii Novgorodskogo gubispolkoma. 5 dekabrya 1921 g. [Resolution of the board of the justice department of the Novgorod provincial executive committee. December 5, 1921].

- Krapivin M. Yu. Otdeleniye Tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot Tserkvi v Sovetskoy Rossii [Separation of the Church from the state and school from the Church in Soviet Russia]. [Review] // Bulletin of Church History. 2017. No. 47–48(3–4). pp. 355–364.
- L. 13. Anketa Vserossiyskoy perepisi chlenov RKP(b). Blank «B». Yacheyka 73-go pekhotnogo polka. Novgorodskie sovetskiye kursy komsostava 26 yanvarya 1922 g. [Questionnaire of the All-Russian Census of RCP(b) members. Form “B”. Cell of the 73rd Infantry Regiment. Novgorod Soviet courses for command personnel January 26, 1922].
- Levendal N.N. Pamyati dorogo tovarishcha (Na smert' V.A. Shtukina) [In memory of a dear comrade (On the death of V.A. Shtukin)] // “Zvezda”. May 13, 1923, p. 2.
- Nekrolog Vasiliya Aleksandrovicha Shtukina [Obituary of Vasily Aleksandrovich Shtukin] (1923) // News of the Novgorod Gubernia Committee. 1923. No. 7–8, p. 3.
- Petrov M. N. Krest pod molotom [Cross under the hammer]. Veliky Novgorod, 2000, 446.
- RGASPI. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [The Russian State Archive of Socio-political History]. F. 17. Op. 8. D. 531. L. 11. Anketa V. A. Shtukina. Blank «A» Vserossiyskoy perepisi chlenov RKP(b). 31 yanvarya 1922 g. [Questionnaire of V. A. Shtukin. Form “A” of the All-Russian census of members of the RCP (b). January 31, 1922].

*Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.10.2023.
Принята к публикации 15.02.2024.*

Об авторе

Михаил Владимирович Фабинский – учитель истории школы № 1474 г. Москва; ORCID: 0009-0009-4419-1594; ya.f-mihail@yandex.ru.

Fabinsky M. V.

V. A. SHTUKIN (1894–1923): LAWYER, SECURITY OFFICER, AGITATOR

Abstract. Based on the Moscow (GARF, RGASPI) and Novgorod archives (GANO, GANINO), the main stages of Vasily Alexandrovich Shtukin, activity and his contribution to the social and political life of the Novgorod province are shown. Immediately after graduating from the Law Faculty of Petrograd University, he connected his whole life with Novgorod. Thanks to his talents, he managed to realize himself in a number of professions. He not only went from a people’s judge to the head of the justice sub-department of the Novgorod Gubernatorial Executive Committee, he was involved in both the Cheka and the GubChK. At the same time, he was one of the active members of the RCP (b). Gubkom appoints him editor of the party magazine "Izvestia" and responsible for conducting propaganda propaganda. A special line through the life of V. A. Shtukin is anti-religious activity. He becomes "overseeing the implementation of the decree on the separation of the school from the church and the school from the church, the head of the "special troika" responsible for this issue.

Keywords: V. A. Shtukin, People's Judge, CHEKA officer, head of the punitive sub-department, "overseeing the Decree on the separation of church and state", buried at the Kremlin wall of the Novgorod Kremlin.

For citation: Fabinsky M.V. V. A. Shtukin (1894–1923): lawyer, security officer, agitator. Memoirs of NovSU, 2024, 1(52), 125-132. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).125-132

Твердюкова Е. Д.

РАБОТА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА НУЖДЫ ОБОРОНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В начале XX века многие отрасли российской промышленности находились в зависимости от импорта из европейских государств, в том числе из Германии. После вступления России в Первую мировую войну армия стала испытывать нехватку топлива, транспорта, боеприпасов, лекарств. На основе архивных документов и материалов периодики в статье анализируется вовлеченность персонала и учащихся высших учебных заведений в деятельность по преодолению кризиса снабжения. Выделяются два периода их участия в работе на нужды обороны: на первом этапе (1914–начало 1915 г.) помощь сводилась в основном к созданию лазаретов и санитарных команд для обслуживания потребностей раненых и больных воинов; с весны 1915 г. оборонное ведомство стало активно задействовать научно-методический, материальный и кадровый потенциал вузов. Автор приходит к выводу, что работа высших учебных заведений способствовала не только обеспечению армии, но и освобождению отечественной промышленности от иностранной зависимости.

Ключевые слова: Первая мировая война, высшие учебные заведения, студенчество, патриотические настроения, помощь фронту.

Для цитирования: Твердюкова Е. Д. // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 133-140. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).133-140

Первая мировая война долгие годы постулировалась в нашей стране как империалистическая, захватническая, поэтому многие сюжеты ее истории оставались «белым пятном». Лишь в новейшей историографии появились работы, в которых отмечены факты гражданской солидарности и патриотического единения в 1914 г. разных слоев российского общества, в том числе молодежи [Аксенов, 2020; Беленцов, 2002; Моррисси, 1999 и др.]. Однако внимание исследователей было сосредоточено на таких формах общественной активности, как участие в сборе денежных и вещевых пожертвований для армии, а работа студентов высших учебных заведений на нужды обороны, требовавшая специальных знаний, в литературе освещена недостаточно [Вузы Петрограда, 2018; Щерба, 2021].

В 1913/14 учебном году в Российской империи насчитывалось 63 государственных высших учебных заведения, в том числе 10 университетов и 15 инженерно-промышленных институтов, а также 54 общественных и частных [Россия накануне Первой мировой войны, 2008, с. 341, 342]. При этом ощущался недостаток технически подготовленных специалистов, что отчасти объяснялось отношением верховной власти к высшей технической школе с «несколько холодной, отстраненной» заинтересованностью, дополненной «осмотрительностью и недоверчивостью» [Рыжковский, 2012, с. 683]. Однако с началом Первой мировой войны, предъявившей к отечественной промышленности принципиально новые требования, студенты и преподаватели очень скоро оказались вовлечены в работу, призванную способствовать ликвидации кризиса снабжения армии.

В первые месяцы войны деятельность учебных заведений сводилась главным образом к созданию лазаретов для оказания помощи больным и раненым воинам армии и флота. Одним из самых масштабных мероприятий в ряду таких начинаний

явилось создание при Петроградском Политехническом институте императора Петра Великого госпиталя № 1 Красного Креста, принятого под покровительство императрицы Марии Федоровны. Госпиталь, изначально рассчитанный на 900 раненых (а позднее расширенный до 1100 коек), был открыт 5 октября 1914 г. в помещениях студенческих общежитий, снабженных пароводяным отоплением, искусственной вентиляцией, водопроводом, электрическим освещением, телефоном, расходы на поддержание которых в работоспособном состоянии институт взял на себя. Кроме того, он предоставил в пользование госпиталя баню, здание бывшего кегельбана (где была устроена часовня для выноса и отпевания умерших воинов), а также помещения для устройства госпитальных мастерских [Петроградский госпиталь № 1, 1916, с. 30, 31, 49]. Из инвентаря общежитий в палаты передавались белье, мебель и посуда. Еще до открытия госпиталя студенты создали добровольную санитарную дружину, члены которой оказывали помощь в переноске и регистрации раненых, обучали их грамоте и ремеслам, обеспечивали книгами и бытовыми мелочами. С подачи совета старост при госпитале были открыты курсы по программе, предназначенной для сестер милосердия военного времени Российского общества Красного Креста. Окончившие их студенты не только ухаживали за пациентами в палатах, но и работали во время каникул в санитарных отрядах действующей армии. Спустя год своей работы дружина Политехнического института насчитывала свыше 200 человек. Лазареты, оборудованные в том числе и дефицитными аппаратами для рентгеновских снимков, создавались и при других вузах. Некоторые из студентов, получивших практический опыт работы, приглашались заведовать кабинетами и отделениями при военных госпиталях, а учащиеся Варшавского политехнического института обслуживали снабженные рентгеновскими установками автомобили в действующей армии.

Многие преподаватели вместе со своими студентами вели работу по изготовлению лекарственных средств. При этом преследовалась двоякая цель: с одной стороны, обеспечение армии, с другой, освобождение отечественной промышленности от иностранной зависимости. Последнее обстоятельство имело особое значение для России, поскольку развитой фармацевтической отрасли в стране до войны не существовало. Накануне Первой мировой войны насчитывалось лишь около 120 предприятий, занятых в химико-фармацевтическом производстве [Отчет, 1915, с. 63], выпускавших, по характеристике современников, скорее, москательный товар, нежели медицинский. Общий объем производства медикаментов в 1913 г. составлял всего 14 млн руб., при этом алкалоиды, салициловые, висмутовые препараты, препараты мышьяка, ртути, органические кислоты и пр. закупались в основном в Германии [Шерстнева, 2015, с. 43–44]. Немецкие фабриканты открывали в России филиалы, завозя собственное сырье, причем при помощи «бухгалтерской техники» представляли свой бизнес бездоходным [Отчет, 1915, с. 17]. Прекратившийся с началом войны импорт и неразвитость внутреннего рынка фармпрепаратов обусловили лекарственный «голод», пагубно сказывавшийся прежде всего на работе воинских лазаретов.

В этих условиях персонал вузов, где были химические факультеты и оборудованные в них лаборатории, могли оказать существенную помощь. Так,

профессор Екатеринославского горного института Л. В. Писаржевский разработал лабораторный, а затем и заводской способ добывания йода из водорослей Черного моря. Первая экспедиция по добыче «красной филлофоры» состоялась в марте 1915 г. на военном транспорте «Бештау», предоставленном для этой цели по распоряжению адмирала А.А. Эбергарда. В дальнейшем улов перевозился из Одессы в Екатеринослав, где местное земство отдало помещение и выстроило две печи для сжигания водорослей. Высочайшим распоряжением 31 марта 1915 г. профессору Писаржевскому и лаборанту Аверкиеву было отпущено единовременно 70 тыс. руб. на расширение станции по производству русского йода и до конца войны следовало выделять ежемесячно по 900 руб., что должно было обеспечить добычу металлического йода до пуда в сутки [Аверкиев, 1915, с. 34–35].

В лабораториях Киевского политехнического института изготавливались аспирин, уротропин, новокаин, производилась очистка эфира для целей наркоза. В Донском политехническом институте трудились над производством карболовой кислоты, коллодиума, хлороформа и искусственного льда (Прим. 1). В начале 1916 г. Министр народного просвещения обратился в Министерство финансов с просьбой весь конфискуемый на восточной границе опий (который по изъятии у контрабандистов сжигался, ежемесячно на сумму до 200 тыс. руб.) передавать в фармацевтическую лабораторию Харьковского университета для производства препаратов опиума, морфия, кодеина [Уничтожение опиума, 1916, с. 125].

Помимо лекарственного, армия испытывала и снарядный «голод». В силу принятой накануне Первой мировой войны доктрины, базировавшейся на идее скоротечности предстоящего боевого столкновения, уже к исходу 1914 г. Россия исчерпала резервы боеприпасов. Для изготовления тротила, недостаток которого считался одним из главных препятствий для выпуска необходимых фронту снарядов, использовали бензол (лишь 3 % которого производилось в России, остальное ввозилось из Германии и из Англии) и толуол [Лазар, 2008, с. 274, 275]. До того, как Комиссия по заготовке взрывчатых веществ (в апреле 1916 г. преобразованная в Химический комитет при Главном артиллерийском управлении) приступила к планомерной деятельности по изготовлению сырья для снарядов, посильную помощь в этом деле оказывали высшие технические учебные заведения. Например, лаборатории Горного института императрицы Екатерины II ежедневно выпускали до 150 пудов толуола по заказу артиллерийского ведомства (Прим. 2).

Для военного производства требовались также вольфрам, ванадий, молибден, сурьма, мышьяк и прочие минералы, которые ранее в России не добывались вовсе либо в крайне незначительных количествах. Хотя месторождения многих из них были известны, пользование ими в сыром виде было невозможным. Это выдвигало на первый план проведение научных опытов по обогащению минералов. До войны отечественные промышленники использовали наработки лабораторий, располагавшихся в Германии. Теперь же возникла настоятельная необходимость в создании собственной научной базы. 17 февраля 1916 г. экстраординарный профессор Горного института императрицы Екатерины II Г. О. Чечотт вошел в Учебный совет Министерства торговли и промышленности с заявлением о необходимости устройства лаборатории механической обработки полезных ископаемых, имевших особо важное

значение для нужд государственной обороны (*Прим. 3*). Необходимые для этого 40 тыс. руб. после соответствующих ходатайств перед председателем Особого совещания по обороне военным министром А. А. Поливановым были выделены.

Специальная лаборатория Петроградского технологического института успешно решила задачу получения сернистого красителя цвета «хаки» для окрашивания военной формы, что способствовало покрытию потребности мастерских, работавших на нужды армии, в условиях исчезновения с рынка германских красителей (*Прим. 4*).

Технические учебные заведения, располагавшие не только инструментами и станками, но и квалифицированным персоналом, оказывали содействие заводам, работавшим на оборону, автомобильным ротам, авиационным мастерским. По справедливому замечанию депутата Государственной Думы В. М. Пуришкевича, в эти институты поступала «аристократия ума молодежи русской», «аристократы трудоспособности», стремившиеся «получить образование для применения его в дальнейшей жизни» [Ковалев, 2017, с. 10]. Но в условиях войны студенты не избегали никакой нагрузки, работая «в литейной чернорабочими, шишельниками, формовщиками, в кузнице – молотобойцами, в механических мастерских – на всех станках», днем и ночью наравне со всеми трудившимися под общим лозунгом «всё для победы» [Обзор деятельности, 1916, с. 19].

В частности, в механических мастерских Киевского политехнического института производились запчасти для аэропланов и автомобилей. В электротехнической лаборатории Варшавского политехнического института уже в первую военную зиму велись масштабные работы по изготовлению и починке полевых телеграфов, телефонов и сигнализационных приборов. В механической мастерской Петроградского политехнического института было организовано производство магнето для аэроплановых двигателей и их починка; проводилось секретное изучение электрических проволочных заграждений; в радиотелеграфной лаборатории испытывались и регулировались полевые радиотелефонные приборы (*Прим. 5*). Летом 1914 г. группа столичных студентов организовала в мастерских Технологического института императора Николая I ремонт армейских мотоциклеток и автомобилей. В короткое время было бесплатно отремонтировано около 500 единиц авто- и мототехники [Обзор деятельности, 1916, с. 2]. Посещавшие мастерские представители Главного артиллерийского управления выражали удивление, что в стенах института, считавшегося беспокойным, с таким «примерным патриотизмом» работают на пользу армии. Постоянный член Артиллерийского комитета М. Ф. Розенберг предложил объединить усилия высших учебных заведений столицы для планомерного выполнения заказов военного ведомства, озвучив идею общей мобилизации технических сил, вскоре ставшую всеобщим лозунгом. К 1 января 1916 г. в работе Объединенных мастерских Петроградских высших учебных заведений участвовали 154 студента, 27 студенток институтов: Технологического, Путей сообщения, Гражданских инженеров, Горного, а также Соединенного училища дальнего плавания и судовых механиков. При помощи специально нанятых мастеровых они изготавливали стаканы для шрапнели, чугунные снаряды к бомбометам, поверочный инструмент, детонаторные трубки, гайки, подъемные механизмы, полозья для артиллерии и пр. К 1916 г. в подразделениях мастерских находилось в исполнении 92 заказа на сумму

около 2.470.000 руб. [Обзор деятельности, 1916, с. 12].

Одну из самых существенных угроз войны военный министр А. А. Поливанов видел в применении в ходе боевых столкновений «продуктов столь развитой в Германии химической промышленности... использованной для выпуска ядовитых газов против войск, обороняющих родную землю от германского нашествия» [Государственная Дума, 1916, с. 1229]. Работы по производству собственных отравляющих веществ начались в России лишь в 1916 г. сотрудниками Томского университета [Ковалев, 2018, с. 15], но студенты многих учебных заведений изготавливали респираторы и защитные очковые повязки. Учащиеся Екатеринославского горного института произвели для борьбы с удушливыми газами и отправили в армию свыше 2,5 млн бутылочек смеси сернокислого аммония с гашеной известью. В лабораториях других вузов велся поиск эффективной защиты от химических веществ, причем нередко с опасностью для жизни. В 1915 г. в ходе работы над получением средств для обезвреживания ядовитых газов получил смертельное отравление ассистент химической лаборатории Новороссийского университета В. И. Шкварн.

Вузы вели обучение по дефицитным военным специальностям. В Петроградском политехническом институте с начала боевых действий существовали курсы подготовки военных летчиков и техников, выпустившие в течение первого года работы 33 офицера-летчика, 120 летчиков-охотников и 180 авиационных мотористов. В Петроградском технологическом институте с 1916 г. работали курсы инструкторов для подготовки военных шоферов (из студентов, знавших автодело) (Прим. 6).

Достаточно сложно назвать сферу деятельности, направленную на удовлетворение нужд обороны, в которой педагоги и учащиеся вузов не принимали бы участия: от изготовления авиационного бензина до регулировки полевых радиотелефонных приборов, от лабораторных анализов зернового хлеба и ржаной муки, поставлявшихся в армию, до работ по очистке и обезвреживанию питьевой воды. Мастерские и лаборатории учебных заведений либо сами занимались производством армейских припасов, либо передавали станки и оборудование в распоряжение военного ведомства. Выступая на заседании Государственной Думы 9 февраля 1916 г., военный министр А. А. Поливанов отметил, что победа может быть достигнута армией, «обильно снабженной бесконечным разнообразием технических средств», и выступил за развитие тех видов промышленности, которые сделают Россию независимой от иностранных государств: «Такая независимость намного увеличивает военную мощь страны, и враги учтут созданную нами военно-промышленную самостоятельность, как средство для решительного перевеса на нашу сторону не только жребия войны, но и всей обстановки для начертания условий дальнейшей международной жизни» [Государственная Дума, 1916, с. 1231]. Деятельность высших учебных заведений в отношении снабжения армии медикаментами, боеприпасами, техническими устройствами, конечно, не могла в короткие сроки восполнить потребности страны. Однако технический опыт, полученный в ограниченных условиях учебных лабораторий, испытательных станций и мастерских, несомненно, являлся важным этапом к постановке отечественного фабричного производства.

Примечания

статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда русской цивилизации «Светославъ», проект КГРИ № 3/2023 «Воспитание гражданственности у детей и юношества в России начала XX в.: теория и практика государственной политики»

1. РГИА. Российский государственный исторический архив. ф. 25, оп. 5, д. 207, л. 13.
2. РГИА. Российский государственный исторический архив. ф. 25, оп. 5, д. 207, л. 19.
3. РГИА. Российский государственный исторический архив. ф. 25, оп. 5, д. 208, л. 113.
4. ЦГИА. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. СПб, ф. 492, оп. 2, д. 14710, л. 134.
5. РГИА. Российский государственный исторический архив. ф. 25, оп. 5, д. 207, л. 16.
6. РГИА. Российский государственный исторический архив. ф. 25, оп. 5, д. 207, л. 16, 17.

Литература

- Аверкиев Н. Д. (1915). Опытная станция по исследованию и добыванию русского йода из морских водорослей, устроенная проф. Л. В. Писаржевским и старш. лаб. Н. Д. Аверкиевым в г. Екатеринославе. *Царскосельский район и Особый эвакуационный госпиталь*, 10, 31–46.
- Аксенов В. Б. (2020). Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. Москва: Новое литературное обозрение, 984.
- Беленцов С. И. (2002). *Социально-гражданское воспитание в России в конце XIX – начале XX веков*. Курск: Департамент образования г. Курска, 64
- Вузы Петрограда (2018). *Вузы Петрограда в годы Первой мировой войны*. СПб.: Изд-во СПбПУ, 309.
- Государственная Дума (1916). *Государственная Дума. Четвертый созыв: стеногр. отчеты*. Сессия четвертая. Пг.: Государственная типография.
- Ковалев Б. Н. (2017). *Владимир Милютин. Апологет технического образования в России. Депутат Четвертой Думы*. Великий Новгород: Б.и., Вып 2., Великий Новгород, 32.
- Ковалев Б. Н. (2018). Проблемы развития химической промышленности и военные преступления в дискуссиях Государственной Думы Российской империи. *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*, 4, 15.
- Лазар И. В. (2008). Химико-технологические аспекты «снарядного голода» русской армии в годы первой мировой войны. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 74, 1, 274–278.
- Моррисси С. (1999). Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны. В: *Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium)*. Санкт-Петербург: Д. Буланин, 288–302.
- Обзор деятельности (1916). *Обзор деятельности и отчет Объединенных мастерских Петроградских высших учебных заведений за 1915 г. (апрель-декабрь)*. Пг.: Типо-лит. С. К. Пентковского.
- Отчет (1915). *Отчет о состоянии химико-фармацевтической промышленности в России: труды Комиссии по содействию развитию отечественной химико-фармацевтической и химической промышленности*. М.: ТД «Мысль».
- Петроградский госпиталь № 1 (1916). Петроградский госпиталь № 1 Красного Креста имени Ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны при Политехническом институте императора Петра Великого. Обзор деятельности и отчет за 15 месяцев (с 5 октября 1914 по 31 декабря 1915 г.). *Вестник Царскосельского района*, 3, 30–80.
- Россия накануне Первой мировой войны (2008). *Россия накануне Первой мировой войны: стат.-докум. справ.* Москва: Самотека.
- Рыжковский В. В. (2012). Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальной мобилизации. В: *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы)*. М.: Новое литературное обозрение, 682–774.
- Уничтожение опиума (1916). *Вестник Царскосельского района*, 1, 125.

- Шерстнева Е. В. (2015). Зависимость фармацевтического рынка Российской империи от импорта лекарственных средств в начале XX века. *Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике*, 11, 43–45.
- Щерба А. Н. (2021). Работа образовательных и научных учреждений Санкт-Петербурга (Петрограда) в интересах военного производства в годы Первой мировой войны. *Технологос*, 4, 119–129. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.4.09

References

- Averkiev N.D. (1915). Opytnaya stantsiya po issledovaniyu i dobyvaniyu russkogo yoda iz morskikh vodorosley, ustroennaya prof. L.V. Pisarzhevskim i starsh. lab. N.D. Averkievym v g. Ekaterinoslave [Experimental station for the study and extraction of Russian iodine from seaweed, arranged by prof. L.V. Pisarzhevsky and lab. N.D. Averkiev in Yekaterinoslav]. *Tsarskosel'skiy rayon i Osobyi evakuatsionnyy gospi'tal'*, 10, 31–46.
- Aksenov V.B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii, 1914–1918* [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the war and revolution, 1914–1918]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Belentsov S.I. (2002). *Sotsial'no-grazhdanskoe vospitanie v Rossii v kontse XIX – nachale KhKh vekov* [Social and civic education in Russia in the late XIX - early XX centuries]. Kursk: Departament obrazovaniya g. Kurska.
- Vuzy Petrograda (2018). *Vuzy Petrograda v gody Pervoy mirovoy voyny* [Universities of Petrograd during the First World War]. SPb.: Izd-vo SPbPU.
- Gosudarstvennaya Duma (1916). *Gosudarstvennaya Duma. Chetvertyy sozyv* [State Duma. Fourth convocation]: stenogr. otchety. Sessiya chetvertaya. Pg.: Gosudarstvennaya tipografiya.
- Kovalev B.N. (2017). *Vladimir Milyutin. Apologet tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii. Deputat Chetvertoy Dumy* [Vladimir Milyutin. Apologist of technical education in Russia. Deputy of the Fourth Duma]. Velikiy Novgorod: B.i.
- Kovalev B.N. (2018). Problemy razvitiya khimicheskoy promyshlennosti i voennye prestupleniya v diskussiyakh Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy imperii [Problems of the development of the chemical industry and war crimes in the discussions of the State Duma of the Russian Empire]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 4, 15.
- Lazar I.V. (2008). Khimiko-tekhnologicheskie aspekty «snaryadnogo goloda» russkoy armii v gody pervoy mirovoy voyny [Chemical and technological aspects of the "shell famine" of the Russian army during the First World War]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 74, 1, 274–278.
- Morrissi S. (1999). Mezhdru patriotizmom i radikalizmom: petrogradskie studenty v gody Pervoy mirovoy voyny [Between patriotism and radicalism: Petrograd students during the First World War]. V: *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma)*. SPb.: D. Bulanin, 288–302.
- Obzor deyatel'nosti (1916). *Obzor deyatel'nosti i otchet Ob"edinennykh masterskikh Petrogradskikh vysshikh uchebnykh zavedeniy za 1915 g. (aprel'-dekabr')* [Review of activities and report of the United Workshops of Petrograd Higher Educational Institutions for 1915 (April-December)]. Pg.: Tipo-lit. S.K. Pentkovskogo.
- Otchet (1915). *Otchet o sostoyanii khimiko-farmatsevticheskoy promyshlennosti v Rossii* [Report on the State of the Chemical and Pharmaceutical Industry in Russia]: trudy Komissii po sodeystviyu razvitiyu otechestvennoy khimiko-farmatsevticheskoy i 139echno-khimicheskoy promyshlennosti. M.: TD «Mysl'».
- Petrogradskiy gospi'tal' № 1 (1916a). Petrogradskiy gospi'tal' № 1 Krasnogo Kresta imeni Ee imperatorskogo velichestva gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny pri Politekhnikheskom institute imperatora Petra Velikogo. Obzor deyatel'nosti i otchet za 15 mesyatsev (s 5 oktyabrya 1914 po 31 dekabrya 1915 g.) [Petrograd Hospital No. 1 (1916b). Petrograd Hospital No. 1 of the Red Cross named after Her Imperial Majesty Empress Empress Maria Fedorovna at the Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great. Review of activities and report for 15 months (5 October 1914 to 31 December 1915)]. *Vestnik*

Tsarskosel'skogo rayona, 3, 30–80.

Rossiia nakanune Pervoy mirovoy voyny (2008). *Rossiia nakanune Pervoy mirovoy voyny* [Russia on the eve of World War I]: stat.-dokum. sprav. M.: Samoteka.

Ryzhkovskiy V.V. (2012). Genealogiya «spetsa»: vysshaya spetsial'naya shkola i tekhnicheskaya nauka v usloviyakh sotsial'noy mobilizatsii [Genealogy "specialist": higher special school and technical science in conditions of social mobilization]. V: *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 682–774.

Unichtozhenie opiuma (1916). [Destruction of opium]. *Vestnik Tsarskosel'skogo rayona, 1, 125.*

Sherstneva E.V. (2015). Zavisimost' farmatsevticheskogo rynka Rossiyskoy imperii ot importa lekarstvennykh sredstv v nachale KhKh veka [Dependence of the pharmaceutical market of the Russian Empire on the import of medicines at the beginning of the twentieth century]. *Remedium. Zhurnal o rossiyskom rynke lekarstv i meditsinskoy tekhnike, 11, 43–45.*

Shcherba A.N. (2021). Rabota obrazovatel'nykh i nauchnykh uchrezhdeniy Sankt-Peterburga (Petrograda) v interesakh voennogo proizvodstva v gody Pervoy mirovoy voyny [The work of educational and scientific institutions of St. Petersburg (Petrograd) in the interests of military production during the First World War]. *Tekhnologos, 4, 119–129*. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.4.09

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 17.12.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторе

Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский институт истории, отдел современной истории России, ведущий научный сотрудник; ORCID 0000-0003-4415-2279; e.tverdyukova@spbu.ru.

Tverdyukova E. D.

WORK OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE FOR DEFENSE NEEDS DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. At the beginning of the twentieth century, many sectors of Russian industry were dependent on imports from European countries, including Germany. After Russia's entry into the First World War, the army began to experience shortages of fuel, transport, ammunition and medicines. Based on archival documents and periodicals, the article analyses the involvement of staff and students of higher educational institutions in the activities to overcome the supply crisis. Two periods of their participation in the work for defense purposes are distinguished: at the first stage (1914–early 1915) the assistance was mainly limited to the creation of infirmaries and sanitary teams to serve the needs of wounded and sick soldiers; from the spring of 1915 the military department began to actively use the scientific, methodological, material and personnel potential of higher education institutions. The author concludes that the work of higher educational institutions contributed not only to the provision of the army, but also to the liberation of domestic industry from foreign dependence.

Keywords: The First World War, higher educational institutions, students, patriotic sentiments, assistance to the front.

For citation: Tverdyukova E. D. Work of higher educational institutions of the Russian Empire for defense needs during the First World War. *Memoirs of NovSU, 2024, 1(52), 133-140*. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).133-140

Асташкин Д. Ю.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ ПРОТИВ ДЕТСТВА НА НОВГОРОДСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ (7 ДЕКАБРЯ - 18 ДЕКАБРЯ 1947 Г.)

Аннотация. Дети Ленинградской области стали жертвами многих преступлений нацистов: принудительный труд, избиения, принудительное донорство, депортация, карательные акции и т.д. В центре внимания данной статьи находятся преступления против детей, расследуемые на Новгородском процессе над немецкими военными преступниками в 1947 году. На основе широкого круга источников, часть которых вводится в научный оборот впервые, проанализирован ход сбора доказательств и порядок судебных прений. Хотя значительное число детских жертв было связано с массовым уничтожением еврейских и цыганских семей по факту их этнической принадлежности (эти преступления в Ленинградской области совершала в 1941 г. Айнцагруппа А), но привлечь исполнителей к ответственности не удалось, поэтому на Новгородском процессе эти преступления звучали лишь в общем контексте. Таким образом, тема преступлений против детей была представлена на Новгородском процессе в рамках расследования антипартизанских акций и депортаций. Из-за спешки в его организации анонимными остались многие преступления против детей Ленинградской области, особенно в первый период оккупации.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, оккупация, нацисты, военные преступники, Новгород, Ленинград, Псков, трибунал, Холокост, дети.

Для цитирования: Асташкин Д. Ю. Преступления нацистов против детства на Новгородском судебном процессе (7 декабря - 18 декабря 1947 г.) // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 141-147. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).141-147

С лета 1941 г. по лето 1944 г. огромная территория Ленинградской области была разорвана фронтом, на ней шли постоянные бои. Перед освобождением почти все оставшееся местное население было депортировано на запад, за линию “Пантера”. Под видом борьбы с партизанами и для устрашения укрывающихся от депортации оккупанты проводили массовые карательные акции против стариков, женщин и детей. Таким образом, дети в оккупации разделили сложную судьбу жителей Ленинградской области и столкнулись со многими военными преступлениями: принудительный труд, избиения, принудительное донорство, депортация, карательные акции и т.д.

За последние годы опубликован ряд трудов по политике нацистов в Ленинградской области. Так, проблема детской смертности на оккупированной территории Северо-Запада России изучена в статьях Е. Е. Красноженовой [Красноженова, 2021]. В публикациях исследователей нашла отражение и работа Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), а также региональных и поселковых комиссий в Ленинградской области [Ковалев, 2012]. Уточним, что на момент освобождения от оккупации Ленинградская область включала Новгород и Псков, поэтому первые подсчеты ущерба Ленинградская областная комиссия ЧГК вела тоже в этих географических границах.

Данные ЧГК являются важнейшим источником, но нуждаются в систематизации и

верификации. Так, в данные ЧГК не попали некоторые военные преступления, совершенные до непосредственной оккупации, включая бомбардировки и обстрелы беженцев. Например, обстрел ленинградских детей на станции Лычково 18 июля 1941 года не был включен в “Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области” [Акт о злодеяниях, 1943]. Видимо, поэтому он не вошел в материалы ЧГК для подготовки Ленинградского и Новгородского процесса.

Отдельные работы опубликованы по проблеме расследования нацистских преступлений против советских детей на Северо-Западе России [Вычеров, 2022]. Ряд работ посвящен и Новгородскому процессу 1947 года [Асташкин, 2015]. Однако никто из ученых пока не исследовал проблему преступлений против детей и подростков в его материалах. В данной статье мы используем историко-юридический инструментарий, разработанный нами (совместно с Е.Е. Красноженовой) в рамках проекта “Ленинградские дети в условиях оккупации Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны”, мы уже использовали его в изучении преступлений против детства на Ленинградском процессе 1945-1946 гг. [Красноженова, Асташкин, 2022]. На основе этой методики мы постараемся определить ключевые направления в расследовании преступлений против детей на Новгородском процессе.

Новгородский процесс касался преступлений на довольно обширной территории: 19 бывших военнослужащих германской армии (два генерала, восемь старших и четверо младших офицеров, четыре фельдфебеля и зондерфюрер) обвинялись в преступлениях в шести регионах СССР (в границах на момент суда).

1. Новгородская область РСФСР: подсудимые разрушили Новгород, убивали в Новгородском, Батецком, Демянском, Поддорском, Солецком районах.

2. Псковская область РСФСР: подсудимые разрушили город Остров и Дно, убивали в Себеже, жгли деревни Дедовичского, Дновского, Бежаницкого, Порховского и Псковского района. Подсудимые Зассе и Лантревич участвовали в казни Героя Советского Союза (посмертно) Клавдии Назаровой на площади города Остров.

3. Великолукская область РСФСР: четверо подсудимых из полевой жандармерии при ортскомендатуре №1/321 проводили пытки и расстрелы в Бежаницком районе.

4. Ленинградская область РСФСР: подсудимый генерал Герцог участвовал в блокаде Ленинграда и уничтожении Петергофа. А среди жертв расстрела у деревни Жестяная Горка Батецкого района были и жители Гатчины.

5. Полоцкая область БССР: трое подсудимых убили около 500 белорусов под предлогом борьбы с партизанами. Так, подсудимый генерал Руппребт с марта по май 1944 руководил (при помощи подсудимых Хаунспергера и Вильродта) карательными экспедициями против мирного населения близ города Дрисса (нынешний Верхнедвинск). Он отдал приказ расстрелять всех «подозрительных», поэтому в деревне Задежье Освейского района были убиты 305 местных жителей, в том числе женщины и дети, а их трупы сожжены.

6. Латвийская ССР: в 1944-1945 гг. подсудимые Хаунспергер, Доблер и Моль расстреляли советских граждан в Якобштадте в Цабельно, в Ляйде.

Таким образом, на Новгородском процессе расследовались преступления против жителей (включая детей) из разных регионов, но наибольшее внимание следствия

было сосредоточено на Новгородской и Псковской земле. Важной миссией Новгородского процесса стала публичная фиксация системной ответственности вермахта за военные преступления (на конкретном примере отдельных офицеров и солдат). Обвинение стремилось представить подсудимых как цепь - от высшего звена к низшему.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что на Новгородском процессе не расследовались (видимо, из-за спешки в подготовке) некоторые специфические преступления против детства. Так, не вошла в материалы Новгородского процесса тема использования нацистами детей как доноров крови, хотя такие случаи уже расследовались на Смоленском, Севастопольском и Рижском процессе. В частности, нам известно воспоминание о взятии крови в Старой Руссе у брата ленинградской девочки Капы Захаровой в 1942 г.: «Брат Паша (10 лет) выглядел ленинградским, вши были, но не обовшивевший. Немцы сделали укол. Взяли всю кровь, дали под зад ногой. Паша открыл дверь головой» [Мемуары Капы Захаровой, л. 4]. В документах Ленинградского и Новгородского процесса нет также упоминаний о взятии крови в «детском доме» в поселке Вырица Ленинградской области. Также на Новгородском процессе не было расследовано похищение детей с целью «онемечивания». Напомним, что от 50 000 до 200 000 детей с «арийской» внешностью были перемещены нацистами с оккупированных территорий по приказу 67/1 рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Есть некоторые сведения о подобных практиках и на Новгородской земле.

Расследование для Новгородского процесса было затруднено сознательным уничтожением нацистами следов преступлений. Поэтому в рамках подготовки к Новгородскому процессу была найдена лишь часть ям-могил. Если казни происходили в самом населенном пункте или около него, то находились свидетели, которые говорили об этом членам Новгородской областной комиссии ЧГК. Низовые локальные акты ЧГК часто содержали таблицы с указанием погибших местных жителей, возраста и причин смерти.

Хотя значительное число детских жертв было связано с массовым уничтожением еврейских и цыганских семей по факту их этнической принадлежности (эти преступления в Ленинградской области совершала в 1941 г. Айнзацгруппа А), но привлечь исполнителей к ответственности не удалось, поэтому на Новгородском процессе эти преступления звучали лишь в общем контексте. Так, судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа А. П. Владимирский упоминал детские жертвы (предположительно, это жертвы Холокоста) у Моглинского лагеря: «Около Моглино-первого, на площади, засеянной рожью, мы нашли десять ям-могил, заполненных трупами: дети, женщины, мужчины» [Лукницкий, 1976, с. 163.] и у Порховского лагеря: «Порхов... Здесь на кладбище были надписи: «Только для русских военнопленных». А трупы оказались гражданского населения, и множество детей. Если б мы все, находящиеся здесь в зале, посмотрели... (я бы не хотел второй раз увидеть!) В сидячем, в лежащем, в самых разнообразных положениях... дети!» [Лукницкий, 1976, с. 164.]

На Новгородском процессе в основном расследовались преступления поздних периодов оккупации (карательные акции 1943-1944 гг. по уничтожению деревень Ленинградской области и т.п.). Виновные были взяты в плен по горячим следам, также

были захвачены документы. Соответственно, тема преступлений против детей была представлена на Новгородском процессе, как правило, в общем контексте жертв антипартизанских акций и депортаций. Ниже мы рассмотрим эти примеры на основе широкого круга источников: актов ЧГК, материалов следствия, судебных отчетов и стенограмм, обвинительного заключения и приговора, материалов прессы.

На Новгородском процессе, как и на Ленинградском, прокурор в ходе допросов подсудимых специально уточнял число детей среди жертв. Приведем в пример массовый расстрел в декабре 1942 года на реке Полисть, в организации которого обвинялся подсудимый Вернер Финдайзен: «Прокурор: Среди расстрелянных были и дети? Свидетель Капитон Ефремов: Были, всех возрастов, начиная от грудных. Всего тогда расстреляли около 200 человек» [Протоколы-стенограммы, л. 59].

Сторона обвинения пыталась выяснить логику расстрелов детей. Подсудимые оправдывались по-разному, ссылаясь на сложность определения партизан или на вынужденное выполнение приказов. Тема этих приказов также поднималась на Новгородском процессе. Прокурору важно было доказать, что приказы о карательных акциях подразумевали полное уничтожение жителей населенного пункта, включая детей. Это особенно заметно по допросу генерала Руппрехта «Уточняя обстоятельства, при которых проходили карательные экспедиции, государственный обвинитель выясняет, что Руппрехт, отдавая приказы, заведомо знал, что от карателей, в первую очередь, страдают мирные жители. Подсудимый вынужден признать, что артиллерии разрешалось стрелять по населенным пунктам, где находились лишь одни женщины, старики и дети» [Протоколы-стенограммы, л. 31].

Для демонстрации преступности приказов против Руппрехта (как автора приказа о карательной акции) и Винтера (как организатора) выступила Евдокия Ивановна Беляева, мать четырёх дочек от 5 до 14 лет (на 1944 год). Она рассказала о карательной акции в д. Горушка Дновского района Псковской области: «Я прижала к себе детей и бросилась на землю. Две старшие дочки бросились бежать. За ними погнались немцы и убили. Когда фашисты начали стрелять, на нас стали валиться трупы. Моя девятилетняя девочка спрашивает меня, ранена я или нет. И хотя меня ранило в бок, я ответила «Нет, Ниночка, не ранена». Она мне отвечает: «Мамочка, и я нет». В это время в нас стали бросать гранаты. Девочек сразу убили — маленькая только вскрикнула и упала, а меня еще ранили в голову. Я потеряла сознание. Сколько времени лежала так, не помню. Очнулась и вижу: немцы носят солому и заваливают этим трупы. Солому эту зажгли. Я хотела встать и унести моих девочек, чтобы они не сгорели, но была не в силах этого сделать. Тогда я их оставила и поползла через трупы. Когда я спустилась через мостик к речке, в меня начали опять стрелять, но не попали. Я немного отлежалась и поползла дальше. Смотрю: на берегу ручейка 25 несожженных трупов и среди них маленькая двухлетняя девочка кричит «Мамочка, мне холодно». А кровь с горки ручьем течет в речку» [Манион В., Васильев З., с.4].

В обвинительном заключении Новгородского процесса часто фигурируют прямые и не прямые цитаты из показаний свидетелей и обвиняемых об уничтожении детей. Так, свидетель Ефим Иванович Иванов опознал подсудимого Кайрата и подсудимого Преслера как исполнителей казни в деревне Стега (Ашевский район Псковской области): «1 января 1944 года сюда прибыл карательный отряд. В доме крестьянина

Богданова гитлеровцы расстреляли 17 человек, среди них было девять внуков и внучек Богданова в возрасте от 1 года до 12 лет. <...> 4 января немцы вернулись в д. Стега и снова продолжили расправу с мирным населением, убили мою невестку и ее сына в возрасте два с половиной года” [Протоколы-стенограммы, л.62]. Уточним, что подсудимый Преслер еще и жестоко избил двухлетнего внука свидетеля: “Мой внучек попросил: «мама, дай поесть». Этот австрияк (свидетель указывает на Преслера) вынул наган и говорит «я тебя сейчас накормлю». Он так ударил его по голове рукояткой, что у моего внука глаза вывалились. «Накормил», ирод! Когда он это сделал, невестку, внука и девочку отвели метров на пятьдесят от станции и расстреляли» [Протоколы-стенограммы, л. 62]. Подобные избиения детей подсудимым было сложно оправдать как слепое исполнение приказа сверху.

Всего на Новгородском процессе выступило тридцать пять свидетелей из Ленинграда, Великолукской, Псковской и Новгородской областей. Судя по материалам «Новгородской правды», их показания об убийстве детей вызвали большую эмпатию у публики: в материалах суды и прессы отмечались возгласы волнения из зала.

Отметим, что на Ленинградском процессе не привлекались несовершеннолетние свидетели, а вот на Новгородском процессе такой свидетель выступил. Это был двенадцатилетний Анатолий Петров, житель деревни Большое Тресно Дновского района Ленинградской области. Он прямо на суде дал показания против майора Карла Винтера (был комендантом безопасности города Дно): “Петров: Нашу деревню немцы сожгли. Тогда мы перебрались в д. Горушка и нас там немцы расстреливали. Я лежал среди убитых и таким образом спасся... Маму и братишку Павлушу они застрелили” [Протоколы-стенограммы, л. 61]. Предположим, что рассказ ребенка о гибели родных был очень сильным эмоциональным моментом открытого процесса, убедительно доказывающим зло нацизма. Вместе с тем такое выступление деревенского мальчика на трибуне, перед сотнями зрителей, могло быть сильнейшим эмоциональным потрясением и для него самого. Как работали с ним следователи в психологическом и юридическом отношении? Пока мы не нашли в материалах Новгородского процесса дела каких-либо особых инструкций по работе с несовершеннолетними свидетелями.

По итогам Новгородского процесса двенадцать обвиняемых признали свою вину частично: Йозеф Руппрехт, Вернер Финдайзен, Ганс Хаунспергер, Йозеф Геринг, Генрих Фишер, Макс Бройер, Альберт Франкенштайн, Иоганн Кайрат, Ганс Преслер, Пауль Вильродт, Александр Лантревич и Бенно Мейер. Лишь генерал Курт Герцог не признал свою вину. 18 декабря 1947 года был зачитан приговор, по которому все 19 подсудимых признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, приговаривались к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет каждый.

Новгородский судебный процесс над нацистскими преступниками стал последним в РСФСР открытым судом над немецкими военными преступниками. Из-за спешки в организации анонимными остались многие преступления против детей Ленинградской области, особенно в первый период оккупации. Тем не менее, расследуя конкретные преступления нацистов против мирного населения (включая несовершеннолетних), совершенные в 1943-1944 гг., советское правосудие

символически осудило весь оккупационный режим, сложившийся в Ленинградской области (включая Новгород и Псков) в 1941-1944 гг.

Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>;

Исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Литература

- Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Демянском и Лычковском районах Ленинградской области (1943). Ленинград: Лениздат, 19.
- Асташкин Д. Ю. (2015). Освещение открытого суда над нацистскими военными преступниками в Новгороде (декабрь 1947 года). *Вестник Новгородского государственного университета*, 7(90), 8-11.
- Вычеров Д. А. (2022). Советское детство на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 4(43), 397-400. DOI 10.34680/2411-7951.2022.4(43).397-400
- Ковалев Б. Н. (2013). Акты ЧГК (Чрезвычайной Государственной Комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941-1942 гг.). *Вестник Новгородского государственного университета*, 73, Т. 1., 88-92;
- Красноженова Е. Е. (2021). Военное детство на оккупированной территории Северо-Запада России (1941-1944 гг.). *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2 (35), 167-172;
- Красноженова Е. Е., Асташкин Д. Ю. (2022). Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945 – 4 января 1946 г.). *Вопросы истории*, 7-1, 70-82. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi09
- Лукницкий П. Н. (1976). *Ленинград действует*. Книга третья. Москва.
- Манион В., Васильев З. (1947). Как они «эвакуировали» население. *Псковская правда*. 15 декабря, 4.
- Мемуары Капы Захаровой. Государственный музей политической истории России. К/п 52592/14. Фонд VI. Инв. № 2083.
- Протоколы-стенограммы судебных заседаний процесса по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской, Псковской, Ленинградской и Великолукской областей 7–14 декабря 1947 г. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 384.

References

- Akt o zlodejaniyah nemecko-fashistskih zahvatchikov i ih soobshnikov v Demjanskom i Lychkovskom rajonah Leningradskoj oblasti*. (1943). [Act on the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices in the Demyansky and Lychkovsky districts of the Leningrad region] Leningrad.: Lenizdat. 19.
- Astashkin D. Ju. (2015). Osveshhenie otkrytogo suda nad nacistскими voennymi prestupnikami v Novgorode (dekabr' 1947 goda) [Mediatization of open trial against nazi war criminals in Novgorod (December 1947)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7(90), 8-11.
- Kovalev B. N. (2013). Akty ChGK (Chrezvychajnoj Gosudarstvennoj Komissii) o prestuplenijah Goluboj divizii pod Novgorodom (1941-1942 gg.) [Acts of the ChGK (Extraordinary State Commission) on the crimes of the Blue Division near Novgorod (1941-1942)] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 73, P. 1., 88-92;
- Krasnozhnova E. E., Astashkin D. Ju. (2022). Prestupleniya protiv detstva na Leningradskom sudebnom processe (27 dekabrja 1945 - 4 janvarja 1946 g [Crimes against childhood at the Leningrad trial (December 27, 1945 - January 4, 1946)]. *Voprosy istorii*, 7-1, 70-82. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi09.

- Krasnozhennova E. E. (2021). *Voennoe detstvo na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii (1941-1944 gg.)* [Military childhood in the occupied territory of the North-West of Russia (1941-1944)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (35), 167-172.
- Luknickij P.N. (1976). *Leningrad dejstvet* [Leningrad]. Kniga tret'ja, Moscow.
- Manion V., Vasil'ev Z. (1947). *Kak oni «jevakuirovali» naselenie* [How they "evacuated" the population]. *Pskovskaja pravda*. December 15, 4.
- Memoirs of Kapa Zakharova. Gosudarstvennyj muzej politicheskoy istorii Rossii. K/p 52592/14. Fond VI. Inv. № 2083
- Protokoly-stenogrammy sudebnyh zasedanij processa po delu o zlodejaniyah nemecko-fashistskih zahvatnikov na territorii Novgorodskoj, Pskovskoj, Leningradskoj i Velikolukskoj oblastej 7–14 dekabrja 1947 g.* [Protocols-transcripts of court hearings in the case of the atrocities of the Nazi invaders in the Novgorod, Pskov, Leningrad and Velikoluksk regions on December 7–14, 1947.]. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-7021. Op. 116. D. 384.
- Vycherov D. A. (2022). Sovetskoe detstvo na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriografija problemy [Soviet childhood in the occupied territory of the North-West of Russia during the Great patriotic war: the historiography of the problem]. *Memoirs of NovSU*. 4(43), 397-400. DOI 10.34680/2411-7951.2022.4(43).397-400

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.11.2023.
Принята к публикации 15.02.2024.

Об авторе

Дмитрий Юрьевич Асташкин – канд. ист. н., доцент, научный сотрудник Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; ORCID 0000-0001-7840-4708; strider-da@ya.ru

Astashkin D.Y.

NAZI CRIMES AGAINST CHILDHOOD AT THE NOVGOROD TRIAL (DECEMBER 7 - DECEMBER 18, 1947)

Abstract. Children of Leningrad region were victims of many Nazi crimes: forced labor, beatings, forced donation, deportation, punitive actions, etc. The focus of this article is on crimes against children investigated at the Novgorod trial of German war criminals in 1947. Based on a wide range of sources, some of which are being introduced into the scientific circulation for the first time, the course of evidence collection and the order of court deliberations are analyzed. Although a significant number of child victims were connected with the mass extermination of Jewish and Roma families on the basis of their ethnicity (these crimes in Leningrad region were committed in 1941 by the Einsatzgruppe A), but it was not possible to bring the perpetrators to justice, so at the Novgorod trial these crimes were heard only in a general context. Therefore, the topic of crimes against children was presented at the Novgorod trial as part of the investigation of anti-partisan actions and deportations. Because of the haste in its organization, many crimes against children of Leningrad region, especially during the first period of occupation, remained anonymous.

Keywords: World War II, Occupation, Nazis, War criminals, Novgorod, Leningrad, Pskov, Tribunal, Holocaust, children

For citation: Astashkin D.Y. Nazi crimes against childhood at the Novgorod trial (December 7 - December 18, 1947). *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 141-147. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).141-147

Борисевич Д. А.

ВЛИЯНИЕ ДЕФИЦИТА В ПОЗДНЕМ СССР НА ФОРМИРОВАНИЕ «КУЛЬТУРНОГО КОДА» НОВГОРОДЦЕВ ПО ИХ ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

Аннотация. В статье представлено влияние дефицита на формирование «культурного кода» новгородцев в позднем СССР (1980-е годы). Исследование проводилось на основе документов, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области и интервью с жителями Новгорода, собранных в рамках грантового проекта НовГУ «Карта памяти советского новгородца». Актуальным остаётся вопрос понимания того, как регион формирует свою культурную идентичность на локальном уровне. Ответ на него позволяет нам детальней понять процессы, происходящие на уровне всей страны. В ходе исследования обнаружено, что новгородцы использовали различные стратегии для преодоления кризисных ситуаций, что послужило формированию «нормальности», укрепившейся в сознании людей и ставшей частью их «культурного кода». Отдельным исследовательским вопросом рассматривалось возникновение «мест памяти», конструируемые партийной властью и общественниками. В целом, исследование показывает, что дефицит имел значительное влияние на повседневную жизнь и «культурный код» новгородцев в поздний период СССР.

Ключевые слова: Новгородская область, Новгород, дефицит, воспоминания, поздний СССР.

Для цитирования: Борисевич Д. А. Влияние дефицита в позднем СССР на формирование «культурного кода» новгородцев по их личным воспоминаниям // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 148-155. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).148-155

Культура потребления, гастрономия, дефицит в позднем СССР остаются актуальными темами для исследований в области истории, социологии, антропологии и экономики. В научных публикациях данный вопрос рассматривается с помощью системного метода, изучая функционирование советской экономики, на основе документов курирующих экономический сектор, статистических данных, отчётов органов власти [Корнаи, 1990; Кирсанов, 2014; Гущин, 2016; Клинова, 2017; Разумов, 2022]. Нередко исследователи используют личные воспоминания людей, полученных в ходе интервью [Кушкова, 2009].

В нашем исследовании рассматривается дефицит с целью понимания формирования «культурного кода» советских граждан, в котором закрепились практики преодоления кризисных ситуаций. В своей статье А. Н. Кушкова пишет: «<...> «дефицит» позднего советского времени (1970—1980-х годов), несомненно, является отмеченным «местом» в топографии коллективной памяти тех, кто это время пережил» [Кушкова, 2009], вместе с тем в работе Т. Б. Кусимовой и М. А. Шмидт высказывается мысль, что гастрономия, транслирующая самые базовые культурные установки, — это одно из «мест памяти», ставшее объектом ностальгии в современных российских реалиях [Кусимова, Шмидт, 2016, с. 127]. В нашем исследовании под «местом памяти» мы понимаем определение Б. И. Колоницким и М. Г. Мацкевичем — «места в географическом, временном или символическом пространстве — инструменты сборки идентичности. Связь «мест памяти» с памятными местами может быть неявной и опосредованной: «местами памяти» становятся люди, предметы, книги, песни, окруженные символической аурой» [Колоницкий, Мацкевич, 2022, с. 126].

В статье используются источники, хранящиеся в Государственном архиве

новой истории Новгородской области в фонде № 22 Новгородского горкома КП РСФСР, а также публикации газеты «Новгородская правда» советского времени. Основополагающим источником стали воспоминания новгородцев, полученные в ходе интервью (Прим.1). В совокупности эти источники позволяют взглянуть на проблему дефицита не только со стороны партийных представителей власти, но и жителей города.

В работе с источниками использованы как общенаучные методы, специальные исторические методы, такие как историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-динамический, количественный. Ведущим в данной работе является метод устной истории.

Начиная с 1960-х вместе с повышением уровня жизни граждан, постепенно нарастал дефицит в продовольственной сфере, у людей скапливалась нереализованная денежная масса, что приводило к ситуации: «Деньги есть, а купить нечего». К началу 1980-х «дефицитный статус» приобретали не только продукты питания, но и одежда, мебель, техника, товары культурно-бытового назначения. Совет министров СССР, совместно с ЦК КПСС стремились решить назревшие проблемы изданием постановления № 548 «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981-1985 года и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары», однако Министерство торговли СССР заявляло, что из 50 товаров, они могли наладить поставку только по 25 позициям [Кирсанов, 2014, с. 37]. Эти проблемы заметны и по новгородским источникам: «В магазинах порой не хватает необходимых товаров, узок их ассортимент, не всегда удовлетворяет качество. <...> Стране недодано 6 тысяч цветных телевизоров, 1200 видеомагнитофонов, на 9 млн. руб. мясных и молочных продуктов, 7 предприятий не справилось с планом производства товаров массового спроса», - докладывал второй секретарь горкома КПСС Е.Г. Шляхта (Прим. 2, л. 16-17).

В. С. и Л. П. Балакины в своей статье о потреблении в условиях дефицита обратили внимание на изменение риторики власти в отношении продовольственного вопроса: 1960-е партия добивается «более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей советских людей», в 1970-е «подъема материального и культурного уровня жизни народа» и «повышения благосостояния трудящихся в обеспечении спроса населения на разнообразные товары и услуги», в 1980-е «решения продовольственной проблемы и обеспечении потребности в высококачественных товарах и услугах» [Балакин, Балакина, 2018, с. 242].

Постепенное изменение товарного ассортимента в Новгородской области с 1960-х по 1980-е запечатлено в воспоминаниях нашего респондента: *А еще в этом магазине был отдел консервов. Я помню, что там стояли вот такого размера стальные миски эмалированные. Я думаю, что глубина у них была одинаковая, просто задняя часть приподнята, витрины специальной не были. И они были, одна заполнена красной икрой, другая черной и закрыты целлофаном. Оттуда на развес продавали. Но очереди за этим не было, несмотря на то что все это было, денег-то не было особо на это. Я еще помню эти колбасы, как там висели на крючках, это уже в гастрономии. Масло нефасованное продавали, сливочное. Его леской нарезали или вот таким ножом. В бумагу заворачивали, пергаментную бумагу. Со*

снабжением очень хорошо было. Потом эти синие курицы. Это уже предперестроечные годы. То есть оно постепенно все уменьшалось и уменьшалось. Эти колбасные поезда знаменитые. Можно было поехать в Ленинград, купить колбасы, мясо. Мяса [В Новгороде – прим. автора] тоже уже было не купить никакого. Майонез, горошек зеленый, вот это все исчезло. Это только из столиц привезти можно было (Прим. 3).

Таким образом, мы можем зафиксировать изменения не только в наличии/отсутствии товаров, но и в механизме решения проблемы, т.к. в ранних воспоминаниях респондент не ездила с родителями в Ленинград за продуктами, но начиная со старшего возраста, она сама принимала участие в поездках. В ответ на вопрос о дефиците в Новгороде, наши респонденты вспоминали о поездках в Ленинград за продуктами, это позволяет предположить, что такая практика становится нормой для новгородцев.

Из интервью становится понятно, почему новгородцы воспринимали «гастрономические поездки» в Ленинград нормой: «Дефицит был и до перестройки в нашем городе, мясокомбинат был в новгородской области, а мясо мы ездили покупать в Питер, потому что они - блокадники, на рынке мясо было только у цыган» (Прим. 4). Сложилось определённое мнение, что Ленинград находился после войны на спецобеспечении, туда свозили продукты из ближайших областей. Е. А. Фёдорова, дочь Н. А. Антонова – первого секретаря Новгородского обкома, вспоминала: «Нередко сейчас советской власти ставят в вину, что за мясом и колбасой приходилось ездить в Ленинград. Однажды я спросила папу – почему так. Он объяснил, что если бы у области не забирали продукцию в Ленинград, то никому не пришлось бы ездить на экскурсию «Ленинград гастрономический»» [Колотушкин, 2021, с. 197]. Эта аргументация должна была сглаживать ощущение от дефицита продуктов: после пережитого Ленинградом в годы войны ему необходимо помогать.

Книжная продукция тоже являлась дефицитом. В Новгороде сложилась своя книжная культура, наши респонденты вспоминают не столько дефицит книг, сколько дефицит информации, поэтому отмечали регулярное посещение библиотек и активный обмен книгами: *Один из высочайших дефицитов советского мальчикового детства – это наличие даже самих изображений немецкой техники. Советские солдаты во всех видах есть, а вот с кем они воюют? А если у тебя досуг рисовать? В этих книжках о пионер-героях они регулярно бросаются под немецкие танки. Эти немецкие танки там есть. Повторюсь, это восприятие третьеклассника. Да, ты же должен знать, против кого ты воюешь. А вот этого нет. И вот у приятеля эти книжки были, и мы к нему ходили их посмотреть* (Прим. 5).

Одним из механизмов получения книг был сбор макулатуры. Подростков тех лет школьный сбор меньше интересовал, потому что за него ничего не получали: «Была система распространения книг через сбор макулатуры, т.е. ты собираешь, сдаёшь... Именно поэтому в школьной кампании сбор макулатуры – это не совсем то, что надо. Туда принёс дежурный килограмм, остальную макулатуру семья копит, сдаёт в определённые пункты, если я не ошибаюсь, потом сдавали уже конкретно на какую-то книгу, грубо говоря, на Дюма «Асканио». Вот сдаём на эту книгу, набрали, сдали 25 килограмм, и когда-то эта книга придёт» (Прим. 5). Это классический и доступный

способ получения дефицитной литературы, иначе необходимо было искать людей, способных достать её.

Дефицит информации подтверждается ещё воспоминанием об открытии в конце 1980-х нового магазина, в котором проводили книгообмен: *Очень важная точка возникла, это улица Декабристов, наверное. В общем, от «Пяти углов», не в сторону Волхова, наоборот. Там целый магазин такой возник. Очевидно, уже кооперативный, либо частный. И причем это был магазин обмена. Ты приносил туда книги. Если у тебя их брали, каждым книгам присваивался условный балл. И на эти баллы ты мог выбрать все остальное, что у них там стояло. А там стояло все, что угодно. От оружейных справочников Жука, а это дефицит неимоверного размера, до романов Пикуля. Очередь длиной три дома. И причем внутри ты затискиваешь вот так, как в автобусе. Это вот я очень хорошо помню, мы с отцом туда ходили (Прим. 5).* Формат обмена книг на баллы позволял замедлить скупку дефицитной литературы, ведь чтобы приобрести что-то ценное, тебе необходимо было отдать что-то своё.

«Места памяти» конструировались как партийным руководством, так и людьми. Проблемы возникли при подготовке Новгорода к приёму иностранных гостей в период Олимпиады-80. Областное партийное руководство считало необходимым продемонстрировать «успехи социализма», проводя капитальный ремонт ресторанов, кафе, магазинов, развивать рекламу и сферу обслуживания. Однако и в этом направлении возникали проблемы с дефицитом. Новгородский музей-заповедник докладывал о подготовке туристических изданий: «Все рассчитаны на отечественных туристов, т.к. не могут пользоваться спросом зарубежных гостей из-за отсутствия текстов на иностранных языках, недостаточного уровня полиграфического и художественного исполнения. Причиной является отсутствие высококачественной офсетной бумаги (немелованной) и хорошей полиграфической базы. <...> Ленинздат, к которому прикреплен музей-заповедник, выпускает печатную продукцию, не отвечающую требованиям иностранного туризма» (Прим. 6, л. 24). Иными словами, при подготовке города к обслуживанию участников и гостей «Олимпиады-80» возникла установка, чтобы лучшие товары отпускались для иностранных туристов.

При подготовке к олимпиаде Министерство торговли РСФСР выделило 300 тысяч рублей на обновление материально-технического оснащения заведений города. Проводились работы по реконструкции и оформлению залов, гардеробов, туалетов в ресторане «Садко», кафе «Волна». В ресторане «Детинец» интерьер зала и других торговых помещений оформили в русском стиле (Прим. 7, л. 24).

Подготовка к Олимпиаде вскрыла ряд проблем связанных дефицитом помещений, продуктов, поэтому возникновение и улучшение заведений привело к созданию положительного образа новгородских кафе и ресторанов, что послужило возникновению «мест памяти»: «У меня не кафе любимое было, а ресторан был — это «Детинец». Ну, это я могу сравнивать, за рубежом много видел. Такая кухня — это редкость была. Уникальный ресторан. В принципе, я думаю, что ничего страшного, если бы этот ресторан до сих пор был. Это было лицо города, это был бренд. Сейчас такого ресторана нет!». Таким образом, развитие отдельных заведений со стороны партийных и исполнительных властей послужило возникновению локальных «мест

памяти», которые вспоминают и сегодня (Прим. 8).

Существовали «места памяти», которые конструировали сами новгородцы. Например, магазин «Океан», где продавалась рыба в самом начале имел импортное немецкое оборудование, широкий ассортимент рыбных изделий, однако во второй половине 1980-х для респондентов запомнилось наличие исключительно «морской капусты в банках» (Прим. 9). Сюжет с магазином «Океан» служит маркером возникновения «мест памяти», ассоциирующихся с образом дефицита. Были места, в улучшении которых принимала местная молодёжь: «У меня было любимое кафе, которое «У Медведя» мы называли. Здесь сейчас «Баскин Робинс». Кстати, оно занимало тогда обе части, где «Баскин Робинс» и где бар «Державный». Вот они рядом, а на самом деле это было одно кафе. Там еще подвал был, который отошел, как я понимаю, к бару «Державный». Причем я принимал участие в создании вот этого подвального помещения. Но это уже будучи журналистом. Молодежь просила расширить помещение, надо было получить разрешение. Мы его получили, молодежь сама разрисовала стены» (Прим. 10). Кафе «у Медведя», оно же «Коктейль-бар», стало местом проведения досуга молодёжи. В связи с дефицитом мест отдыха, расширение своими силами заведения могло остаться в памяти по причине редкости таких «акций».

В воспоминаниях новгородцев «образ дефицита» представлен как норма. Нормой воспринималось умение «достать» продукт, причём оно заключалось в социальных связях, в умении договариваться. Подростки доставали дефицитную жвачку у гостиницы «Волхов», обмениваясь своими вещами с иностранцами (Прим. 11). Для взрослых, особенно в период Перестройки, ключевым продуктом обмена стала водка (Прим. 12).

Обмениваться стало не просто нормой, а искусством, необходимо было знать «нужных людей», чтобы получить дефицитный товар: *Здесь даже не в том, что каких-то продуктов не достать. Достать можно было, можно было съездить в Ленинград, там купить, и несмотря на то, что продуктов в магазинах не было, ну, это уже, типа, как байка такая, в холодильниках всегда всё было. Просто это нужно было какие-то предпринять усилия. Или получаешь наборы на предприятиях, или просто едешь в Питер, там закупаешься, или в магазине где-то что-то достаёшь через знакомых, нет, всегда было* (Прим. 13). Норма и принятие прослеживается в словах: *Проблематично было, что в магазинах, может быть, не везде лежало, да. Но дома у всех практически было всё* (Прим. 14).

Образ складывался из-за свойств памяти блокировать негативный опыт, а если по итогам человек получал то, что хотел, это закреплялось и считалось позитивно-нормальным. Образ подкреплялся ностальгическими настроениями, некоторые респонденты подчёркивали качество тех продуктов, опуская вопрос их доступности. «Нормальность» складывалась за счёт социального статуса человека, чем ближе он находился к «ограниченному благу», тем легче он воспринимает дефицит. Один из секретарей райкома вспоминал, что дефицита не было, а мясо можно было купить в коопторгах, забывая о высоких ценах в них (Прим. 15).

Подводя итоги, можно сказать, что память о дефиците сохранила в себе определённые модели поведения и «места памяти». Это явление стало частью

«культурного кода» новгородцев, так как респонденты рассказывали о способах получения дефицитных продуктов Советское общество преодолевало кризис дефицита с помощью социальных связей, выстроенных на обмене – макулатура, книги, водка и далее. Иные формы преодоления издержек – гастрономические поездки в Ленинград. «Места памяти» о (анти)дефиците конструировались как с положительным воспоминанием, например, кафе Детинце, так и с отрицательными воспоминаниями – магазин «Океан». Воспоминания о дефиците стали частью «культурного кода» Новгородцев, ведь оставшиеся практики преодоления, воспоминания о любимых местах закрепились у них в сознании. Для жителей города это остаётся нормой, практиками, которые они применяют в повседневной жизни. Отражение практик мы наблюдаем в желании закупиться в период кризисных ситуаций. Механизм получения строился на социальных взаимоотношениях, необходимо было найти человека, готового обменяться. «Места памяти» формировались за счёт обновлений этих мест со стороны местных властей и личного участия новгородцев в создании знаковых мест.

Примечания

1. *Исследование выполнено при поддержке Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в рамках проекта "Карта памяти советского новгородца" (грант для молодых ученых на исследования в сфере социально-гуманитарных наук "Культурный код")*.
2. Доклад второго секретаря горкома КПСС Е. Г. Шляхты на научно-практической конференции «Расширение ассортимента и улучшение качества товаров народного потребления» в 1980 году // ГАНИНО. Ф. 22. Д. 29. Оп. 40. Л. 10-20.
3. Интервью. Ж., 1957 г.р., г. Новгород.
4. Интервью. Ж., 1965 г.р., г. Новгород.
5. Интервью. М., 1976 г.р., г. Новгород.
6. Справка о ходе подготовки к Олимпиаде – 80 Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 1980 г. // ГАНИНО. Ф. 22. Оп. 40. Д. 39. Л. 23-24.
7. Справка о проводимой работе по подготовке к приему и обслуживанию гостей и туристов «Олимпиады-80». 1980 г. // ГАНИНО. Ф. 22. Оп. 40. Д. 44. Л. 14-24.
8. Интервью. М., 1953 г.р., г. Ленинград (переехал в Новгород).
9. Интервью. Ж., 1965 г.р., г. Новгород.
10. Интервью. М., 1957 г.р., пос. Бородинское, Выборгский р-н, Ленинградской обл. (Переехал в Новгород).
11. Интервью. М., 1971 г.р., пос. Панковка (Новгородский район, Новгородской области).
12. Интервью. М., 1972 г.р., г. Вологда (переехал в Новгород).
13. Интервью. Ж., 1957 г.р., г. Новгород.
14. Интервью. М., 1968 г.р., г. Новгород.
15. Интервью. М., 1941 г.р., г. Новосибирская обл. (переехал в Новгород).

Литература

- Балакин В. С., Балакина Л. П. (2018). «Поздний» СССР: потребности и потребление в условиях дефицита. Наука ЮУрГУ: материалы 70-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук, Челябинск, ЧелГУ, 238-244.
- Гущин А. А. (2016). Обострение проблемы товарного дефицита в СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. в ракурсе истории повседневности. Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: издательство Пензенского государственного университета, 252–258.

- Кирсанов Р. Г. (2014). Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.). *Вестник Бурятского государственного университета*, 7, 36–41.
- Клинова М. А. (2017). Нормы рационального питания в СССР второй половины 1950-х – 1980-х гг.: причины и векторность трансформаций. *Ученые записки Курского государственного университета*, 4 (44), 73–78.
- Колоницкий Б. И., Мацкевич М. Г. (2022). Ленин как «место памяти» постсоветской России. Память о политике и память о мемориальном проекте. *Вестник Пермского университета*, 3 (58), 125–137.
- Колотушкин В. Г. (2021). *Николай Афанасьевич Антонов. Эпоха и личность в документах, очерках, воспоминаниях: к 100-летию со дня рождения*. Великий Новгород, Виконт, 271.
- Корнай Я. (1990). *Дефицит*. Москва, Наука, 607.
- Кусимова Т. Б., Шмидт М. А. (2016). Ностальгическое потребление: социологический анализ. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 2, 120-133.
- Кушкова А. Н. (2009). Советское прошлое сквозь воспоминания о продовольственном дефиците. *Неприкосновенный Запас*, 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/sovetskoe-proshloe-skvoz-vospominaniya-o-prodovolstvennom-deficite.html> (Дата обращения: 28. 12. 2023).
- Разумов Н. В., Леонов М. И. (2022). Проблема дефицита товаров народного потребления в городе Куйбышеве в период перестройки. *Вестник Самарского университета*, Т. 28, 3, 40-45.

References

- Balakin V. S., Balakina L. P. (2018). «Pozdnyi» SSSR: potrebnosti i potreblenie v usloviyakh defitsita [“Late” USSR: needs and consumption under conditions of shortage]. *Nauka YuUrGU: materialy 70-y nauchnoy konferentsii. Seksii sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Materials of the 70th Scientific Conference. Sections of Social and Humanitarian Sciences], 238-244.
- Gushchin A. A. (2016). Obostrenie problemy tovarnogo defitsita v SSSR v 1960-kh – nachale 1980-kh gg. v rakurse istorii povsednevnosti [The Escalation of the Problem of commodity shortage in the USSR in the 1960s – early 1980s in the perspective of the history of everyday life]. *Problemy humanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya. Sbornik nauchnykh statey III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of humanitarian education: philology, journalism, history. Collection of scientific articles of the III International Scientific and Practical Conference]. Penza: izdatl'stvo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 252–258.
- Kirsanov R. G. (2014). Sostoyanie potrebitel'skogo rynka v SSSR (konets 1970-kh – nachalo 1990-kh gg.) [The state of the consumer market in the USSR (late 1970s – early 1990s)]. *Bulletin of the Buryat State University*, 7, 36–41.
- Klinova M. A. (2017). Normy ratsional'nogo pitaniya v SSSR vtoroy poloviny 1950-kh – 1980-kh gg.: prichiny i vektornost' transformatsiy [Norms of rational nutrition in the USSR in the second half of the 1950s – 1980s: causes and vector of transformations]. *Academic Notes of Kursk State University*, 4 (44), 73–78.
- Kolonitskiy B. I., Matskevich M. G. (2022). Lenin kak «mesto pamyati» postsovetsoy Rossii. Pamyat' o politike i pamyat' o memorial'nom proekt [Lenin as a “site of memory” of post-soviet Russia. Memory about politics and memory about the memorial project]. *Bulletin of the Perm State University*, 3 (58), 125–137.
- Kolotushkin V. G. (2021). *Nikolay Afanas'evich Antonov. Epokha i lichnost' v dokumentakh, ocherkakh, vospominaniyakh: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Nikolai Afanasyevich Antonov. Epoch and personality in documents, sketches, memoirs: on the 100th anniversary of his birth]. Velikiy Novgorod, Vikont, 271.
- Kornai Ya. (1990). *Defitsit* [Deficit]. Moskva, Nauka, 607.
- Kusimova T. B., Shmidt M. A. (2016). Nostal'gicheskoe potreblenie: sotsiologicheskiy analiz [Nostalgic consumption: a sociological analysis]. *Journal of Institutional Studies*, 2, 120-133.
- Kushkova A. N. (2009). Sovetskoe proshloe skvoz' vospominaniya o prodovol'stvennom defitsite [The Soviet past through memories of food shortages]. *Neprikosnovennyy Zapas*, 2. (<http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ku10.html> – accessed: 28.12.2023).

Razumov N. V., Leonov M. I. (2022). Problema defitsita tovarov narodnogo potrebleniya v gorode Kuibysheve v period perestroyki [The problem of consumer goods deficit in the city of Kuibyshev during perestroika]. *Bulletin of Samara University*, T. 28, 3, 40-45.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 15.01.2024.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторе

Даниил Андреевич Борисевич, старший научный сотрудник отдела по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение, Государственный архив новейшей истории Новгородской области; ассистент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-2502-5082; Danya_novsu@mail.ru

Borisevich D. A.

THE IMPACT OF THE SHORTAGE IN THE LATE USSR ON THE FORMATION OF THE "CULTURAL CODE" OF NOVGOROD RESIDENTS ACCORDING TO THEIR PERSONAL MEMORIES

Abstract. The article studies the impact of the shortage on the formation of the “cultural code” of Novgorod residents in the late USSR (1980s). The study is based on the documents stored in the State Archive of Modern History of the Novgorod Region and interviews with Novgorod residents collected within the framework of the grant project of Novgorod State University “Map of Soviet Novgorodian’s Memory”. The question of understanding how the region forms its cultural identity at the local level remains relevant. The answer to this question allows us to understand the processes taking place at the level of the whole country in more detail. The study revealed that Novgorod residents used various strategies to overcome crisis situations, which served to form a “normality” that became a part of their “cultural code”. The emergence of “places of memory” constructed by the party authorities and public figures was considered as a separate research issue. In general, the study shows that the shortage had a significant impact on the everyday life and “cultural code” of Novgorod residents in the late period of the USSR.

Keywords: Novgorod region, Novgorod, shortage, memories, late USSR.

For citation: Borisevich D. A. The impact of the shortage in the late USSR on the formation of the “cultural code” of Novgorod residents according to their personal memories. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 148-155. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).148-155

Кочелаева И. С.

ЛЕКСИКОН НОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР: ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВО НЕФОРМАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются тематические доминанты и способы пополнения лексикона новой молодежной субкультуры – неформальных художников – артеров. Приводятся основания, на которых субкультуру можно считать виртуальной, показана ее специфика, отражающаяся в лексике и фразеологии. Выделены тематические группы лексикона – наименования собственно сообщества, его представителей – художников, рисунка и этапов его создания, используемых материалов, инструментов. Большое внимание уделено субкультурным наименованиям, относящимся к основным художественным техникам – цифровому и «традиционному» рисованию. Показаны как нейтральные (в большей степени заимствованные из английского языка), так и эмоционально окрашенные сленгизмы. Фразеологические обороты также объединены в группы по денотативной соотнесенности с действующим субъектом, процессом рисования и оценкой результата. Даны толкования лексических и фразеологических единиц, приводятся примеры их функционирования в речи. Выявлен тематический параллелизм лексикона артеров и других творческих субкультур. Результаты исследования могут быть использованы при исследовании динамики языка молодежи и функционирования и эволюции молодежных субкультур.

Ключевые слова: молодежная субкультура, неформальные художники, сленг субкультуры, фразеологизм, цифровое рисование.

Для цитирования: Кочелаева И. С. Лексикон новых молодежных субкультур: интернет-сообщество неформальных художников // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52).156-167. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).156-167

Лексикон современных интернет-сообществ все активнее исследуется как в русле общих языковых и социокультурных тенденций [Михайличенко, 2016; Данилова, Рябов, 2013; Какорина, 2007], так и с целью выявления специфики интернет-коммуникации в самых разных группировках пользователей: деструктивных интернет-сообществах [Орлов, 2021; Козлова, 2023], материнских интернет-форумах [Клименко, 2021], виртуальных субкультурах («граммар-наци» [Костикова, Григорян, 2022], «фанфикшен» [Платонова, Сайкина, Хусаинова, 2020]), музыкальных (кей-поп, хип-хоп) и спортивных (футбольные фанаты) субкультурах, студенческих сообществах [Андреев, Дмитриева, Никитина, 2023], гендерных радикальных интернет-сообществах [Красиков, 2020], этнических интернет-группах [Ягафова, 2023].

Именно молодое поколение наиболее активно дополняет реальное общение виртуальным, используя социальные сети, где согласно интересам пользователей формируются группы различного масштаба – достаточно устойчивые сетевые сообщества (виртуальные комьюнити), которые можно характеризовать как виртуальные молодежные субкультуры [Курбатов, Волков, Воденко, 2019, с. 88]. Их можно определить как формальные (официальные структуры, деятельность которых обычно направлена на социально значимые цели), либо неформальные (возникают самостоятельно, представляют собой форму коллективной самодеятельности по интересам и предпочтениям, часто противопоставлены традиционной культуре и общепринятым нормам) [Курбатов, Волков, Воденко, 2019, с. 91]. И те, и другие формирования порождают особый языковой код, отражающий интересы

современной молодежи, обеспечивающий ее потребности (общение, самовыражение, поиск единомышленников). В данной статье в лингвистическом и социокультурном аспекте рассматривается пример неформальной интернет-субкультуры.

В настоящее время в интернет-среде пользуется популярностью субкультура художников, или *арт-субкультура*, *арт-комьюнити*. Она объединяет людей, занимающихся рисованием на уровне увлечения или, реже, способа заработка. Значительную часть этого сообщества составляют непрофессиональные художники, однако присутствуют и те, кто получил или получает образование в профильных учебных заведениях. К участникам субкультуры можно применить наименования: *интернет-художники*, *неформальные художники*, *интернет-иллюстраторы*, *артеры*. Также к арт-субкультуре примыкают зрители, не занимающиеся рисованием самостоятельно, но интересующиеся творчеством других и вникающие в творческий процесс.

Арт-субкультуру можно причислить к виртуальным, поскольку соцсети позволяют показывать результаты своего труда тем, для кого недоступно участие в выставках. Сеть способствует творческому развитию пользователя, давая возможность не только создать, но и быстро распространить результаты своего творчества на большую аудиторию [Косякова, Ткачева, 2017, с. 20]. Этой возможностью и пользуются художники-непрофессионалы, невхожие в официальные творческие круги и объединения, особенно создатели цифровых работ, не имеющих физического оригинала. Творческая активность в социальных сетях развивается в различных группах художников, где через свое творчество молодые люди проявляют свою активность [Курбатов, Волков, Воденко, 2019, с. 92]. Русскоязычные группы артеров появляются прежде всего в соцсети «ВКонтакте», мессенджере «Telegram» и на видеохостинге «YouTube» (эти интернет-платформы и стали источниками нашего материала: далее ВК, ТГ, YT). Публичные страницы (паблики), блоги и каналы могут принадлежать отдельным личностям, показывающим свою творческую жизнь, или создаваться группой лиц в целях формирования сообщества: здесь можно выкладывать свои работы, участвовать в общей активности для саморазвития (*арт-челленджах*), находить материал для вдохновения (все это собирают и организуют администраторы групп). Так появились понятия *арт-паблик*, *арт-блог* (и *арт-блогер*), *арт-канал* и даже *арт-Ютуб* (художественное сообщество площадки «YouTube»), *арт-Телеграм* (то же в «Telegram»). Именно они дают почву для изучения мировоззрения неформальных художников и их лексики.

Важный аспект картины мира этой субкультуры – отличные от традиционной академической школы подходы и даже некоторое противопоставление себя академикам, несколько пренебрежительное отношение к правилам. Больше, чем соответствие рисунка определенным канонам, ценятся собственный стиль, оригинальность задумки, необычное исполнение.

Творчество представителей субкультуры чаще всего подразумевает рисование не пейзажей или натюрмортов с натуры, а персонажей в каких-либо ситуациях. В связи с этим расширило свое значение слово *иллюстрация* – для арт-субкультуры оно обозначает не только рисунок в тексте книги, журнала, сопровождающий изложение

или поясняющий содержание [Кузнецов, 2000], но и в целом изображение некой ситуации, имеющей сюжетный смысл. Современные исследователи художественной интернет-среды отмечают, что иллюстрации получили большую самостоятельность как художественные произведения. Они все так же связаны с каким-либо сюжетом, информацией, призваны облегчать восприятие какой-либо идеи, но между тем изображение уже не настолько подчинено тексту. Иллюстрация может быть легко воспринята самостоятельно, без наличия текста, а иногда способна и полностью замещать собой текст [Пешина, 2018]. Также для иллюстрации характерны небольшой формат и использование графических материалов и техник.

Отметим, что, поскольку творчество представителей арт-субкультуры предполагает воплощение собственной идеи и рисование *с нуля (из головы)*, как недопустимые оцениваются срисовывание (*срисовка*), рисование поверх фотографии или другого рисунка (*обмазка, фотообмазка / фотообмазон*), обведение контура фотографии или другого рисунка (*обводка*). Два последних способа возможны при использовании техники цифрового рисования, которую называют *диджитал* (англ. *digital* – ‘цифровой, электронный’) или *дидж*; а также *CG* (англоязычная аббревиатура: *computer graphics*, т.е. компьютерная графика) или ее русскоязычная транскрипция – *сидж*; используется наименование *цифра*.

Поскольку электронные способы создания изображения являются инновационными, прежние техники с использованием карандашей, красок, бумаги и т.д. стали называться *традиционными*, как и сами эти материалы. В языке интернет-художников это прилагательное используется в англоязычном варианте: *традишинал* (англ. *traditional* – ‘традиционный’), отсюда – сленговое *традишка* (иногда *традиша* или *традиш*). Некоторые художники выбирают для себя одно направление – исключительно цифровое или традиционное – и имеют низкий навык в противоположном, мало знаний о его приемах и материалах; другие успешно пользуются обоими способами. Порой в интернет-обсуждениях возникают споры о том, какая из техник лучше, и нередко участники проявляют снобизм, защищая более близкое для себя направление. Так, работы, выполненные в *диджитале*, называют «бездушными», не несущими художественной ценности, а технику *традишки* – устаревшей, излишне затратной по усилиям, пространству и материально. Достоинствами цифрового рисования признаются легкость исправлений, широкий выбор инструментов в компьютерной программе; «традиционного» – удовольствие от использования «живых» материалов и ощущение «теплоты» ручной работы.

От названий направления образуются и наименования художников: тех, кто использует цифровые техники, называют *диджиталистами, цифровиками, сиджишниками*. Для «традиционных» художников существуют обозначения *традишник, традиционалист*. Основное общее название для представителя субкультуры – *артер*, созданное от корня *арт-* (англ. *art* – ‘изобразительное искусство’) присоединением заимствованного суффикса *-ер*. Это слово ошибочно принимается за англоязычное заимствование: в английском языке художнику соответствует *artist*, однако оно не используется артерами, вероятно, из-за сходства с общеупотребительным *артист*. Кроме этого, в речи представителей субкультуры фигурируют сленговые наименования *рисуйщик, рисовака*. Они имеют скорее

пренебрежительную коннотацию и употребляются комментирующими в обсуждениях, а также художниками по отношению к самим себе в качестве самоиронии.

Центральное место в поле деятельности *артеров* занимает, разумеется, продукт творчества – рисунок. Нейтральное название законченного рисунка – *арт* (англ. *art*). Первоначально оно применялось к работам, выполненным в диджитале, как соответствующее чему-то более современному, а «традиционные» произведения по-прежнему именовались *рисунками*. Однако постепенно слово *арт* более прочно вошло в лексикон субкультуры и стало общим. Для обозначения небольших рисунков или набросков существуют слова *порисулька*, *почеркушка* (часто в форме множественного числа, также: *порисули*, *почеркули*). Они используются для выражения иронии или самоиронии, могут употребляться и как обозначение рисования как занятия. Ср.: *Покажу вам порисульки [рисунки] за вчера и сегодня* (ВК, 2022); *Мама считает, что я должна медиком стать, а порисульки [занятие рисованием] – это несерьезно* (YT, 2023).

Завершенный и проработанный рисунок называется «полноценным», или *полноценкой*. Особенно часто это слово употреблялось на заре развития субкультуры, когда критерии признания рисунка полноценным были очень строгими – так называли только работы крупного формата с высоким уровнем детализации, с тщательной тоновой и цветовой обработкой, с выраженным сюжетным наполнением. Со временем подход сменился: каждый вправе самостоятельно определять степень завершенности работы в рамках собственного стиля и техники.

Три составляющие готового рисунка – это подготовительный эскиз, контур, нанесение цвета. В сленге неформальных художников они получают наименования: *скетч* (англ. *sketch* – ‘набросок, эскиз, зарисовка’) – предварительный набросок для визуализации идеи, композиции; готовый небольшой рисунок без тщательной проработки; тонкий, слабо заметный рисунок на чистовом листе для будущей *полноценки*; *лайн* (англ. *line* – ‘линия’) – контур всех деталей, нарисованный поверх *скетча* контрастным цветом; *покрас* (этап или процесс нанесения цвета на рисунок поверх *скетча* и/или *лайна*). *Скетч* и *лайн* также могут считаться названиями этапа или процесса соответствующей части работы: *на этапе скетча*, *в процессе лайна*. Некоторые художники пропускают *лайн* в своей технике – не наносят четкий контур на изображение – или выполняют его после *покраса*. Делать это можно разнообразными способами: чернилами или тушью с помощью пера, перьевой ручки, кисти; тем же материалом, которым произведен *покрас*: акварелью, гуашью и т.д. с помощью кисти, а также – специальным инструментом: капиллярной ручкой с тонким наконечником, которая называется *линер* (более часто) или *лайнер* (скорее всего, наименования образованы от *линия* или *лайн* соответственно, ср.: в английском языке *liner* имеет другое значение, однако есть *fineliner*, которое обозначает именно такую ручку и является новым, возможно, и оно стало исходным для усечения).

Отметим, что все это характерно не только для «традиционных» техник, но и для цифрового рисования, в котором, однако, используются и собственные уникальные инструменты. Прежде всего, это графический планшет, или просто *планшет*. Более ранняя его версия, на данный момент считающаяся устаревшей, – планшет без экрана,

который подсоединяется к компьютеру. Пользователь водит специальной ручкой (она называется *перо*) по рабочей поверхности планшета, а процесс рисования и управления программой отображается на экране компьютера. Субкультурное наименование такого планшета – *доска* (он выглядит как прямоугольная дощечка из пластика однородного цвета). Новые модели, ставшие в последнее время очень популярными – так называемые экранные планшеты, или *экранники*. Внешне они напоминают планшетные компьютеры, а рисование осуществляется также с помощью ручки (ее чаще называют *стилус*) прямо на экране, что делает процесс похожим на «традиционную» технику.

Кроме графического планшета, художнику необходима компьютерная программа для рисования. Их сленговые названия происходят от официальных: редактор «Paint Tool SAI» называют *саи*, «Krita» – *крита*, «Procreate» – *прокриэйт* / *прокриейт* и т.д.

Использование наименований фирм-производителей материалов и инструментов в сленговой номинации – частый способ образования субкультурных лексических единиц. Например, графический планшет фирмы «Wacom» называют *ваком*. Карандаши фирмы «Faber-Castell» и ее линеек «Polychromos», «Albrecht Dürer»; «Derwent» – это соответственно *фаберы*, *полихромосы*, *дюреры*, *дервенты*. Художественные маркеры компании «Copic» – *копики*, акварель «Winsor&Newton» – *винзор*.

Заслуживает внимания не только лексика, свойственная данной субкультуре, но и отражающие ее мировоззрение фразеологизмы – устойчивые, образные, эмоционально заряженные обороты, используемые для краткой, яркой, эмоциональной оценки происходящего [Атарщикова, Калитвенцева, Головченко, 2017, с. 1]. Известно, что их употребление характерно в большей степени для устной речи, общение же виртуальной субкультуры художников происходит главным образом в письменном виде – это записи (посты) и комментарии в социальных сетях. Однако язык интернет-коммуникации, как известно, сохраняет разговорные черты, представляет собой смешение литературного и разговорного вариантов языка, характеризуется наличием иноязычных и просторечных экспрессивных элементов [Косякова, Ткачева, 2017, с. 20]. Сленг арт-сообщества также характеризуется наличием образных, экспрессивных устойчивых сочетаний разной степени идиоматичности. Следует отметить, что некоторые из примеров скорее можно считать частотными образными словосочетаниями, чем собственно фразеологизмами.

Устойчивые обороты в языке субкультуры можно соотнести с использующим их говорящим – художником или зрителем (зрителем становится и художник, оценивающий работы других авторов).

Образные обороты речи художников можно классифицировать тематически: это наименования, относящиеся к процессу или результату творчества. При описании собственной творческой работы художники часто говорят о препятствиях или трудностях на трех этапах деятельности: этап, предшествующий процессу рисования, непосредственно процесс работы над рисунком и этап оценки результата. Примером описания первого этапа является фразеологизм *страх белого / чистого листа*, т.е. боязнь приступить к работе, неспособность оценить рабочее пространство бумаги и

сделать первое движение: *Чтобы побороть страх белого листа, попробуйте залить его краской, поиграть с эффектом брызг, соли. Он больше не белый, его уже не страшно испортить* (ВК, 2023).

На уровне процесса рисования художники сталкиваются со следующими трудностями: *глаз замылился / проблема замыленного глаза*, что означает привыкание к предмету рисования и потерю способности замечать недостатки: *Хотела закончить за один день, но пришлось отложить на завтра, глаз замылился, ничего уже не воспринимает* (ВК, 2021). *В процессе я постоянно переходила от одной части к другой, так что проблема замыленного глаза почти не возникала* (УТ, 2020).

Другое препятствие возникает при переходе от карандашного рисунка к работе красками: *скетч поплыл*. Слово *скетч* в данном случае означает первоначальный рисунок карандашом на чистовом листе. При покрытии красочным слоем этот рисунок может смазаться или стать менее заметным, из-за чего художник не может больше на него опираться при проработке деталей, повышается вероятность ошибок: *Первоначальный скетч получился удачным и очень нравился мне, но под акварелью он уже немного поплыл, и получилось не совсем так, как задумывалось* (УТ, 2023).

Далее появляется оценка художником собственного результата и недостатка, который для сторонних зрителей может быть неочевиден: *замылить* (иногда *замучить*) *рисунок*. Речь идет о чрезмерной проработке, из-за которой пропадает ощущение легкости, «воздушности», «звонкости» рисунка: *Стремясь к идеалу, следите за тем, чтобы вовремя остановиться. Иначе вы рисунок замылите, и будет он у вас «замученный», перестанет «дышать»* (ВК, 2021).

Еще одно выражение употребляют художники в качестве оправдания неудач в достижении наилучшего результата: *у меня лапки*. Здесь происходит сравнение человека с домашним котом: а) человек как бы имеет вместо рук конечности животного, что не позволяет им исполнять требуемые функции; б) снимается ответственность, т.к. к животному не предъявляется требований. Это устойчивое словосочетание используется и в общемолодежном современном языке для оправдания за неспособность что-либо сделать или в чем-либо разобраться (приготовить пищу, исправить неполадки в технике, освоить компьютерную программу). У интернет-художников оно обозначает якобы неумение держать рабочий инструмент, из-за чего рисунок не получается таким, каким его хочет видеть автор: *Я тут пыталась в перспективу, но у меня лапки, поэтому затея провалилась* (ТГ, 2022). Такое употребление общемолодежного фразеологизма в характерных для данной субкультуры ситуациях позволяет говорить о том, что его значение начинает специализироваться.

Для субкультуры художников ключевую роль играет возможность показывать свое творчество широкой публике с помощью Интернета. Реакция зрителей в этом случае может быть положительной и отрицательной, однако негативное комментирование дает больше возможностей обнаружить образные сочетания. Так, к технической стороне рисунка относится негативно оценочное *пропорции поплыли*, характеризующее конструктивную базу работы, когда, например, при изображении человека смещаются черты лица или пропорции тела: *Неплохо, но пропорции поплыли куда-то, анатомию изучайте* (ВК, 2020).

Следующий недостаток проявляется в основном при рисовании с помощью цифровых устройств и касается нанесения цвета: *мыльные тени*. В процессе придания предмету объема художник может излишне сгладить границу между тенью, полутенью и светом, так что изображение будет выглядеть лишенным текстуры, размытым внутри контура. Очевидно, эта нечеткость, ощущение расфокусированности ассоциируется с мылом, чем-либо мыльным: *Покрас грязный, тени мыльные, автору совет: поработай над светотенью* (ВК, 2022).

Еще одно замечание касается скорее эстетической привлекательности рисунка, его аккуратности: *волосатый лайн*. Слово *лайн*, как уже отмечалось, означает в языке неформальных художников контур нарисованного предмета. Его создание требует усидчивости и терпения, иначе при слишком резких движениях рисующий может выходить инструментом за нужную границу, отклоняясь от нее, и тогда от основной линии ответвляются небольшие черточки, похожие на волоски, придающие ей вид «ворсистости». *Лайн волосатый получился, неаккуратно смотрится* (ВК, 2023).

Зрители склонны не только указывать художнику на кажущиеся объективными недостатки и ошибки, но и выражать свое эмоциональное состояние после увиденного рисунка с помощью экспрессивных выражений, например: *кровь из глаз*. Таким образом зритель говорит о крайне низком уровне исполнения, о нарушенных нормах изображения – неправильных пропорциях, резкой цветности – которые как бы наносят рану его глазам, причиняют боль: *Помогите кто-нибудь, у меня кровь из глаз течет от такой анатомии* (YT, 2022).

Фраза *мыло в глаз попало* передает неприятное впечатление от нечетких, размытых теней (*мыла*): комментирующий, фигурально выражаясь, намекает, что его раздражает «мыло», свойственное данному рисунку: *Ууу, в тенях мыла сколько, аж в глаз попало* (ВК, 2023).

Для представителей субкультуры важно постоянно повышать свой уровень. Для отображения этой субкультурной идеи используется общеупотребительное *набить руку* и схожее с ним по значению *выпрямить руки*, свойственное именно художникам. Он противопоставлен сочетанию *кривые руки*, которое в сленге артеров обозначает неумелого художника. «Кривые» руки нужно «выпрямить», т.е. приобрести достаточное количество опыта и профессиональных знаний. Словосочетание *прямые руки*, таким образом, относится к тем, кто обладает высоким уровнем навыков рисования и вызывает благодаря этому уважение: *Чтобы такое нарисовать, мне надо выпрямить руки сначала* (ВК, 2022). *Вот это я понимаю – сразу видно, руки у художника прямые* (TG, 2023).

В значении «повысить уровень навыков» художники используют и устойчивое выражение, пришедшее в общемолодежный сленг из лексикона геймеров (любителей компьютерных игр) – *прокачать скилл* с заимствованным из английского языка *skill* – «навык»: *Участие в этом челлендже поможет развить привычку рисовать каждый день и, конечно, прокачать скилл* (ВК, 2022).

Следует упомянуть еще одно словосочетание, относящееся к стереотипам о процессе рисования с помощью цифровых средств: *кнопка «сделать красиво»*. Интернет-иллюстраторы употребляют его, говоря о восприятии их творчества людьми, не входящими в субкультуру и не разбирающимися в инструментах и различных

деталей. Под кнопкой «сделать красиво» подразумевается кажущаяся легкость рисования в компьютерной программе, в отличие от работы «традиционными» материалами (карандашом, красками и т.п.): *Обычно люди думают: если ты на компе рисуешь, у тебя там кнопка есть – «сделать красиво!».* И ничего уметь не надо, ничему учиться не надо (ВК, 2021). *Нет у нас никакой волшебной кнопки «сделай мне красиво», неужели кому-то непонятно* (ТГ, 2023).

Таким образом, ключевым фактором существования виртуальной субкультуры неформальных художников является возможность для каждого, вне зависимости от образования или уровня навыка, демонстрировать свое творчество и получать внимание аудитории. Такую возможность предоставляет сеть Интернет, посредством которой в основном и происходит общение участников, представляющее собой обсуждения художественных материалов, идей рисунков, процесса работы и обучения. Немаловажной частью подобных обсуждений являются комментарии, содержащие объективную оценку и субъективное, личное мнение. Поскольку в общении неформальных художников уже функционирует множество характерных слов и выражений (по нашим данным, их более 150), можно говорить о сформированном и постоянно пополняющемся лексиконе арт-субкультуры.

Что касается тематики лексикона артеров, то она определяется спецификой субкультурной деятельности и обнаруживает параллелизм с другими творческими субкультурами [Андреев, 2010, 2011, 2015], где тематическими доминантами являются: деятель, процесс деятельности, инструменты деятельности и ее результаты.

Среди способов номинации, используемых артерами, наряду с традиционными для молодежных субкультур заимствованиями из английского языка и суффиксальным словообразованием на исконном и заимствованном материале, можно отметить характерную для данной субкультуры специализацию значений общенародных слов и фразеологизмов.

Результаты исследования лексикона артеров, представленные выше, могут использоваться при изучении динамики языка молодежи, функционирования молодежных субкультур, при разработке словарей молодежного сленга. В качестве перспективы исследования намечен углубленный анализ лексико-фразеологического запаса данной субкультуры с привлечением более обширного материала и его лексикографической интерпретацией.

Литература

- Андреев В. К. (2010). Язык русского граффити – английский или русский? *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 1 (11), 80-85.
- Андреев В. К. (2011). Номинационная деятельность как лингвокреативная составляющая современной молодежной культуры хип-хоп. *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 2, 4, 261-265.
- Андреев В. К. (2015). Флэшмоб-культура и ее отражение в субкультурном лексиконе. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 1, 149-153.

- Андреев В. К., Дмитриева С. О., Никитина Т. Г. (2023). Динамика лексикона молодежных субкультур (по материалам интернет-форумов). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. Т. 22, 2, 36-48.
- Атарщикова Т. Н., Калитвенцева А. А., Головченко А. Н. (2017). Фразеологизмы как средство активизации речевой деятельности. *Молодой ученый*, 22.1, 1-3.
- Данилова А. С., Рябов С. В. (2013). Роль языка интернет-сообщества в процессе глобализации. *Ученые записки Ульяновского государственного университета*, 1 (17), 121-123.
- Какорина Е. В. (2007). Язык интернет-сообществ. *Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий. Megaling. Материалы международной научной конференции (Киев, 19-20 ноября 2013 г.)*. 217-218.
- Клименко Н. С. (2021). Язык материнских интернет-форумов как проявление фемининной субкультуры XXI века. *Культура и текст*, 2 (45), 227-233.
- Козлова И.В. (2023). Подростки и насильственный экстремизм в интернет-пространстве. *Социология и право*. Т. 15, 3, 345-354.
- Комишка, традишка, коллаб: терминология современного художника. URL: <https://ficwriter.info/stati/61-kak-opublikovat-knigu-q/oformlenije-q/7233-modern-artist-terminology.html> (дата обращения: 30.11.2023).
- Костикова Ю. В., Григорян М. И. (2022). «Граммар-наци» как представители интернет молодежной субкультуры. *Социология*, 1, 193-198.
- Косякова Я. С., Ткачева В. Р. (2017). Языковая личность в Интернете. *Молодой ученый*, 22.1, 19-22.
- Красиков В. И. (2020). Гендерная ненависть в рунете: маскулисты и радфемки. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. Т. 4, 3 (15), 235-244.
- Кузнецов С.А. (сост. и гл. ред.) (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1536.
- Курбатов В. И., Волков Ю. Г., Воденко К. В. (2019). Молодежная субкультура в сетевых сообществах: приоритеты молодежи в социальных сетях и трансформация социально-информационного поведения. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10, 87-97.
- Михайличенко Е. С. (2016). Социальные сети как особый вид интернет-коммуникации: лексический аспект. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. Т. 2 (68), 1, 166-171.
- Орлов И. А. (2021). Язык деструктивных интернет-сообществ в юрислингвистическом аспекте. *Наука XXI века: проблемы, поиски, решения. Материалы XLV научно-практической конференции, посвящённой 25-летию Миасского филиала Челябинского государственного университета (Миас, 21 апреля 2021 г.)*. 292-296.
- Пешина Ю. С. (2018). Современная иллюстрация в контексте развития цифровых технологий. *Цифровая культура открытых городов: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Екатеринбург: Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт), 426-432.
- Платонова Е. В., Сайкина В. В., Хусаинова Д. В. (2020). Жаргон субкультуры фанфикшен. *Современные исследования социальных проблем*. Т. 12, 4-3, 170-182.
- Словарь художника. [Электронный ресурс]. URL: <https://pixel.one/educational-articles/109/slovar-hudozhnika> (дата обращения: 30.11.2023).
- Ягафова Е. А. (2023). Этническая идентичность в глобальной сети: чувашские группы в социальной сети «Одноклассники». *Социально-экономический и гуманитарный журнал*, 4 (30), 241-250.

References

- Andreev V. K. (2010). Yazyk russkogo graffiti – angliyskiy ili russkiy? [The language of russian graffiti – English or Russian?] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 1 (11), 80-85.
- Andreev V. K. (2011). Nominatsionnaya deyatel'nost' kak lingvokreativnaya sostavlyayushchaya sovremennoy molodezhnoy kul'tury khup-khop. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Nominative activity as a linguocreative component of modern hip-hop youth culture]*. *Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 2, 4, 261-265.
- Andreev V. K. (2015). Fleshmob-kul'tura i ee otrazhenie v subkul'turnom leksikone [The culture of the flashmobbers and its reflection in subcultural lexicon]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 1, 149-153.
- Andreev V. K., Dmitrieva S. O., Nikitina T. G. (2023). Dinamika leksikona molodezhnykh subkul'tur (po materialam internet-forumov) [The lexicon of youth subcultures in dynamics (exemplified by Internet forums)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. T. 22, 2, 36-48.
- Atarshchikova T. N., Kalitventseva A. A., Golovchenko A. N. (2017). Frazelogizmy kak sredstvo aktivizatsii rechevoy deyatel'nosti [Phraseological units as a means of activation of speech activity]. *Molodoy uchenyy*, 22.1, 1-3.
- Danilova A. S., Ryabov S.V. (2013). Rol' yazyka internet-soobshchestva v protsesse globalizatsii [The role of the language of Internet community in the process of globalization]. *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (17), 121-123.
- Kakorina E. V. (2007). Yazyk internet-soobshchestv [The language of Internet communities]. *Gorizonty prikladnoy lingvistiki i lingvisticheskikh tekhnologiy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 217-218.
- Klimenko N. S. (2021). Yazyk materinskikh internet-forumov kak proyavlenie femininnoy subkul'tury XXI veka [The language of mothers' Internet-forums as a display of feminine subculture in XXI century]. *Kul'tura i tekst*, 2 (45), 227-233.
- Kozlova I.V. (2023). Podrostki i nasil'stvennyy ekstremizm v internet-prostranstve [Adolescents and violent extremism in the online space]. *Sotsiologiya i pravo*. T. 15, 3, 345-354.
- Komishka, tradishka, kollab: terminologiya sovremennogo khudozhnika [Commission, tradition, collaboration: the terminology of a modern artist]. Available at: <https://ficwriter.info/stati/61-kak-opublikovat-knigu-q/oformleniye-q/7233-modern-artist-terminology.html> (accessed: 30.11.2023).
- Kostikova Yu.V., Grigoryan M.I. (2022). «Grammar-natsi» kak predstaviteli internet molodezhnoy subkul'tury [“Grammar-nazi” as representatives of the internet youth subculture]. *Sotsiologiya*, 1, 193-198.
- Kosyakova Ya. S., Tkacheva V.R. (2017). Yazykovaya lichnost' v Internete [Language personality in the Internet]. *Molodoy uchenyy*, 22.1, 19-22.
- Krasikov V. I. (2020). Gendernaya nenavist' v runete: maskulisty i radfemki [Gender hatred in runet: masculinists and radical feminists]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. Vol. 4, 3 (15), 235-244.
- Kuznetsov S. A. (sost. i gl. red.) (2000). Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint, 1536.
- Kurbatov V. I., Volkov Yu. G., Vodenko K. V. (2019). Molodezhnaya subkul'tura v setevykh soobshchestvakh: priority molodezhi v sotsial'nykh setyakh i transformatsiya sotsial'no-informatsionnogo povedeniya

[Youth subculture in online communities: youth priorities in social networks and transformation of social-informational behavior]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 10, 87-97.

Mikhaylichenko E. S. (2016). Sotsial'nye seti kak osobyiy vid internet-kommunikatsii: leksicheskiy aspect [Social networks as a special type of Internet communication: lexical aspect]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. Vol. 2 (68), 1, 166-171.

Orlov I.A. (2021). Yazyk destruktivnykh internet-soobshchestv v yurislavisticheskom aspekte [The language of destructive Internet communities in the legal linguistic aspect]. *Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya. Materialy XLV nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu Miasskogo filiala Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 292-296.

Peshina Yu.S. (2018). Sovremennaya illyustratsiya v kontekste razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [Modern illustration in the context of development of digital technologies]. *Tsifrovaya kul'tura otkrytykh gorodov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Ekaterinburg: Munitsipal'noe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva» (institut), 426-432.

Platonova E.V., Saykina V.V., Khusainova D.V. (2020). Zhargon subkul'tury fanfikshen [The jargon of fanfiction subculture]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. Vol. 12, 4-3, 170-182.

Slovar' khudozhnika [Artist's dictionary]. Available at: <https://pixel.one/educational-articles/109/slovar-hudozhnika> (accessed: 30.11.2023).

Yagafova E.A. (2023). Etnicheskaya identichnost' v global'noy seti: chuvashskie gruppy v sotsial'noy seti «Odnoklassniki» [Ethnic identity in the global network: chuvash groups in the Odnoklassniki social network]. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i humanitarnyy zhurnal*, 4 (30), 241-250.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 25.12.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторе

Кочелаева Ирина Сергеевна – младший научный сотрудник, Псковский государственный университет, институт образования и социальных наук; ORCID: 0009-0002-1240-7150; e-mail: pta-rimma@yandex.ru

Kochelaeva I. S.

THE LEXICON OF NEW YOUTH SUBCULTURES: INTERNET COMMUNITY OF INFORMAL ARTISTS

Abstract. The article analyzes the thematic dominants and replenishment sources of the lexicon of a new youth subculture – informal artists. Author gives the reasons to consider it virtual, shows its specificity, reflected in vocabulary and phraseology, groups the lexicon units thematically – the names of the community itself; its representatives – artists; drawing and stages of its creation; materials and tools used. Much attention is paid to subcultural names related to the main artistic techniques – digital and "traditional" drawing. Both neutral (mostly borrowed from English) and emotionally marked slangisms are shown. Phraseological combinations are also grouped according to their correlation with the acting subject, the drawing process and the result evaluation. The definitions of lexical and phraseological units are given, alongside the examples of their functioning in speech. The thematic parallels of the lexicon of artists and other creative subcultures are elicited. The results of this study can be used to explore the dynamics of youth language and the functioning and evolution of youth subcultures.

Keywords: youth subculture, informal artists, subculture's slang, phraseologism, digital drawing.

For citation: Kochelaeva I. S. The lexicon of new youth subcultures: Internet community of informal artists. *Memoirs of NovSU*, 2024, 1(52), 156-167. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).156-167

Кузина О. А., Ситько Ю. Л., Теплова Т. Е.

КУЛЬТУРНО-КОННОТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ В ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ДЕВЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению используемых английским издателем и переводчиком Эндрю Бромфилдом (Andrew Bromfield) приемов перевода культурно-коннотированной лексики периода Перестройки в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Творчество Виктора Пелевина насыщено разнообразными аллюзиями из жизни советского и постсоветского общества, что при переводе на английский язык может вызывать затруднения у переводчика, а впоследствии при прочтении переведенного рассказа – затруднения в понимании у иноязычной аудитории при неточном или некорректном переводе. В статье рассматриваются значимые для перевода различия между реалиями, терминами и безэквивалентной лексикой. В связи с этим приводится анализ особенностей перевода посредством абсолютных и относительных эквивалентов, контекстного пояснения безэквивалентных лексем, использования калькирования, генерализации и конкретизации значения и описательного способа перевода лексемы. В статье демонстрируется, что переводчику приходится решать сразу две задачи – «расшифровывать» текст В. Пелевина и переводить его на английский язык.

Ключевые слова: В. Пелевин; перевод; культурно-коннотированная лексика; безэквивалентная лексика; реалии.

Для цитирования: Кузина О. А., Ситько Ю. Л., Теплова Т. Е. Культурно-коннотированная лексика периода перестройки в переводе рассказа В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» на английский язык // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 168-175. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52). 168-175

Произведения Виктора Пелевина пользуются популярностью не только среди русскоязычных читателей, но и за рубежом. Кажется, наиболее плодотворным переводчиком Виктора Пелевина на английский язык является сооснователь журнала «GLAS» Эндрю Бромфилд (англ. Andrew Bromfield; род. Кингстон-апон-Халл, Йоркшир, Англия): он перевел кроме множества рассказов такие крупные как «Омон Ра», «Чапаев и Пустота», «Generation “П”» и другие. Это позволяет рассматривать переводы Э. Бромфилда как своеобразный «стандарт», представляющий творчество Виктора Пелевина англоязычному читателю. Вместе с тем, творчество Виктора Пелевина насыщено разнообразными аллюзиями из жизни советского и постсоветского общества, что при переводе на английский язык может вызывать затруднения. Восприятие переводного текста усложняется тем, что «ключевым условием для понимания произведений писателя становится не только доскональное знание реалий описываемой эпохи, но и представление о нетрадиционных функциях языковых средств, вводящих эти реалии» [Уржа, Сковорода, 2016, с.85]. Таким образом, переводчик вынужден решать сразу две задачи – «расшифровывать» текст Виктора Пелевина и переводить его на английский язык.

Объектом этой работы является переводной текст рассказа «Девятый сон Веры Павловны», текст, чрезвычайно плотно насыщенный лексикой и образами периода Перестройки, а **предметом** – культурно-коннотированная лексика, использованная в этом рассказе.

Л. Н. Соболев, В. М. Россельс и ряд других исследователей считают, что

культурно-коннотированная лексика состоит из единиц, именуемых *реалиями* [Фененко, 2018; Щуклина, 2011; Заика, 2006]. Реалии – это слова, которые отражают колорит посредством того, что обозначают «элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [Ахманова, 1966, с. 371]. В. И. Заика, рассматривая реалии как тип референта предлагает в них выделять, например, артефакты / натурфакты, динамичные / статичные и т.д. [Заика, 2006, с. 26]. С. Г. Николаев термином «лингвистическая реальия» называет инациональный предмет, представленный в тексте посредством неадаптированного иноязычия [Николаев, 2005].

Термины, реалии и их эквиваленты. Реалии отличают от терминов. Если термины часто создаются искусственно в связи с появлением феномена, то реалии отражают «мировоззрение создающего их народа», являются результатом народного словотворчества [Демонина, Лавриненко, Кемечеджиева 2021, с. 147]. Существует много реалий, которые не имеют международного распространения и употребляются практически так же широко, как и термины. От последних их отличает сфера их применения и «неистребимый», даже если он едва замечен, национальный или исторический оттенок [Влахов, 1980, с. 8-9]. Термины интернациональны и общеупотребительны. Реалии, напротив, чужды носителям другого языка. В этом и заключается сложность перевода таких единиц. Нужно не только перевести слово, но и передать культурный контекст с его системными взаимосвязями, в который эта реальия погружена. Как справедливо отмечают М. А. Курбакова и М. М. Боришанская, «вопрос трансформации реалий в иную культуру еще более сложен, чем даже поиск единой их дефиниции, поскольку, как порой справедливо отмечали на Западе, "...языком можно овладеть. Спотыкаешься о культуру..."» [Курбакова, Боришанская, 2013].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют два вида реалий: «свои» и «чужие». К «своим» реалиям, которые легко переводимы, можно отнести межъязыковые лексические понятия, которые одновременно «присутствуют в двух этнокультурных общностях <...> и без потерь информации выражаются на двух разных языках» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 66]. Межъязыковые реалии переводятся эквивалентами и противопоставляются безэквивалентным лексемам, «т. е. таким, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 67]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделили семь групп безэквивалентной лексики: советизмы, слова нового быта, наименования предметов и явлений традиционного быта, лексика фразеологических единиц, историзмы, фольклорные слова и слова иноязычного происхождения [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 77]. Исследуя реалии в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны», В. В. Скворцова отмечала: «Советские реалии в рассказе – группа, насчитывающая самое большое количество единиц культурно-коннотированной лексики» [Скворцова, 2020, с. 98].

«Чужими» реалиями Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров считают слова, которые обладают «трудной для перевода формой, лексическими, фонетическими и морфологическими особенностями, возможностями словообразования и

сочетаемостью, а также механизмом заимствования и своим поведением в качестве заимствованных слов» [Влахов, 1980, с. 18]. Для английского языка русские советизмы представляют собой именно «чужие» реалии, поэтому их перевод вызывает особый интерес.

Безэквивалентные лексемы как реалии, обозначающие предметы и явления эпохи СССР и не обладающие аналогами в английском языке, переводятся при помощи транслитерации: *Перестройка* – *Perestroika* (в таком виде реалия вошла в другие языки и стала общеизвестной), *тройка* (лошадей) – *troika*. Для англоязычного читателя такой перевод может показаться недостаточным, поскольку «переводу “на общем основании” реалии практически не поддаются, так как из-за своего ярко выраженного колорита, национального или исторического, обычно не имеют эквивалентов в других языках» [Явари, 2017, с. 219].

Абсолютные эквиваленты. Если слово в оригинальном тексте имеет эквивалент в английском языке, то выбирается либо абсолютный, либо относительный перевод. Абсолютный эквивалент сохраняет стилевую принадлежность и экспрессивность, в то время как относительный эквивалент соответствует значению, а стилевая принадлежность и экспрессивная функция могут быть изменены. Абсолютные эквиваленты дают возможность перевести лексемы двумя способами: 1) выбрать единицу, входящую в синонимический ряд, и, вследствие этого, реализовать дополнительные значения, которых, возможно, нет в языке оригинала, 2) использовать эквивалент, не имеющий синонимов.

В переводах текстов Виктора Пелевина абсолютными эквивалентами, переведенными первым способом, являются следующие: *преклонных лет* – *of advanced age*, *товарищ* – *comrade*, *турникет* – *turnstile*, «М» (метро) – 'S' (*subway*), *развоплощение* – *disincarnation*, *зловоние* – *stench*, *цимбалы* – *dulcimers*, *увенчанный* – *crowned*, *втиснуться* – *squeeze inside*, *прилавок* – *counter*, *рокотало* – *was rumbling*, *похабные* – *obscene*, *кровоподтёки* – *bruises*, *кусейные* – *muslin* и *конвоируемое* – *escorted*. Абсолютных эквивалентов, переведенных вторым способом значительно меньше, например, *треножный штатив* – *tripod stand* (с элементом плеоназма, так как лексема *tripod* в английском языке переводится как *треножный штатив*) и *трубоволоочильные* – *Pipe-Drawing*.

Отдельную группу среди абсолютных эквивалентов составляют когнаты. Их перевод не вызывает у переводчика сложностей, так как лексема текста на языке-источнике ему знакома, так же, как и та, что есть в языке перевода. Таких примеров в тексте сравнительно немного: *пролетарии* – *proletarians*, *кооператив* – *cooperative*, *кокарда* – *cockade*, *коммунисты* – *communists*.

Относительные эквиваленты используются по двум причинам: либо в языке перевода нет точного аналога, либо в языке перевода есть лексема, передающая смысл более ёмко и точно. Анализ относительных эквивалентов показал, что их можно разделить на три группы: замена словом более высокого стиля, замена словом более низкого стиля, использование слова с иным значением и иного стиля.

К группе, в которой заменяющее слово **более высокого стиля**, относятся лексемы *сортир* (просторечная лексика) – *public lavatory* (нейтральная лексика), *победивший* (нейтральная лексика) – *triumphant* (книжная лексика), *пучеглазое*

(просторечная лексика) – *wide-eyed* (нейтральная лексика).

Примерами перевода, при котором происходит **снижение стиля**, являются лексемы *уборная* (книжная лексика) – *toilet* (нейтральная лексика), *пиршественные* (книжная лексика) – *festive* (нейтральная лексика), *исполин* (книжная лексика) – *giant* (нейтральная лексика).

К третьей группе относительных эквивалентов относятся случаи, когда переводчик использует не полностью совпадающие по словарному значению лексические средства с целью сохранить стилистическую окраску оригинального текста: **стилистические** эквиваленты оригинала. Они не имеют стилистической информации и только частично передают лексическую семантику: *заслонить* – *fenced off* ‘отгораживать’, *заваленные* – *hay-filled* ‘наполненные сеном’, *крутануть* – *to whirl around* ‘крутить вокруг’, *заискивающий тенор* – *challenging tenor* ‘подвергающий сомнению тенор’.

Калькирование. Калькирование состоит в том, что слова и выражения одного языка переводятся на другой язык путем точного воспроизведения морфемной или словесной структуры. Проблема использования этого способа заключается в том, что он не всегда может передавать авторский смысл. Например, *каменные лица*, переведённое как *stony faces* в русском языке трактуется однозначно – ‘лица без эмоций’, читатель же английского текста может воспринять прилагательное *stony* буквально. В тексте есть случай, когда калькирование – единственно верный и точный перевод лексемы *братский народ* – *fraternal nation*.

Описательный способ. Если в языке перевода отсутствуют эквиваленты, а сама лексема не относится к межъязыковым реалиям, автор переводного текста может, а часто и вынужден, использовать описательный способ 1) для создания большей экспрессивности либо 2) для описания при отсутствии аналога в языке перевода.

В рассматриваемом материале мы обнаружили лишь один случай использования описания для создания большей экспрессивности: *с расквашенной мордой* – *with his face beaten to pulp* ‘с лицом, избитым до мякоти / полусмерти’.

Случаи применения описательного способа перевода при отсутствии аналога в языке перевода более многочисленны: *полухалат-полушинель с петлицами* – *garment halfway between overalls and an overcoat* ‘предмет одежды, представляющий собой что-то между халатом и пальто’, *два гармониста* – *two men...playing accordions*, *магнитофон* – *cassette deck* ‘кассетная дека’, *комиссионный магазин* – *shop selling goods on commission* ‘магазин, осуществляющий продажу на комиссионной основе’, *стеллаж* – *row of shelves* ‘ряд полок’, *кукиш* – *brandish the finger and...transform the gesture into a fist* ‘махать пальцем и превратить жест в кулак’, *гвоздодёрный* – *for extracting nails* ‘для извлечения гвоздей’, *дублёнки* – *sheepskin coats* ‘пальто из овчины’, *белогвардейский офицер* – *officer of the White Guards* ‘офицер Белой гвардии’.

Генерализация. В тексте Эндрю Бромфилда используется способ замены общим частного, то есть генерализации. Генерализация применяется, если в языке переводного текста конкретизация невозможна или кажется излишней: *ситцевое платье* – *cotton dress* ‘любое хлопковое платье’, *полушубки* – *fur jackets* ‘меховые куртки’, *стойка с радиоаппаратурой* – *electronics counter* ‘стойка с электроникой’, а также слова, которые можно считать генерализацией за счёт исключения при

переводе конкретизирующего слова: *холщовые мешки* переведено как *sacks* (мешки).

Иные приемы. Даже если в языке перевода имеется эквивалент для лексемы исходного текста, переводчик может использовать другую часть речи, зачастую в составе словосочетания. Например, существительное *синева* Эндрю Бромфилд перевел словосочетанием *blue...caps* 'синие...шапки', причастие *разграфлённый* – сочетанием *with special markings* 'со специальной маркировкой', прилагательное *белокурая* – сочетанием *bright blonde* 'яркая блондинка', существительное с предлогом *с сомнением* – причастием *doubting* 'сомневающаяся'.

Значение ряда исходных лексем восстанавливается из контекста, так как переводчик обращается к **контекстуальному переводу**. Эндрю Бромфилд достаточно часто использует контекстуальный перевод: *засиживаться* – *squatting* 'сидеть на корточках' в рамках предложений *Клиенты стали дольше засиживаться в кабинках...* и *The clients began squatting in their cubicles longer...*, *справив нужду* – *having relieved themselves* 'облегчившись' в рамках предложений *Справив нужду, они...заслонили писсуары...* и *Having relieved themselves, they...fenced off the urinals...*, *сошёл на нет* – *came to a rapid conclusion* в предложениях *...после этого пикник как-то быстро сошёл на нет...* и *...after that the picnic somehow came to a rapid conclusion...* Эти примеры показывают, что устойчивым сочетаниям редко соответствуют полные эквиваленты в переводном языке, но контекстуально они легко восстановимы.

К **способу компенсации** переводчики обращаются крайне редко, так как этот способ подразумевает неизбежные потери при передаче определённого образа с последующим его восполнением при помощи другого образа. Данный приём был использован в переводе Эндрю Бромфилда: *толком не понимать* – *take any real sense* '(не) иметь какого-либо смысла' и *не взять в толк* – *to have no idea* 'не иметь понятия'. Интересен тот факт, что в обоих случаях фигурирует лексема *толк*, переведённая в двух контекстах двумя разными способами. В первом случае слово *толк* переведено как *sense* 'смысл', во втором случае – как *idea* 'понятие'. Обратным приёмом, в котором исходная лексема переводится устойчивым сочетанием, является *курировать* – *keep an eye on* 'не спускать глаз'.

Переводной текст обладает рядом допущений и опущений. Эндрю Бромфилд исключал некоторые предложения и даже абзацы, а вместе с ними и интересующие нас лексемы. Так, в переводе отсутствуют эквиваленты таких реалий как *кузов*, *антисоветский уклон*, *предбанник*, *за пазуху*, *Моссовет* и *разноголосица*.

Выводы. Анализ перевода культурно-коннотированной лексики демонстрирует, что не каждая лексема, входящая в одну из групп безэквивалентной лексики на деле оказывается безэквивалентной. Например, заимствования могут быть когнатами, тогда их перевод будет отражён во многих языках, в том числе русском. Культурно-коннотированная лексика в рассматриваемом рассказе Виктора Пелевина создает сложности при передаче идиостиля как «системы содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям отдельного автора» [Сидаш, Крицкая, 2022, с. 35] средствами английского языка. Проблема перевода заключается в том, что оригинальный текст слабо соотносится с реалиями, свойственными другой культуре. Если даже наличие аналога не во всех случаях

позволяло сохранить мысль автора, то отсутствие эквивалента гарантировало пробел, который восстановить невозможно, так как англоязычный читатель не может представить того, что в его языковой картине мира контексте не существует.

Литература

- Ахманова О. С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*, Москва, Советская энциклопедия, 598.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. (2005) *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. М, ИНДРИК, 1038.
- Влахов С. (1980). *Непереводимое в переводе*. Москва, Междунар. отношения, 343.
- Демонина Ю. М., Лавриненко В. А., Кемечеджиева В. П. (2021) Реалии как лингвистическое явление, *Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*, 1, 144–153.
- Заика В. И. (2006). *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород, 407.
- Курбакова М. А., Боришанская М. М. (2013). Вариативность трансляции некоторых русских реалий в западную культуру, *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 4, 24–31.
- Николаев С. Г. (2000). Лингвистическая реальность и неадаптированное иноязычие: объект и способ его отражения в структуре поэтического текста *Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 15, 89-95.
- Пелевин В. О. (2014). *17 рассказов*. Москва, Изд. Дом Мещерякова, Эксмо, 525.
- Сидаш В. В. (2022). Особенности передачи идиостиля В. Пелевина в английском переводе романа «Generation “П”» *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 4 (222), 34–40.
- Скворцова В. В. (2020). Функции культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» (на фоне англоязычного перевода), *Вестник Челябинского государственного университета*, 3 (437), 97–104.
- Уржа А. В. (2016). Текстовые функции культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «СПИ» и его англоязычном переводе *Мир русского слова*, 3, 85–96.
- Фененко Н. А. (2018). О сходстве и различии понятий «термин» и «реальность», *Языковое бытие человека и этноса*, 20, 279–285.
- Щуклина Т. Ю. (2011). Словотворчество как реализация лингвокреативного потенциала детей, *Вестник ТГГПУ*, 24, 116–120.
- Явари Ю. В. (2017). Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе, *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*, 2, 219–224.

References

- Ahmanova O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Moskva, Sovetskaja jenciklopedija, 598.
- Vereshhagin E. M., Kostomarov V.G. (2005). *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech and behavioural tactics and sapientems]. Moskva, INDRIK, 1038.
- Vlahov S. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moskva, Mezhdunar. otnoshenija, 343.
- Demonova Ju. M., Lavrinenko V. A., Kemechedzhieva V. P. (2021). Realii kak lingvisticheskoe javlenie [Realia as a linguistic notion], *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chehova*, 1, 144-153.
- Zaika V. I. (2006). *Ocherki po teorii hudozhestvennoj rechi* [Essays on the theory of artistic speech]. Velikij Novgorod, 407.
- Kurbakova M. A., Borishanskaja M. M. (2013). Variativnost' transljicii nekotoryh russkich realij v zapadnuju kul'turu [Some variants of translating Russian realia into the western culture], *Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika*, 4, 24-31.
- Nikolaev S. G. (2000). Lingvisticheskaja realija i neadaptirovannoe inojazychie: ob#ekt i sposob ego

- otrazhenija v strukture pojeticheskogo teksta [Linguistic reality and unadapted foreign language: the object and method of its reflection in the structure of a poetic text] *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 15, 89-95.
- Pelevin V. O. (2014). *17 rasskazov* [17 stories]. Moskva, Izd. Dom Meshherjakova, Jeksmo, 525.
- Sidash V. V. (2022). Osobennosti peredachi idiostilja V. Pelevina v anglijskom perevode romana «Generation "P"» [Features of V. Pelevin's idiostyle in English translation of "Generation "P""] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4 (222), 34-40.
- Skvorcova V. V. (2020). Funkcii kul'turno-konnotirovannoj leksiki v rasskaze V. Pelevina «Devjatyj son Very Pavlovny» (na fone anglojazychnogo perevoda) ["Vera Pavlovna's Ninth Dream" – realia in translation and Pelevin's concept of time, sleep and philosophy of solipsism], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (437), 97-104.
- Urzha A. V. (2016). Tekstovye funkcii kul'turno-konnotirovannoj leksiki v rasskaze V. Pelevina «SPI» i ego anglojazychnom perevode [Textual functions of the culturally marked words in V. Pelevin's short story "Sleep!" and its English translation] *Mir russkogo slova*, 3, 85-96.
- Fenenko N. A. (2018). O shodstve i razlichii ponjatij «termin» i «realija» [About the similarities and differences between the concepts of "term" and "realia"], *Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa*, 20, 279-285.
- Shuklina T. Ju. (2011). Slovtvorchestvo kak realizacija lingvokreativnogo potentsiala detej [Word creation as the way of realization of the linguistic creative potential of children], *Vestnik TGGPU*, 24, 116-120.
- Javari Ju. V. (2017). Transkripcija kak odin iz sposobov peredachi realij v perevode [Transcription as a means of realia translation], *Vestnik TvGU. Serija «Filologija»*, 2, 219-224.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.01.2024.
Принята к публикации 15.02.2024.

Об авторах

Кузина Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, Филиал МГУ в г. Севастополе; ORCID ID: 0000-0002-7013-8676; mojipisma@yandex.ru

Ситко Юрий Леонидович – кандидат филологических наук, доцент, Филиал МГУ в г. Севастополе; ORCID ID: 0000-0001-6303-5022; yurii.sitko@gmail.com

Теплова Татьяна Евгеньевна – студентка IV курса направления «Филология», Филиал МГУ в г. Севастополе; ORCID ID: 0009-0005-1197-266X; teplovat45@gmail.com.

Kuzina O. A., Sitko Yu.L., Teplova T.Ye.

PERESTROIKA TIMES' VOCABULARY WITH CULTURE SPECIFIC CONNOTATION IN THE ENGLISH TRANSLATIONS OF THE NOVEL "VERA PAVLOVNA'S NINTH DREAM" **BY VICTOR PELEVIN**

Abstract. The article is devoted to the study of the translating techniques applied by the English publisher and translator Andrew Bromfield while dealing with the vocabulary with culture specific connotation of Perestroika period in the novel "Vera Pavlovna's Ninth Dream" by V. Pelevin. The works by V. Pelevin abound in various allusions to the life of Soviet and post-Soviet society, which may cause a lot of trouble to the translator in the process of translating them into English. In turn, in case of mistakes or distortions in the process of translation, these allusions and realia of Soviet life may become a barrier in understanding the translated work by the foreign language reader. The article makes the distinction between such important notions as realia, terms and lexical gap. The authors analyse translating techniques applied by the translator such as selecting absolute and relative equivalents, contextual description of lexical gap, calques, generalization, concretization, descriptive method. The article demonstrates that the translator has to deal with two things at once – deciphering the text of V. Pelevin and translating it into English.

Keywords: Victor Pelevin; translation; vocabulary with culture specific connotation; lexical gap; realia.

For citation: Kuzina O. A., Sitko Yu. L., Teplova T. Ye. (2024). Perestroika times' vocabulary with culture specific connotation in the English translations of the novel "Vera Pavlovna's Ninth Dream" by Victor Pelevin. *Memoirs of NovSU*, 1(52), 168-175. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).168-175

Рыжкова Е. В., Кокконен Е.И.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ЕСО-ANXIETY» В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ THE GUARDIAN)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа дискурсивной объективации лингвокультурного концепта «есо-anxiety». Анализ проведен на материале публикаций в the Guardian за 2015 – 2023 годы. В рамках тематического дискурса экотревожности рассматриваются акциональные субдискурсы: информирующий, регулятивный, субъектно-экспрессивный и прогностический. На основании языковых средств и речевых стратегий, представленных в указанных субдискурсах, конструируются понятийный, ассоциативный, образный и ценностный компоненты концепта «есо-anxiety». Выявлена его сопряженность с аффектами горя, гнева, одиночества, вины и беспомощности. В структуре концепта обнаружены компоненты «источник тревоги» и «объект обвинения». Также рассмотрена апокалиптическая модальность дискурса экотревожности. Участники дискурса в речевых действиях конструируют культурную травму и принимают на себя ответственность за существующие проблемы и их решение, либо отрицают их. Результаты дискурсивного и контент-анализа показали, что значительная внедренность экотревожности в британскую лингвокультуру не только определяет эмоциональный фон субъектов, но и регулирует и прогнозирует их поступки.

Ключевые слова: экотревожность, лингвокультурный концепт, акциональный дискурс, медиадискурс, британские СМИ.

Для цитирования: Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И. Языковая репрезентация «есо-anxiety» в британском медиадискурсе (на примере The Guardian) // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 176-184. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).176-184

После трех волн пандемии люди оказались в пост-ковидной реальности, которая столкнула их с массовым проявлением нового феномена – экотревожности. В условиях самоизоляции, оторванности от общественной и культурной жизни, в фокусе СМИ оказалась не только болезнь – Covid-19, но и климатические проблемы. В период с 2019 по 2023 гг. освещались природные катастрофы и волны жары, которые приписывались глобальному потеплению; общественный резонанс вызвала Конференция ООН по вопросам изменения климата – COP26. Пессимистическая медиаповестка, проблемы внутри «пузырей поддержки» [Рыжкова, Кокконен, 2021], заставили людей задуматься о том, что человек является не только объектом воздействия окружающей среды, но и угрозой для ее существования. Уровень тревожности населения повысился и экотревожность проявилась как сопутствующий фактор.

«Есо-anxiety» как явление впервые оказалось в фокусе внимания психологов в 2010 году, когда был опубликован доклад о психосоциальном воздействии климатических изменений на восприятие, поведение и копинг-стратегии людей, обращавшихся за помощью к специалистам [Dodds, 2021]. Психологические исследования относят экотревожность к группе экоэмоций, отмечая, что она отличается практической направленностью, поскольку испытывается индивидом, когда он задумывается о реакции на экологические угрозы и природные катаклизмы [Kurth, Pihkala, 2022].

В британских СМИ эта тема стала появляться с 2015 года [The Guardian site search, 2024] отражая как бытовую, так и профессиональную точку зрения на данное явление.

В словари «eco-anxiety» вошло в 2019-2021 гг.: 1) a state of distress caused by concern about damage to the environment [Collins English dictionary, 2019]; 2) a feeling of worry about threats to the environment, such as pollution and climate change [Oxford University Press, 2021]. Приведенные определения отражают как идею вовлеченности, озабоченности ситуацией, так и эмоциональные переживания.

Цель настоящей статьи – попытка лингвистического моделирования концепта экотревожности через анализ его дискурсивной объективации в пространстве британского медиадискурса.

Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в The Guardian с 2015 по 2023 год. В общей сложности было рассмотрено 53 публикации. Методами исследования были выбраны дискурсивный и контент-анализ.

Анализ текстов СМИ позволяет констатировать представленность в британском медиадискурсе *тематического* [Карасик, 2016] – «дискурса экотревожности», в котором «eco-anxiety» составляет центральный топик общения.

В дискурс экотревожности оказывается вовлеченным значительный круг лиц разного возраста и социального статуса: журналисты; непосредственные жертвы тревожности; психотерапевты и психологи; дети и их родители; представители различных профессиональных сообществ: учителя начальной школы, писатели и книгоиздатели, театральные режиссеры и зрители, экологи, зоологи и т.п.; политики и чиновники; экоактивисты, а так же их оппоненты – «climate deniers», представленные весьма эмоционально как «the shill», «the grifter», «the egomaniac», «the ideological fool» (Прим.1). Список может быть продолжен. Дискурс каждой заинтересованной группы представляет отдельную *субъектную* разновидность дискурса экотревожности, отражающую индивидуально-личностные и/или статусные характеристики коммуникантов.

Представляется, что в таком большом разнообразии субъектных дискурсов можно выделить ряд *акциональных* субдискурсов по совершаемому в них речевому действию. В рамках дискурса экотревожности обнаруживаются *информирующий, регулятивный, субъективно-экспрессивный и прогностический* субдискурсы со своими целями и речевыми стратегиями.

В каждом из указанных типов на первый план выходят разные аспекты лингвокультурного концепта экотревожности, его понятийный, ассоциативный, образный или ценностный компоненты (см. обзор структуры лингвокультурного концепта И. В. Кононовой [Кононова, 2014]).

Информирующий дискурс экотревожности имеет целью информирование читателя о существовании рассматриваемого явления, толкование его сути через сопоставление со смежными понятиями. Субъектами дискурса становятся, прежде всего, журналисты, люди с экотревожностью, а также психологи, психотерапевты и смежные специалисты.

В этом субдискурсе ярче всего представлены понятийный и ассоциативный компоненты концепта экотревожности. Стремясь донести суть описываемого переживания, субъекты дискурса дают ему следующие определения:

Eco-anxiety – the chronic fear of environmental catastrophe; fear of environmental doom; varied emotional and cognitive reactions to a rapidly changing environment; fears

about the climate breakdown; distress over the climate emergency; despairing over the state of the planet; a sense of gloom and almost paralysing helplessness; a deep sense of dread and vertiginous anxiety.

Синонимическими выражениями – ассоциациями также являются: growing awareness, apprehension, concern, climate / environment-related anxiety / stress / grief / despair, «eco-distress», «climate trauma», climate change anxiety / alarmism, «green angst». В приводимых определениях и терминах сохранены исходные кавычки, которые подчеркивают их новизну для читателя. Можно отметить, что ключевыми аффектами экотревожности оказываются «страх», «горе», «страдание», «озабоченность» и «стресс».

Обращает на себя внимание использование прилагательного «existential» в сочетаниях с лексемами stress, terror of annihilation, challenge of our generation, consequences, crises, dread and doom, question; profound, deep, что указывает на то, что переживаемая тревога касается всех аспектов человеческого существования. Экотревожность из аффекта возводится до уровня «existential imperative» (настоятельная необходимость), которая должна стать руководством к действию по спасению человечества.

Приведенные выше номинации и дефиниции представляют «бытовое» определение экотревожности. В то время как неспециалисты определяют экотревожность через переживаемые аффекты, психотерапевты относят его к проявлениям рациональности, исключая компонент «эмоция» из рассматриваемого понятия. В дискурсе психологов переживание не патологизируется, напротив, всячески подчеркивается нормальность данного состояния как рациональной реакции («the most rational response») на выход из зоны экологического комфорта. Они определяют его как чаще как «concern» или «care» – озабоченность, заинтересованность, заботу. Тревожность сопоставляется с рациональной или психологической дилеммой: «a psychological dilemma with existential consequences».

Психотерапевты предпочитают рассматривать экотревожность через понятие «коллективной травмы»: «climate trauma has been lurking within western society's collective psyche for the last 40 years ..., it changes everything about what we do and how we do it» (Прим 2). То, что психологи [Harvey, Manley, & Hickman, 2020] называют коллективной травмой, по сути является культурной травмой [Alexander, Eyerman, Giesen, Smelser, & Sztompka, 2004] – переживаниями, вызванными ужасающими событиями или явлениями, которые объединяют людей в социальную группу (сообщество), формируют их коллективную идентичность, обуславливая их реакцию на внешние угрозы и мотивируя к активным действиям и взаимодействию с окружающей средой.

Источники тревожности в информирующем дискурсе варьируются от обобщенных номинаций экологических проблем, таких как: ecological breakdown, environmental catastrophe, environmental degradation, до более специфических – связанных, в первую очередь, с климатом: climate disasters, climate crisis, climate emergency, traumatic climate events, climate distress, melting planet. По данным рассмотренных публикаций, любые изменения в привычном образе окружающей среды – рост городов («urban dystopia»), подъем уровня воды или засуха,

исчезновение видов, дым от лесных пожаров, таяние ледников Исландии и т.п. воспринимаются как катастрофические, создающие «новую реальность», «новую нормальность» (а «new normal»), грозящие шестым массовым вымиранием видов.

В понятийный компонент рассматриваемого концепта включен компонент «объект обвинения» – лица, ответственные за сложившуюся ситуацию. При их выделении говорящий чаще дистанцирует себя, представляя виновных как «они» или «другие» – правительство, политики, корпорации и т.п.: «One part of the discussion ... especially among young people, is the concern that others aren't worrying enough» (Прим.3); «I blame the Conservative government, climate change, neoliberal capitalism and extractivism ... but they are very hard targets» (Прим. 4). Основными обвиняемыми в бездействии становятся представители власти, противопоставленные населению: «government inaction on the climate crisis is pretty extreme, so it's hardly surprising that people are very worried» (Прим. 5). Либо говорящий причисляется к виновным через местоимение «мы»: «It's the world we have created that is causing these issues» (Прим. 6). Через конструирование культурной травмы сознательно устанавливается источник проблем, а группа признает себя ответственной за них.

Под *регулятивным* мы понимаем дискурс воздействия на субъекта переживания, направленный на облегчение тревоги, снятие напряжения через предложение вариантов активного выхода из негативной эмоциональной ситуации. Суггестивность данного дискурса роднит его с терапевтическим, как он представлен в работе М. С. Гриневой, Л. Г. Васильева [Гринева, Васильев, 2018].

Субъектами дискурса выступают, в первую очередь, практикующие психологи, психотерапевты и психоаналитики. К ним также относятся журналисты, дающие советы читателям, как справиться со стрессом, эко-активисты, обращающиеся к обществу со страниц СМИ и т.п. В сфере профессиональной помощи переживающим экостресс появляются новые узкие специальности, такие как «климатический терапевт» (climate-informed therapist), «эко-капеллан» (eco-chaplain) и даже «эко-доула» (eco-doula), чьи обязанности заключаются буквально в «пастырстве» (shepherding) – сопровождении клиентов в преодолении страха вымирания через климатоинформированную терапию – climate-informed / climate-conscious therapy.

Регулятивная функция данного дискурса реализуется в повелительных предложениях, призывах к действию, что отражается как в заголовках статей – «We don't have to be overwhelmed by climate anxiety. Feel the pain, then act» (Прим.7), так и в их содержательной части: «to reframe your eco-anxiety into action, use facts as a foothold up to personal action» (Прим. 8). Акцент смещается на совместное действие: «working together is the empowering antidote. It's a lesson we need to be reminded of again and again» (Прим. 7), «Nobody else is going to stand up for us unless we do» (Прим. 9).

Субъективно-экспрессивный дискурс представлен дискурсами людей, испытывающих экотревожность. Его цель – саморефлексия субъектов аффекта. В данном дискурсе, помимо дополнения и расширения понятийного компонента концепта, ярко проявляются его образная и ценностная составляющие. Анализ наименований переживаемого чувства его субъектами показывает, что они группируются вокруг следующих аффектов: гнев – rage, enraging and curiously stultifying, disgruntled; горе – sorrow, anguish, pain, sad; одиночество – a sense of isolation,

abandonment, betrayal, alone; страх – fear, worry, hijacked by anxiety, sense of panic, overwhelming and terrifying, alarmed, distraught; вина – guilt, shame; беспомощность – sense of powerlessness, frustration, helplessness, apathetic; безысходность – despair, put out and inconvenienced, increasingly broken. Интенсивность переживания варьируется от «troubling emotions» до «terrified for my future».

Среди аффектов, в которых проявляется экотревожность, присутствует острое переживание утраты, корнящееся либо в реальном прошлом, либо в гипотетическом будущем. Люди переживают утрату надежд, безопасности, описывая переживание как «the loss of a hopeful future», «hard ... to imagine a secure future», «mourning their own identity».

Эмоциональным переживаниям сопутствуют физиологические проявления экостресса; люди описывают состояние бессонницы, плаксивости, неприятных физических ощущений: «My stomach dropped. My heart was pounding. My chest felt tight»; «My chest hurt, I felt like I couldn't sit still, and I started pacing around. I couldn't do any work» (Прим. 10); «I felt my heart cleave into two pieces» (Прим. 11).

Ряд высказываний содержит образную составляющую, в них переживаемое чувство уподобляется явлениям природы: «his fear was a dense fog», «the emotional tsunami sweeping over the field»; физическому ощущению пустоты: «It's like a pit in your stomach – you feel weirdly empty»; потере равновесия: «the feeling of having 'the rug pulled from under my feet'; that I was enjoying a life that was ruining the world» (Прим. 5), воплощается в виде животного: «Around the same time, he began hallucinating that he was being stalked by a chimerical, constantly changing wolf» (Прим. 4).

В рамках данного дискурса обнаруживается, помимо понятийного и ассоциативного, ценностный компонент концепта экотревожности. Опасаясь стигматизации, люди склонны скрывать свое состояние, боятся совершить «social faux pas» – социальную оплошность, показаться излишне пессимистичными. Это подтверждается статистикой: по данным статьи «Climate anxious? Here's how you can turn apprehension into action» (Прим. 9), 66% американцев редко или никогда не обсуждают проблемы глобального потепления с близкими. От тревожности стремятся избавиться или подавить ее, она рассматривается как неуместное переживание: «I was very dismissive and grumpy about having it. I wanted to suppress it or get rid of it – I thought it was an indulgence because people are dying, so why was I fussing around with feelings?» (Прим. 5).

В то же время, другие субъекты не считают свое переживание чем-то постыдным или необычным: «It isn't bad, wrong, or inconvenient for me to have climate anxiety – it ultimately means that I care» (Прим. 5).

Прогностический дискурс проявляется в мрачных прогнозах будущего для человечества и планеты в целом. Это дискурс-предсказание, в котором, по определению В.И. Карасика, должна содержаться новая информация – релевантная и правдоподобная, касающаяся значительного события, а говорящий должен быть абсолютно уверен в том, что прогноз сбудется [Карасик, 2017]. Яркая апокалиптическая окрашенность прогнозов позволяет определить их целью, с одной стороны, запугивание и манипулирование, с другой – оправдание собственных поступков.

Прогнозируются два варианта развития событий: а) мрачное будущее,

представляемое как «apocalyptic, climate-changed world», «the dire predictions for the natural world», «the climate is going to get worse» и т.п.; б) полное отсутствие будущего, что выражается в высказываниях вроде: «We won't die of old age, we'll die from climate change» (Прим. 11); «she doesn't see the point when the world is going to end anyway» (Прим. 6); «Knapp's view of the world and of his future collapsed» (Прим. 5); «our world is doomed». Особенно яркий пример апокалиптического прогностического дискурса представлен в статье «Climate 'apocalypse' fears stopping people having children» (Прим. 12): к 2050 мир превратится в «a hot-house hell» (парниковый ад) с бесконечными войнами за ограниченные ресурсы, рушащимися цивилизациями, тающими ледниками, голодом, наводнениями и масштабными разрушениями.

Испытывающие экотревожность субъекты не просто говорят о грядущем апокалипсисе, но и действуют в соответствии со своими взглядами. Все больше молодых людей отказываются заводить детей, объясняя свое решение тем, что детям придется выживать в «apocalyptic conditions». В 2019 году десятки женщин Великобритании объявили о «birth strike» – отказе от родов, пока не разрешится климатический кризис.

Результаты анализа британских медиатекстов показывают, что на сегодняшний день экотревожность вышла за рамки сферы психологии и здравоохранения, став частью англоязычной культуры, современным трендом. В медиадискурсе репрезентируется новый лингвокультурный концепт «eco-anxiety», который в своей понятийной составляющей частично пересекается с «anxiety» [Лагоденко, 2009], но не является чисто эмоциональным концептом. Он сопряжен с аффектами горя, гнева, утраты, одиночества, вины и беспомощности, но в то же время имеет компонент рациональности и осознанного действия; ассоциирован с апокалиптическими взглядами; включает указания на источники тревоги и объекта обвинения. Культурную значимость экотревожности доказывает наличие 33 млн. ответов в поисковой системе Google на запрос «eco-anxiety» по сравнению с 1 млн. ответов на «экотревожность».

Вопросы утилизации одноразового пластика, очевидные изменения климата (жара, ураганы, наводнения), сортировка отходов актуальны для ¾ населения мира, и беспокойство ими уже не может считаться частным случаем проявления тревожности. Наряду с рекомендациями обратиться к психологам или психоаналитикам, предлагаются мобильные приложения, онлайн проекты, позволяющие контролировать свой углеродный след; климатические кафе с возможностью онлайн дискуссий с экспертами; блоги и платформы для онлайн сторителлинга, где можно поделиться своим опытом, переживаниями, ознакомиться с рекомендациями специалистов, а также получить рекламу услуг экоориентированного бизнеса.

Примечания

1. Carrington D. (2020, July 30). The four types of climate denier, and why you should ignore them all. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jul/30/climate-denier-shill-global-debate>
2. Ambrose J. (2020, October 08). "Hijacked by anxiety": how climate dread is hindering climate action. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/oct/08/anxiety-climate-crisis-trauma>

3. Mertens M. (2023, July 22). Why aren't we more scared of the climate crisis? It's complicated. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/jul/22/climate-crisis-fear-psychology>
4. Barkham P. (2023, September 23). 'The climate is visiting a mental unravelling on all of us': Charlie Hertzog Young on the dangers of activism – and staying sane on a dying planet. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/sep/23/the-climate-is-visiting-a-mental-unravelling-on-all-of-us>
5. Sarner M. (2022, April 12). 'I was enjoying a life that was ruining the world': can therapy treat climate anxiety? The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/apr/12/climate-anxiety-therapy>
6. Skopeliti C., Gecsoyler S. (2023, March 30). 'Terrified for my future': climate crisis takes heavy toll on young people's mental health. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/mar/30/terrified-for-my-future>
7. Orbach S. (2023, June 25). We don't have to be overwhelmed by climate anxiety. Feel the pain, then act. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jun/25/we-dont-have-to-be-overwhelmed-by-climate-anxiety-feel-the-pain-then-act>
8. Anxiety to action: Understanding the climate crisis - and what we can do about it (2020, September 22). The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/guardian-masterclasses/2020/sep/22/anxiety-to-action-understanding-the-climate-crisis-and-what-we-can-do-about-it>
9. Matei A. (2023, November 16). Climate anxious? Here's how you can turn apprehension into action. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/wellness/2023/nov/16/climate-anxiety-tips>
10. Demopoulos A. (2023, June 06). New York therapists see surge in eco-anxiety as smoke fills skies: 'Every client addresses it'. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jun/09/climate-crisis-psychology>
11. Taylor M., Murray J. (2020, February 10). Overwhelming and terrifying': the rise of climate anxiety. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/feb/10/overwhelming-and-terrifying-impact-of-climate-crisis-on-mental-health>
12. Carrington D. (2020, November 27). Climate 'apocalypse' fears stopping people having children – study. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/nov/27/climate-apocalypse-fears-stopping-people-having-children-study>

Литература

- Гринева М. С., Васильев Л. Г. (2018). Терапевтический дискурс: определение и конститутивные признаки. *Экология языка и коммуникативная практика*, 4, 22-33. DOI: 10.17516/2311-3499-035
- Карасик В. И. (2016). Дискурсивное проявление личности. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 56-77. DOI: 10.22363/2687-0088-15148
- Карасик В. И. (2017). Предсказание как коммуникативный поступок. *Коммуникативные исследования*, 3(13), 30-46. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.30-46
- Кононова И. В. (2014). Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации. *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*, 5, 32-42. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.4
- Лагоденко А. М. (2009). Вербальные средства выражения эмоционального концепта "тревога" в современном английском языке. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 1, 278-288.
- Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И. (2021). Support bubble: новый концепт в британской лингвокультуре. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 4(37), 443-447. DOI:

10.34680/2411-7951.2021.4(37).443-447

- Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., and Sztompka P. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press. DOI: [10.1525/9780520936768](https://doi.org/10.1525/9780520936768)
- Collins English dictionary (2019). Eco-anxiety. *Collins English dictionary*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.collinsdictionary.com/submission/21638/eco-anxiety> (дата обращения 10.01.2024)
- Dodds J. (2021). The psychology of climate anxiety. *BJ Psych Bulletin*, 45(4), 222-226. DOI:10.1192/bjb.2021.18
- Harvey A., Manley J. Y. & Hickman C. (2020). Ecology, Psychoanalysis and Global Warming: Present and Future Traumas [Editorial]. *Journal of Social Work Practice*, 34(4), 337- 348. DOI:10.1080/02650533.2020.1843418
- Kurth C., Pihkala P. (2022). Eco-anxiety: What it is and why it matters. *Frontiers in Psychology. Sec. Theoretical and Philosophical Psychology*, 13, 1-12. DOI:10.3389/fpsyg.2022.981814
- Oxford University Press (2021). Eco-anxiety. *Oxford Learner's Dictionaries*. [Электронный ресурс] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (дата обращения 10.01.2024)
- The Guardian site search. [Электронный ресурс] URL: <https://www.google.co.uk/search?q=eco+anxiety&site=www.theguardian.com> (дата обращения 17.01.2024).

References

- Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., and Sztompka P. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press. DOI: [10.1525/9780520936768](https://doi.org/10.1525/9780520936768)
- Collins English dictionary (2019). Eco-anxiety. In *Collins English dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/submission/21638/eco-anxiety> (accessed 10.01.2024)
- Dodds J. (2021). The psychology of climate anxiety. *BJ Psych Bulletin*, 45(4), 222-226. DOI:10.1192/bjb.2021.18
- Grineva M. S., Vasil'ev L. G. (2018). Terapevticheskiy diskurs: opredelenie i konstitutivnye priznaki [Therapeutic discourse: definition and constituent features]. *Ecology of language and communicative practice*, 4, 22-33. DOI: 10.17516/2311-3499-035
- Harvey A., Manley J. Y. & Hickman C. (2020). Ecology, Psychoanalysis and Global Warming: Present and Future Traumas [Editorial]. *Journal of Social Work Practice*, 34(4), 337- 348. DOI:10.1080/02650533.2020.1843418
- Karasik V. I. (2016). Diskursivnoe proyavlenie lichnosti [Discourse Manifestation of Personality]. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 56-77. DOI: 10.22363/2687-0088-15148
- Karasik V. I. (2017). Predskazanie kak kommunikativnyy postupok [Prediction as a communicative action]. *Communication Studies*, 3(13), 30-46. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.30-46.
- Kononova I. V. (2014). Struktura lingvokul'turnogo kontsepta: sposoby yazykovoy i diskursivnoy ob"ektivatsii [The structure of a cultural concept: means of language and discourse representation]. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 5, 32-42. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.4
- Kurth C., Pihkala P. (2022). Eco-anxiety: What it is and why it matters. *Frontiers in Psychology. Sec. Theoretical and Philosophical Psychology*, 13, 1-12. DOI:10.3389/fpsyg.2022.981814
- Lagodenko A. M. (2009). Verbal'nye sredstva vyrazheniya ehmotSIONal'nogo kontsepta "trevoga" v sovremennom angliyskom yazyke [Verbal means of the emotional concept "anxiety" expression in modern English]. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 1, 278-288.
- Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I. (2021). Support bubble: novyi kontsept v britanskoy lingvokul'ture [Support bubble: a new concept in British linguoculture]. *Memoirs of NovSU*, 4(37), 443-447. DOI: 10.34680/2411-7951
- Oxford University Press (2021). Eco-anxiety. In *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (accessed 10.01.2024)
- The Guardian site search. Available at: <https://www.google.co.uk/search?q=eco+anxiety&site=www.theguardian.com> (accessed 17.01.2024).

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.01.2024.
Принята к публикации 15.02. 2024.

Об авторах

Елена Владимировна Рыжкова — кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-4689-1537; yelena.ryzhkova@novsu.ru;

Елена Иогановна Кокконен — кандидат психологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-2860-1791; keli77@mail.ru.

Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF «ECO-ANXIETY» IN BRITISH MEDIA DISCOURSE (A CASE-STUDY OF THE GUARDIAN)

Abstract. The article provides the results of an analysis of the discursive realization of the linguocultural concept of «eco-anxiety». The analysis was carried out based on publications in the Guardian for the years 2015–2023. Within the framework of the thematic discourse of eco-anxiety, actional subdiscourses are considered: informative, regulatory, subjective-expressive and prognostic. Based on the linguistic means and speech strategies presented in the aforementioned subdiscourses, we construct the conceptual, associative, figurative and value components of the concept of «eco-anxiety». Eco-anxiety is viewed as associated with the affects of grief, anger, loneliness, guilt and helplessness. The findings show that the structure of the concept includes the components “source of anxiety” and «object of accusation». The article also considers the apocalyptic modality of the eco-anxiety discourse. Discourse participants in their speech acts construct a cultural trauma and either take responsibility for existing problems and their solution or deny them. The results of discourse and content analysis showed that the significant penetration of eco-anxiety into British linguistic culture not only determines the emotional background of subjects, but also regulates and predicts their actions.

Keywords: eco-anxiety, linguocultural concept, action discourse, media discourse, British media.

For citation: Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I. (2024). Linguistic representation of «eco-anxiety» in British media discourse (a case-study of the Guardian). *Memoirs of NovSU*, 1(52), 176-184. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(52).176-184

Медведева Е. П.

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ ТЕРМИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЗДУШНОГО ПРАВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме специфики терминосистемы международного воздушного права в английском языке. В исследовании представлены результаты анализа специфики многокомпонентных терминов по критерию принадлежности к семантическому ядру в рамках терминологических полей. Цель статьи заключается в определении особенностей многокомпонентных терминов международного воздушного права в терминосистеме английского языка. Задачи исследования заключались в выявлении специфических лексико-грамматических характеристик многокомпонентных терминов международного воздушного права в английском языке, проведении частеречного анализа терминов с многокомпонентным составом в английском языке. В статье представлены результаты эмпирического исследования, которые доказывают, что предложенная в исследовании покомпонентная методика анализа терминов позволяет выявить ряд ключевых признаков многокомпонентных терминов в английской терминосистеме международного воздушного права. По итогу проведенного эмпирического исследования автор статьи пришел к следующим выводам: в рамках отрасли международного воздушного права многокомпонентные термины занимают вторую позицию по уровню частотности употребления в английском языке. Материалы статьи могут быть полезны для анализа частеречной структуры терминов с многокомпонентным составом в терминосистеме международного воздушного права в английском языке.

Ключевые слова: лингвистика, терминоведение, терминосистема, терминополь, международное воздушное право, многокомпонентные термины, английский язык

Для цитирования: Медведева Е. П. «Многокомпонентные термины международного воздушного права // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 185-192. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).185-192

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления структурных особенностей терминов международного воздушного права в английском языке, что позволит производить их более точный перевод в других языках. Будучи базовой характеристикой термина, отсутствие двусмысленности является необходимым условием адекватного перевода в такой важной отрасли, как международное воздушное право [Давтян, 2019, с. 56]. Данная сфера человеческой деятельности обслуживается терминологической системой, имеющей стратегическое значение, признаваемое на государственном уровне: Приказ «Об утверждении федеральных авиационных правил «Порядок осуществления радиосвязи в воздушном пространстве Российской Федерации» от 26 сентября 2012 г. № 362 содержит утверждение о том, что «ведение радиообмена между экипажами воздушных судов, органами обслуживания воздушного движения и соответствующими наземными службами на территории Российской Федерации, в воздушном пространстве Российской Федерации и воздушном пространстве над открытым морем, где ответственность за ОПР положено на Российскую Федерацию, осуществляется на английском или на русском языке» [Приказ Министерства транспорта РФ, 2012]. В силу высокой значимости терминосистемы международного воздушного права анализ структурных компонентов терминов английского языка в данной отрасли можно считать междисциплинарным, «поскольку в нем затрагивается не только лингвистический, но и переводоведческий аспекты» [Эгамназаров, 2018, с. 186].

Само понятие «терминосистема» в современной лингвистике определяется как

«организованная совокупность терминов в специальном языке определенной области знания» [Бабалова, 2017, с. 95]. Исследования терминосистем в основном ориентированы на поиск новых методов анализа терминов [Mell, 2014], созданию релевантных отраслевых классификаций терминосистем [Шелов, 2018] и кросс-лингвистическому сопоставлению терминологии на основании предлагаемых единых критериев [Чилингарян, 2021].

Помимо указанных аспектов, в современных исследованиях применяется структурный анализ компонентов, составляющих термины международного воздушного права в английском языке. В частности, способы образования однокомпонентных и многокомпонентных терминов международного гуманитарного права в русском и английском языках представлен в работах А. Г. Давтян [2019] и Е. С. Закировой [2013; 2012].

Представленное в данной статье исследование терминов основано на внутренних предметно-логических признаках отраслевой терминосистемы международного воздушного права и нацелено на выявление особенностей многокомпонентных терминов английского языка. В исследовании была принята классификация терминов по лексико-семантическому критерию в терминосистеме международного воздушного права. Согласно данной классификации, термины можно распределить на несколько основных лексико-семантических групп, формирующих семантическое ядро отраслевого терминополья [Реформатский, 1961, с. 47]. С точки зрения данного подхода к классификации, корпусный метод изучения многокомпонентных терминов английского языка представляется наиболее релевантным. По мнению исследователей, корпусная лингвистика позволяет проводить сопоставительные кросс-лингвистические исследования различных отраслевых терминосистем, включающих многокомпонентные термины [Денисова, 2018, с. 118]. Под многокомпонентностью в современном терминоведении принято понимать «термин, состоящих из трех и более слов, формирующих терминологическое значение для обозначения предмета или явления в конкретном языке» [Давтян, 2019, с. 55]. Такие термины требуют особенно тщательного перевода, поскольку от расстановки смысловых значений зависит конечное понимание термина в международном воздушном праве.

Существующие в корпусных текстах английского языка примеры терминологии в сфере международного воздушного права были отсортированы для анализа их формальной структуры в классификации, предложенной И. Ю. Кухно [2016, с. 74], согласно которой термины были разделены на четыре группы:

- односоставные (термины, состоящие из одного слова), например: *airline*, *declarant*, *corporatization*, корпоратизация, декларант, аэродром;
- двусоставные (термины, состоящие из двух слов), например: *runway capacity*, *runway excursion*, *runway incursion*, пропускная способность, воздушное судно, второй пилот;
- трехчастные (термины, состоящие из трех слов), например: *aircraft security check*, *downstream data authority*, *apron management service*, соответствующий запасной аэродром, либерализованные воздушные соглашения;
- многосоставные (термины, которые состоят из четырех и более слов),

например: protocol supplementary to the Montreal convention of 1971, accelerate-stop distance available, Протокол, дополнительный к Монреальской конвенции 1971 года, располагаемая дистанция прерванного взлета.

Данная классификация позволяет выявить формально-структурные особенности терминосистем в английском и русском языках. Более того, критерий формальной структуры позволяет проводить сопоставления в двуязычных системах терминов, а также анализировать особенности каждого качественного компонента через призму количественных показателей – в том числе индекса частотности.

Историография темы исследования довольно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, особенности терминов с точки зрения классификационных признаков рассматриваются в работах таких авторов, как Г. Г. Бабалова [2017], О. И. Денисова [2018], М. Л. Лейчик [2013] др. Современные подходы к классификации терминов английского языка в области международного воздушного права изложены в исследованиях таких авторов, как А. Г. Давтян [2019], Е. С. Закирова [2013; 2012], И. Ю. Кухно [2016] и др.

Вопросы, связанные с лексико-семантическим полем как отраслевым терминополем, получили достойное освещение в работах А. А. Реформатского [1961], С. Д. Шелова [2018], Х. Х. Эгамназаров [2018] и др. Методология корпусных исследований в контексте изучения английской терминосистемы международного воздушного права рассмотрена в работе К. П. Чилингарян [2021].

Среди зарубежных работ можно выделить исследования таких авторов, как П.С. Димпси [2017], Дж. Мелл [2014], С.А. Сарmento [2005], которые в своих эмпирических работах доказали важность структурного анализа отраслевой терминологии международного воздушного права для обеспечения безопасности авиационных рейсов.

Тем не менее, несмотря на обширную историографию, необходимо рассмотреть особенности многокомпонентной терминологии в области международного воздушного права как наиболее сложной для перевода с английского языка.

Материалами исследования послужили многокомпонентные термины, обслуживающие отрасль международного воздушного права и содержащиеся в соответствующих тематических текстах корпуса английского языка. Сбор примером многокомпонентных терминов был произведен в официальном корпусе английского языка «English-Corpora: BNC» [2023]. В итоге было отсортировано 175 терминов английского языка, изученных с помощью компонентного анализа их структуры.

Методология исследования основана на структурном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (сопоставительный анализ, статистический метод, частотный анализ); а также ряд специальных методов: семантический анализ, методы переводоведения и терминоведения, а также метод корпусного исследования многокомпонентных терминов английской терминосистемы международного права. Для группировки по лексико-семантическому признаку был проведен частотный анализ многокомпонентной терминологии в тематических текстах корпуса английского языка. Все собранные примеры были распределены по критерию единого семантического ядра в нескольких терминологических полях.

По итогу проведения исследования были получены следующие результаты:

наивысший уровень частотности был выявлен для терминов «существительное + существительное + существительное», средний уровень частотности были выявлен для структур типа «существительное + причастие / прилагательное + существительное». Наименьший объем в выборке был выявлен для терминов со структурой «существительное + предлог + существительное + прилагательное / существительное» (таблица 1).

Частотность в корпусе английского языка		
Структура терминов английского языка		
«существительное + существительное + существительное»	«прилагательное + прилагательное / существительное + прилагательное	«существительное + предлог + существительное + прилагательное / существительное»
603	409	369
Примеры многокомпонентных терминов		
aeroplane reference field length area control centre air traffic control approach control service	adequate alternate aerodrome automatic terminal information service appropriate airworthiness requirements alimetry system error civil aviation authorities	safety of air navigation elements of equipment requirements for precision approach helicopter with engine

Таблица 1. Частотность терминов по компонентному составу на основании корпусного исследования английского в сфере международного воздушного права.

Среди примеров многокомпонентных терминов наиболее сложными для перевода являются структуры типа «существительное + существительное + существительное», поскольку важно сохранить как порядок, так и семантическое значение слов. Примеры перевода такого рода конструкций приведены ниже:

- aerodrome reference point; ARP – контрольная точка аэродрома;
- air-ground communication – двусторонняя связь «воздух-земля»;
- automatic terminal information service; ATIS – служба автоматической передачи информации в районе аэродрома;
- air operator certificate; AOC – сертификат эксплуатанта.

В такого рода структурах особым семантическим маркером для переводчика

является аббревиатура, которая соответствует почти каждому термину с частеречным составом

«существительное + существительное + существительное». Структуры типа «прилагательное + прилагательное / существительное + существительное» могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

- adequate alternate aerodrome – соответствующий запасной аэродром;
- automatic terminal information service – автоматическая информационная служба терминала;
- appropriate airworthiness requirements – соответствующие требования к летной годности;
- civil aviation authorities – органы гражданской авиации.

В этих структурах особенно важно выявить центральную терминологическую часть, образующую смысл и являющуюся в данном случае семантическим ядром термина. Структура типа ««прилагательное + прилагательное / существительное + существительное», как правило, не имеет маркера в виде аббревиатуры и поэтому переводится на основе имеющихся аналогов в языке перевода.

Минимальная частотность была выявлена у терминов со структурой «существительное + предлог + существительное + прилагательное / существительное», которая характерна в основном для терминов, описывающих процессуальные характеристики международного воздушного права. Примерами таких структур могут служить следующие многокомпонентные термины:

- safety of air navigation – безопасность аэронавигации;
- elements of equipment requirements for precision approach – элементы требований к оборудованию для точного захода на посадку;
- helicopter with engine – вертолет с двигателем.

Особенностью данного типа многокомпонентных терминов является то, что предлог, имеющийся в структуре термина, позволяет четко выстроить логико-семантические связи для адекватного перевода его значения. Более того, такие термины встречаются реже, чем два других вида структур, поскольку они, как правило, относятся к общеупотребительной авиационной лексике и зачастую могут быть понятны интуитивно.

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы. При проведении анализа терминосистемы международного воздушного права в английском языке эффективными являются корпусные исследования, которые позволяют установить частотность и структуру терминов. Индекс частотности по корпусу английского языка позволяет установить, насколько широко используется та или иная структура термина в области международного воздушного права.

Для выявления особенностей терминосистемы международного воздушного права наиболее релевантной является классификация по структурному частеречному признаку, поскольку она позволяет выявить особенности структуры каждого термина и произвести группировку терминов в определенные группы по критерию компонентного состава.

В ходе исследования было выявлено, что особенностями многокомпонентных терминов международного воздушного права в английском языке являются: наличие

семантического маркера в виде международно принятых аббревиатур у терминов со структурой «существительное + существительное + существительное»; наличие международно принятых аналогов для терминов со структурой «прилагательное + прилагательное / существительное + существительное»; а также наличие уточняющего логико-семантического маркера в виде предлога в терминах со структурой «существительное + предлог + существительное + прилагательное / существительное».

Литература

- Бабалова Г. Г. (2017). Термин как элемент терминосистемы. *Сибирское юридическое обозрение*, 12, 91-94.
- Давтян А. Г. (2019). Способы образования однокомпонентных и многокомпонентных терминов международного гуманитарного права в русском и английском языках. *Вопросы прикладной лингвистики*, 1, 55-67.
- Денисова О. И. (2018). Влияние заимствований на формирование авиационно-космической терминосистемы в английском языке. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3, 118-123.
- Закирова Е. С. (2013). *Современные подходы к лексикографическому описанию терминов*. Слово и словарь. Сборник научных трудов, Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 148-150.
- Закирова Е. С., Швецова, Е. В. (2012). Полипарадигмальный подход к изучению терминов. *Известия МГТУ «МАМИ»*. Научный рецензируемый журнал, 1(13), 352-360.
- Кухно И. Ю. (2016). Подходы к классификации терминов. *Современные исследования социальных проблем*, 6, 71-84.
- Лейчик М. Л. (2013). Опираясь на традиции – к новым горизонтам терминоведения. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 31 (322), 6-7.
- Приказ Министерства транспорта РФ от 26 сентября 2012 г. № 362 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Порядок осуществления радиосвязи в воздушном пространстве Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Правовая база ГАРАНТ, 24.
- URL: <https://base.garant.ru/70359988/> (дата обращения: 12.08.2023).
- Реформатский А. А. (1961). *Что такое термин и терминология*. Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания, Москва, 46–62.
- Чилингарян К. П. (2021). Корпусная лингвистика: теория vs методология. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 1, 196-218.
- Шелов С. Д. (2018). *Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения*, Москва: ПринтПро, 472.
- Эгамназаров Х. Х. (2018). О понятии лексико-семантического поля в лингвистике. *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки*, 1, 185-191.
- Dempsey, P. S. (2017). *Public International Air Law*. McGill University, 1025.
- English-Corpora: BNC. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (access date: 09.08.2023).
- Mell, J. (2014). Language training and testing in aviation need to focus on job-specific competencies. *ICAO Journal*, 3, 34-58.
- Sarmento S. A. (2005). Pragmatic Account of Aviation Manuals. *English for Specific Purposes World*, 4, (3), 321–327.

References

- Babalova G. G. (2017). Termin kak element terminosistemy [Term as an element of the terminological system]. *Siberian Legal Review*, 12, 91-94.
- Davtyan A. G. (2019). Sposoby obrazovaniya odnokomponentnykh i mnogokomponentnykh terminov mezhdunarodnogo humanitarnogo prava v russkom i angliyskom yazykakh [Methods of forming single-component and multi-component terms of international humanitarian law in Russian and English].

Issues in Applied Linguistics, 1, 55-67.

- Denisova O. I. (2018). Vliyaniye zaимstvovaniy na formirovaniye aviatsionno-kosmicheskoy terminosistemy v angliyskom yazyke [The influence of borrowings on the formation of the aerospace terminology system in the English language]. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 3, 118-123.
- Zakirova E. S. (2013). Sovremennyye podkhody k leksikograficheskomu opisanuyu terminov [Modern approaches to the lexicographic description of terms. Word and dictionary]. Collection of scientific works, Grodno, Grodno State University named after. Ya. Kupala, 148-150.
- Zakirova E. S., Shvetsova, E. V. (2012). Poliparadigmal'nyy podkhod k izucheniyu terminov [A multi-paradigm approach to the study of terms]. News of MSTU "MAMI". *Scientific peer-reviewed journal*, 1(13), 352-360.
- Kukhno I. Yu. (2016). Podkhody k klassifikatsii terminov [Approaches to the classification of terms]. *Contemporary Social Issues Research*, 6, 71-84.
- Leichik M. L. (2013). Opirayas' na traditsii – k novym gorizontam terminovedeniya [Based on traditions - to new horizons of terminology]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*, 31 (322), 6-7.
- Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated September 26, 2012 No. 362 "On approval of the Federal Aviation Rules "Procedure for radio communications in the airspace of the Russian Federation" (with amendments and additions). Legal framework GARANT, 24.
URL: <https://base.garant.ru/70359988/> (access date: 08/12/2023).
- Reformatsky A. A. (1961). Chto takoye termin i terminologiya [What is a term and terminology]. *Terminology issues. Materials of the All-Union Terminology Conference*, Moscow, 46–62.
- Chilingaryan K.P. (2021). Korpurnaya lingvistika: teoriya vs metodologiya [Corpus linguistics: theory vs methodology]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 1, 196-218.
- Shelov S. D. (2018). Oчерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения [Essay on the theory of terminology: composition, conceptual organization, practical applications], Moscow, PrintPro, 472.
- Egamnazarov Kh. Kh. (2018). O ponyatii leksiko-semanticheskogo polya v lingvistike [On the concept of lexical-semantic field in linguistics]. Scientific notes of Khujand State University named after. Academician B. Gafurov. *Humanities*, 1, 185-191.
- Dempsey, P.S. (2017). Public International Air Law. McGill University, 1025.
- English-Corpora: BNC. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (access date: 08/09/2023).
- Mell, J. (2014). Language training and testing in aviation need to focus on job-specific competencies. *ICAO Journal*, 3, 34-58.
- Sarmiento S. A. (2005). Pragmatic Account of Aviation Manuals. *English for Specific World Purposes*, 4, (3), 321–327.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.12.2023.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторе

Медведева Екатерина Павловна — преподаватель английского языка, Научный исследовательский университет Высшая Школа Экономики (Москва); ORCID: 0000-0002-0485-8907; medketrin94@gmail.com

Medvedeva E. P.

FEATURES OF MULTI-COMPONENT TERMS OF INTERNATIONAL AIR LAW IN ENGLISH

Abstract. The article reveals an actual problem of the specificity of the terminology system of international air law in the English language. The study presents the results of the specificity of multicomponent terms according to the criterion of belonging to the semantic core within the framework of terminological fields. The research goal is to determine the features of multi-component terms of international air law in the English terminology system. The study objectives were to identify the specific lexical and grammatical characteristics of multi-component terms of international air law in English, and to conduct a partial analysis of terms with a multi-component composition in English. The article presents the results of an empirical study that prove that the component-by-component method of term analysis proposed in the study allows us to identify a number of key features of multi-component terms in the English term system of international air law. Based on empirical results, the author concluded that within the field of international air law, multicomponent terms occupy the second position in terms of frequency of use in English. The research materials are useful for analyzing the partial structure of terms with a multicomponent composition in the terminology system of international air law in English.

Key words: linguistics, terminology, terminological system, terminological field, international air law, multicomponent terms, English language

For citation: Medvedeva E. P. (2024). Features of multi-component terms of International air law in English. *Memoirs of NovSU*, 1(52), 185-192. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).185-192

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

2023 | 6 (51)

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**